

Между Чувством и Контролем

Кофанова С. А.

С. А. Кофанова

Между Чувством и Контролем

«Автор»

2025

Кофанова С.

Между Чувством и Контролем / С. Кофанова — «Автор», 2025

Цесаревне Марте с детства твердили, что долг для наследницы трона Стриборга превыше всего, а собственные желания — непозволительная роскошь. В мире, где бессмертие — привилегия титулованного дворянства, а чувства — опаснее, чем кажутся на первый взгляд, Марте предстоит нелегкий путь, полный политических интриг и таинственных замыслов богини Тьмы Ариантреи — создательницы Бессмертия. Удастся ли Марте разгадать планы Темных богов или все попытки обречены на провал? Можно ли обрести контроль над Чувством? И как близкая подруга Марты Анна — одна из Темных богов — связана с их главным врагом? «Между Чувством и Контролем» — роман о поиске себя, долге и цене выбора.

© Кофанова С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1 Марта	8
Глава 2 Анна	18
Глава 3 Ромарио	28
Глава 4 Марта	37
Глава 5 Бакари	48
Глава 6 Анна	53
Глава 7 Марта	65
Глава 8 Ромарио	76
Глава 9 Анна	88
Глава 10 Крэссенсия	95
Глава 11 Ромарио	103
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Между Чувством и Контролем

Глава

*Посвящается моим любимым дедушке и бабушке,
которые окрылили мою мечту верой.
Я безумно люблю вас.*

Пролог

Ночная мгла затмила звездный свет. Ночь была глухой. Слишком тихой для этого шумного города. Луна спряталась за облаками, полностью отрезав территорию резиденции от мира. Было сложно разглядеть очертания высоких стен или деревьев, почти невозможно разобрать, где выход.

Девушка бежала, не разбирая дороги. Она не знала, куда бежит и от кого. Ослепляющее чувство страха гнало вперед, не оставляя времени на раздумья. Пульс жадно стучал в висках, болезненные вдохи причиняли мучения. Горло жгло раскаленным железом, отчего Она не могла произнести ни слова. Коснувшись ладонью шеи, девушка ощутила теплую влагу и мгновенно осознала, почему дыхание дается с таким трудом. На пальцах блестела кровь.

Рана до сих пор не затянулась? Если бы ее ранили Мертвой сталью, вряд ли получилось хотя бы двигаться. Значит, виной тому была обычная. Девушка призвала силу Метки Бессмертия, чтобы залечить рану. Однако магия не подчинилась. Будто что-то мешало, блокируя могущественную энергию. Она взглянула на запястья, надеясь, что не увидит того, чего так боялась. Руки были скованы Удерживающей сталью. В этот момент Ее настигло отчаяние.

Она не может использовать магию, а значит, не в состоянии защитить себя.

«Нет, они меня не поймут, — твердила себе девушка. — Я цесаревна Стриборга! Я не могу погибнуть вот так! Нужно покинуть территорию резиденции, и я буду спасена!»

Ворота кремля были близко. Если Она ускорится, то успеет выбежать до того, как Ее схватят. Цесаревна оглянулась, чтобы оценить свои шансы на выживание. Преследователей оказалось меньше, чем ожидалось. Лиц девушка не разглядела — одни черные силуэты. Она вновь перевела взгляд на ворота, около которых не наблюдалось стражи. Оставалось совсем немного.

Внезапно Она ощутила яркую вспышку боли в голени и споткнулась. Исполненный муки взгляд голубых глаз упал на тонкий кинжал, торчащий из ноги. Безусловно, он сделан из Мертвой стали, иначе боль не оказалась бы столь пронзительной.

Так вот что чувствуют простые смертные, когда их ранят оружием, созданным для бессмертных! Если бы не браслеты, блокирующие магию Метки Бессмертия, такая ничтожная рана не причинила бы особого вреда. Сейчас же нога перестала слушаться. Девушка потянула дрожащую руку к кинжалу, чтобы вытащить оружие. Но успела лишь прикоснуться к рукояти, когда перед ней возник силуэт человека. Ей не удалось разглядеть обидчика.

— Уже не такая смелая, цесаревна? — произнес мужской голос. — Какая же ты жалкая... — В руке предателя появился меч. — Позор царской семьи и всего Стриборга!

Его слова странным образом расходились эхом, словно все происходило в пещере. Каждая фраза вибрациями отдавалась в голове цесаревны, вызывая оглушительную головную боль. Она зажмурилась.

Какая же ты жалкая...

Предатели, стоящие позади него, начали повторять слова неприятеля. Гул голосов затмил тишину ночи. У девушки заложило уши. Возникло ощущение, будто она опускается на дно моря.

Позор царской семьи и всего Стриборга...

— Ты достойна только смерти, — ядовито прошептал обидчик.

Захотелось позвать на помощь, но из уст вырвался лишь хрип. Она попыталась отползти, когда он замахнулся на Нее своим оружием. Смерть была так близко. Она не могла поверить, что сейчас Ее жизнь оборвется. Ей всего пятнадцать...

Откуда ни возьмись появилась искрящаяся молния и гневно ударила нападающего. Закричав, он выронил меч, лихорадочно стараясь отмахнуться от колючих вспышек. Осталь-

ные предатели, кучкой столпившиеся позади обидчика, замерли на долю секунды, а затем замертво рухнули наземь.

Девушка почувствовала облегчение. Кто спас Ее? Ни один знакомый, кто мог быть магом молний и явиться на помощь, не приходил в голову. Она не водила дружбу с рикриэнками. Цесаревна повернулась, чтобы поблагодарить своего спасителя. Однако сердце в тот же миг остановилось от ужаса. Выросший перед Ней женский силуэт не предвещал ничего хорошего.

– Здравствуй, Марта, — изрек сухой безжизненный голос.

Незнакомка, чьего лица Она не разглядела под покровом ночи, направила в Ее сторону свою руку, и Марта потеряла сознание.

Глава 1 Марта

710 год от Великой Революции Независимости

91 день лета

Марта Ураганова резко распахнула глаза и села в постели. В панике оглянувшись, выискивая взглядом голубых глаз незнакомую женщину и толпу обидчиков. Однако в покоях цесаревны никого не наблюдалось, кроме нее самой. Наследница трона перевела дыхание, успокаивая бешено скачущее сердце. Страх до сих пор разливался по венам.

— Это был просто кошмар, — прошептала Марта, убрав за уши светло-русые волосы и дотронувшись пальцами до глаз, в которых почему-то ощущалась мучительная боль. — Ты перенервничала из-за предстоящего приезда.

Слишком правдоподобно для простого кошмара. Ураганова до сих пор будто наяву чувствовала саднящую боль в горле и отчаяние перед неизбежной кончиной, презрение в голосе обидчика, желающего ей гибели, и равнодушный взгляд незнакомки.

В дверь осторожно постучали, заставив Марту вздрогнуть.

— Цесаревна, вы в порядке? — послышался голос стражника за дверью. — Вы кричали...

— Все в порядке, — ответила она как можно сдержаннее, скрывая тревогу. — Благодарю за беспокойство.

Марта не решилась откровенничать со стражниками. Не хватало еще, чтобы наутро весь дворец рассуждал о впечатлительности наследницы Стриборга. Ее и так недолюбливают за своенравность и непреклонность, а подобные слухи только сильнее разожгут осуждение.

Позор царской семьи и всего Стриборга...

По коже пробежали мурашки. Фраза из сна будто охладила воздух в комнате. Отогнав наваждение, Марта стерла капли пота, выступившие на лбу, взглянула на трясущиеся руки и вздрогнула от вида крови. Она еще раз осторожно тронула веки, чтобы убедиться, что они тоже кровоточат. Цесаревна встала со своего ложа и направилась к комоду с вещами. Достав оттуда позолоченное зеркальце с ручкой, Ураганова приоткрыла шторы, впустив лунный свет, и растеряно уставилась на свое отражение. На нее смотрела взволнованная девушка с длинными, по пояс, волосами. У Марты были легкие скулы отца, прямой нос и мягкие черты лица, доставшиеся от матери. Голубые широкие глаза, напоминающие своим цветом чистейший небосвод, покраснели, а белки потрескались красными линиями. Из уголков тонкими струйками сочилась алая кровь.

Марта не могла найти причин для кровотечения. Она была рождена с Царской Меткой Бессмертия, наличие которой исключало любые глазные или какие-либо еще болезни, свойственные обычным людям. Так не должно быть.

«Нужно рассказать тетушке», — подумала цесаревна.

Марта, заставляя себя успокоиться, закрыла глаза и призвала силу Метки — древних знаков, чей смысл был неизвестен наследнице трона, выгравированных по всей поверхности правой руки от плеча до кончиков пальцев. Тепло наполнило веки, постепенно отгоняя боль. Марта вновь посмотрела в зеркало и убедилась, что лицо снова выглядит здоровым. Потом нашла платок на туалетном столике, смочила его водой из кувшина и протерла глаза. Кровь уже начала засыхать.

Тщательно умывшись, Ураганова вернулась на ложе. Тревога, которую оставил после себя дурной сон, медленно отступала. Марта улеглась на мягкие подушки и накрылась одеялом. Прикрыв веки, цесаревна попыталась уснуть. Перед сложным и насыщенным днем ей следовало очистить голову от всех тревог и запастись покоем.

Последние дни она была как на иголках, впрочем, как и весь Мирोगрад — город, являющийся общей территорией пяти великих держав. Именно сюда правительницы Рамерита,

Джайо, Рикриэнии, Неропаса и Стриборга приезжали каждые пять лет, чтобы обсудить ситуацию в мире и дальнейшие действия в ходе бесконечной войны против богини Тьмы Ариантреи.

Это событие именовалось Советом Пяти Стихий. Оно подразделялось на несколько этапов, включая Бал Открытия, Турнир Чести, Совет Правительниц, который мог длиться неограниченное время, и Бал Закрытия. На оба бала приглашалась только знать, а Турнир Чести — развлечение, ради которого съезжались тысячи людей со всех уголков мира, — был открыт для посещения каждому, независимо от происхождения, но за крупную сумму.

Марта переехала в Мироград, когда ей было семь лет. Через год к цесаревне присоединилась ее младшая сестра Екатерина. Воспитание вдали от родителей было традицией в царской семье Стриборга. Так не возникало привязанности, способной помешать мыслить рационально, если того будет требовать ситуация. Урагановой остро не хватало родительской любви с самого первого дня в этом городе. Пять лет назад царица и цесарь приехали в Мироград на Совет, и Марта встретила с ними впервые с того момента, как покинула Стриборг. Тогда Марту постигла смесь разочарования и непонимания: вместо любящей мамы приехала холодная бесчувственная женщина, не имеющая ничего общего с той, кого любила Марта. К счастью, отношение отца не изменилось.

Марта погрузилась в размышления о грядущем событии, и до первых лучей солнца уснуть так и не удалось. Встретив рассвет, она послала стражника за служанкой, решив не тратить драгоценное время на бесполезные думы. Ведь если Ураганова выполнит большую часть дел до середины дня, то сможет начать тренировку пораньше и закончить до заката — цесаревна тренировалась каждый день по шесть часов, улучшая магические навыки и оттачивая технику сражения на боевых веерах. Зачастую, именно по этой причине, Марта не успевала выполнить остальные задания. Цесаревна раздвинула плотные темно-фиолетовые шторы. Блеклый солнечный свет из окна, расположенного напротив кровати, озарил просторную комнату. Пришедшая через несколько минут темноволосая служанка, поприветствовала цесаревну лучезарной улыбкой. Карие глаза девушки воззрились на Марту в ожидании указаний. Ураганова всегда поражалась детской наивности Ольги Перовой, хотя той уже минуло девятнадцать лет.

– Принеси бежевый сарафан, расшитый рубинами и золотыми цветами, — повелела Марта. — И кокошник с бармой такого же цвета.

Служанка просияла. За годы, проведенные с Ольгой, Марта успела заметить, что каждый раз, держа в руках дорогие одежды, Перова радовалась, будто маленький ребенок.

– Какую рубаху изволите, Ваше Высочество? — открывая сундук, спросила Ольга.

Марта припомнила все свои рубахи, которые могли подойти к выбранному сарафану. В обществе Стриборга соблюдались жесткие требования к сочетанию цветов, чего не наблюдалось больше ни в одной культуре. Простой люд должен был носить строго оттенки серого цвета. Черный полагался людям, имеющим власть над Светом или Тьмой, каких в Стриборге обитали единицы. Все титулованные особы носили яркие цвета, а члены царской семьи обладали привилегией использовать светлые ткани. Белый могла надевать только царица. Любой стриборгчанин, который появится в белом, — будь то обычный простолюдин или сам цесарь — будет жестоко наказан, так как тем самым проявит крайнюю степень неуважения к монархине.

– Недавно сшили одну, нежного персикового цвета, помнишь?

Ольга, плохо разбирающаяся в цветах, не сразу поняла, о чем говорит госпожа, но после секундной заминки довольно закивала и извлекла одежду. Объемные рукава этой рубахи не были традиционными стриборгскими — длинной в несколько локтей, а шились по последней мироградской моде, на основе культуры Рикриэнии.

Облачившись в изящный наряд, Марта встала перед большим зеркалом, любуясь на себя в отражении. Дорогая парча скрывала объемные бедра и заметные округлости в области груди, доставшиеся от матери. Изгибы запястий были украшены золотой вышивкой, узор которой

цесаревна придумала сама. Поверх бежевого сарафана сияла барма, усыпанная жемчугами и гранатами. На ноги цесаревна надела оранжевые башмачки на невысоком каблуке с зауженными мысками.

— Вы такая красивая, Ваше Высочество! — ликовала Ольга совершенно искренне, заплетая волосы Марты в косу. — Никто по красе не сравнится с вами, Марта Александровна!

В дверь постучали. Марта позволила войти Андрею Мариевичу — сыну княгини Своровой, который помогал ей во всех делах. Каждое утро Андрей Мариевич являлся в покои цесаревны и вручал расписание. В нем перечислялись обязанности, мероприятия, уроки, время для отдыха и тренировки, которые Марта должна была выполнить в течение дня. По мере приближения Совета Пяти Стихий рос и список ежедневных дел.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — поприветствовал Андрей, войдя в покои. — Вы сегодня встали пораньше, Марта Александровна?

Сын княгини Своровой был темноволос, как и его мать. Но, в отличие от тетушки Марты, в его серых очах не сверкала сталь, наоборот, они светились добродушием. На щеках и подбородке темнела двухдневная щетина. Молодой человек был высок в сравнении с тридцатилетними сверстниками, но выглядел на десять лет моложе благодаря Метке Бессмертия.

Метка не позволяла организму стареть, поэтому тело не приходило в негодность, как происходило со смертными. Ни одна болезнь не могла возникнуть в таком человеке или боге — она уничтожалась сразу же. Кроме того, Метка Бессмертия полностью восстанавливала поврежденное тело, если ранение было нанесено обычным оружием или магией: раны заживали, утраченные конечности и даже внутренние органы отрастали. Будь то половина тела, сердце, голова — неважно. Однако при ранении Мертвой сталью от ран оставались шрамы, отрубленные конечности не вырастали заново, а поврежденные органы не излечивались. Если же такой сталью отсекали часть тела, где находилась Метка Бессмертия, то бессмертный становился смертным. Поэтому, боевые доспехи, которые носили маги, обычно имели дополнительную защиту в той части, где находилась Метка.

Мертвая сталь была погибелью для бессмертных. Ее создали в Рикриэнии для борьбы с теми, кто имел Метку Бессмертия. Такая сталь имела насыщенный черный оттенок и не отражала солнечный свет, будто умертвляя его. Достаточно было одного мелкого пореза, чтобы лишить сознания простого смертного. Более серьезное ранение стоило жизни. Поэтому смертных никогда не призывали на войну — для них это равнялось самоубийству.

— Доброе утро, Андрей Мариевич, — кивнула брату Марта. — Да, верно замечено. Дел много, а времени не хватает, поэтому попросила Ольгу разбудить меня пораньше, — соврала без запинки цесаревна.

Ольга, закрепляющая поверх волос изящный кокошник и фату, никак не выдала ложь наследницы.

— Похвально, Марта Александровна, — улыбнулся Андрей и протянул расписание. — Ваша сестра тоже проснулась с рассветом, чтобы закончить все пораньше. Мария Еленовна будет рада услышать о вашем энтузиазме.

Лицо Марты мгновенно утратило всякое радушие, между бровей появилась морщинка. Она была с сестрой в холодных, если не в ледяных, отношениях. Не говоря уже о том, что их ежедневно сравнивали друг с другом, выставляя Екатерину в лучшем свете, так еще и сама царевна была о себе высочайшего мнения. Екатерина постоянно досаждала Марте, старалась выделиться за ее счет и поворачивала ситуацию в свою сторону. Между ними шло бесконечное соревнование за право называться достойной дочерью царицы Александры. Настоящая война.

К огромному сожалению Марты, младшая сестра была хитрее и дальновидней, проявляла больше таланта в учебе. Ей легче давались языки, игра на музыкальных инструментах, танцы, арифметика и история. Екатерина, бесспорно, была прекрасным дипломатом. Когда главы Мировграда устраивали балы в чью-то честь, младшая сестра могла за один вечер обза-

вестись десятком новых знакомств и подружиться даже с теми, у кого друзей в принципе быть не могло. Однако именно Марта была искусным магом ветра, что, по мнению цесаревны, было важнее всех прочих умений. Царица, которая не может защитить свой народ в бою, — обуза.

Нахмурившись, Ее Высочество посмотрела на второй лист в руках Андрея. Безусловно — расписание Екатерины. Марта, не церемонясь, выхватила его из рук двоюродного брата.

— Марта Александровна, вам не стоит... — сделал попытку отнять листок Андрей Мариевич, но Марта лишь выставила ладонь вперед, преграждая путь. — Цесаревна, советую вам...

Марта взмахнула рукой, прерывая его возражения.

— Катя встречается с беженцами из Вотрова? — спросила она удивленно: этого пункта не наблюдалось в ее собственном расписании.

Традиционно такими вещами занималась княгиня Мария. Однако иногда она позволяла царским дочерям брать на себя светские обязанности. Марта считала, что именно наследнице трона, а не младшей дочери царицы важно присутствовать на подобных мероприятиях для приобретения опыта.

«Тетушка снова отдала предпочтение одной Екатерине».

— Мне неведомо, Ваше Высочество, — поджал губы Своров. — Я не читаю чужое расписание.

Вотров, располагающийся к северу Мирогграда, служил столицей Вотровского княжества в Стриборге. Княжество и Мирогград разделяло Василисово море. Марта слышала о чудовищном захвате города армией богини Тьмы. Множество людей было перебито, почти никто не спасся. В стенах дворца об этом болтал каждый, кому не лень, однако ей было известно, что новость пытались скрыть от горожан, не желая вызвать панику.

— У меня нет никакой встречи, — вновь прошлась глазами по своему листу Марта. — Я — Цесаревна Стриборга, — Ураганова метнула жесткий взгляд на Андрея. — Почему моя младшая сестра встречается с вотровцами, а я в это время присутствую на Публичном суде?

Марту охватил гнев. Конечно, на лице ее не высветилась ни одна эмоция, но голубой взор полыхал.

— Я ничего не знаю, цесаревна, — смятение наполнило серые глаза брата. — Княгиня не делится со мной планами...

Цесаревна обладала талантом, о котором мало кто знал. Она всегда видела, когда человек ей врал, насколько искусным лжецом он бы ни был. И именно этим сейчас занимался Андрей Мариевич. Лгал. Марта понимала это, разглядывая пунцовые щеки брата.

— Уходите, — Марта протянула Андрею листок, предназначавшийся Екатерине.

Двоюродный брат, приуныв, поклонился и поспешил покинуть покои цесаревны. Марта сжала кулаки от гнетущей несправедливости. Злость, подобно беспокойному огню, завладела душой Урагановой, болезненно въедаясь в кожу. Негодование буквально пожирало ее.

Это неправильно.

Уже в который раз Мария Еленовна расставляет свои приоритеты, руководствуясь только ей ведомыми причинами, выказывая тем самым неуважение к цесаревне. К княгине Марии прислушиваются. Она подает пример того, как следует относиться к наследнице трона, и всем своим видом показывает, что Марта не достойна занимаемого положения. Многочисленные приближенные тетушки, желая заручиться расположением влиятельной княгини, разделяли ее настроение. Они не скупилась на комплименты, обсуждая достоинства Екатерины, равно как не ограничивались вольными замечаниями насчет слабых сторон Марты. Иногда цесаревне казалось, что подданные нарочно забывают о ее талантах, дабы сильнее задеть чувство собственного достоинства наследницы. Но продолжала надеяться на лучшее.

Ураганова, пожелав остаться одна, отправила Ольгу к себе, а сама вышла на балкон вдохнуть свежего воздуха. Она обвела задумчивым взором город-остров, омываемый Василисовым морем, — названным так в честь ее прабабушки Василисы, одной из основательниц Мирог-

града, и имеющим выход в Халитский океан. За территорией резиденции Стриборга раскинулись богатые постройки знати, живущей в Мирогrade или приехавшей сюда по случаю Совета. Справа от многочисленных зданий с красными крышами расстилось озеро Денница, мимо которого Марта любила проходить во время прогулок. За озером виднелся смешанный лес и северные скалистые горы. Среди их острых выступов находилось тайное место, куда молодая цесаревна часто выбиралась ночью, чтобы встретиться со своими друзьями. Никто не знал об этих вылазках. Если бы княгине Марии стало известно о ночных встречах, Марту навеки бы заперли в комнате.

Потому что для цесаревны должен иметь значение лишь Стриборг. Её дыхание — это ветер, сердце — страна. Для наследницы трона нет ничего важнее благополучия государства, славы Дома Урагановых и нужд народа. Но в этот постулат незаметно ворвались друзья. Ворвался *он*. Они стали неотъемлемой частью Марты, и Ураганова уже не могла отпустить их, как бы ни желала.

Хоть девушка прекрасно осознавала все риски, не имела сил отказать себе в этой слабости. Друзья были не только выходцами из других стран, но и нетитулованными. Поэтому всякое общение с ними как минимум подверглось бы неодобрительному обсуждению бессмертного общества. Тем не менее, они были отрадой для души девушки. Марта жила в мире, где от каждого ее слова зависело мнение окружающих, где любая ошибка стоила репутации, а все любезности — лишь фальшивка. Наследницу окружали люди, спокойно ожидающие провала цесаревны. Однако с друзьями все было иначе. Только рядом с ними Ураганова могла предстать самой собой и не получить осуждения в ответ.

Чувства — это слабость, а слабость для цесаревны — недопустима, Марта Александровна.

Слова тетушки, которые та неустанно повторяла, всплыли в голове. Марта была эмоциональной особой, но с годами обучилась держать свой пыл в холодных тисках. Приходилось подавлять все порывы, надевая на лицо маску равнодушия. Вскоре она научилась брать над собой верх и умертвлять все переживания или обиды, а затем хоронить их в душе под толстым слоем сдержанности. Ей пришлось сломать себя и стать второй Екатериной.

Марта встряхнула головой, отгоняя мучительные мысли. Сейчас не до жалости к себе. Ей нужно сходить к княгине Марии и потребовать изменений в расписании. Цесаревна не собиралась отсиживаться в стороне, пока сестра будет упиваться своим положением.

Наследница трона поспешно покинула покои. Стражники, охраняющие девушку днем и ночью, немедленно двинулись следом. Ураганова достаточно хорошо знала свою тетушку, чтобы пойти не в комнату княгини, а ее кабинет. Мария Еленовна вставала рано и почти сразу садилась за работу, а иногда вовсе игнорировала сон, поскольку для бессмертных он не был потребностью.

Метка Бессмертия наделяла своего носителя огромной выносливостью, заменяя привычные смертным источники энергии — будь то сон, еда или вода. Марта, как и ей подобные, редко испытывала голод или жажду. В основном она трапезничала, чтобы насладиться вкусом яств. Зато желание организма отдохнуть ей было знакомым — шестичасовые магические тренировки не проходили бесследно.

Эхо от быстрых шагов разлеталось по расписанным белыми и голубыми цветами стенам дворца. Потолки украшали фрески, исполненные в символике Стриборга и Дома Урагановых, подчеркивающие величие царской семьи. Окон в коридорах почти не было, поэтому путь до пристанища княгини проходил в полумраке.

Марта ворвалась в кабинет Марии без стука, заранее предвкушая недовольство, которое испытает родственница. Кабинет представлял собой большую комнату, каждая стена которой была заставлена книжными шкафами. Утренний солнечный свет пробирался сквозь окна,

слегка закрываемые синими шторами с серебряной вышивкой. Лучи падали на Марию, отчего ее каштановые волосы блестели.

Враждебный взгляд голубых глаз встретился с металлическим взглядом тетушки. Мария восседала за деревянным столом, разбирая какие-то исписанные бумаги, одновременно всматриваясь в записи в бесцветных книгах. Сегодня на ней была бежевая рубашка с традиционными длинными рукавами и алый сарафан, украшенный драгоценными камнями.

– Ваше Высочество, — сухо поприветствовала Сворова, поднимаясь и склоняя голову. — Что вам угодно?

Княгиня всегда напоминала Урагановой мать. Непроницаемое выражение лица, рваные движения, колючий голос и убивающее спокойствие. Каждое ее слово сжимало живой огонь ледяными цепями, а бесстрастные глаза вонзали свои лезвия в сердца, обрекая их на гибель.

– Я узнала, что вы, тетушка, поручили Екатерине встретиться с беженцами из Вотрова? — хладнокровно поинтересовалась Марта, но не старалась скрыть возмущения.

– Верно, Марта Александровна, поручила, — сухо кивнула младшая сестра отца, опускаясь обратно на стул и возвращаясь взглядом к странице одной из книг, брошенных на столе.

Все внимание женщины концентрировалось на работе. Мария Еленовна явно не испытывала желания беседовать с племянницей. Но Марту безразличие княгини не заботило.

– Тогда, почему я — наследница престола — буду присутствовать на Публичном суде, когда как моя младшая сестра, — повысив голос, выделила Марта последние слова и подошла ближе к тете, — принимает вотровцев? — Княгиня в ту же минуту встретила серыми глазами с племянницей.

Цесаревна резала взглядом бесчувственное призрачное лицо: она ничуть не уступала своим напором духу Своровой. Непокорность была одним из тех качеств Марты, которое она унаследовала от царицы. Отец часто в шутку замечал, что семейная черта венценосного Дома Урагановых — чрезмерное упрямство.

– Ваше Высочество, — Мария сплела пальцы перед лицом, а локтями оперлась о стол. — Если говорить прямо, сейчас вы не способны в одиночку на подобную встречу. В отличие от Ее Высочества Екатерины, вам не хватает сноровки.

Безусловно, Марте было это известно больше, чем кому бы то ни было еще. Но одно дело признаваться в неумении себе и совсем другое — слышать такое от знающего человека. Ураганову вновь будоражил гнев, как это происходило всякий раз, когда ее признавали худшей в сравнении с сестрой. Этот случай не стал исключением. Беспокойное сердце цесаревны тотчас обратилось в бурю.

– Поэтому вы заключили, что мне стоит не мешать и остаться в стороне? — пренебрежение мелькнуло на лице Марты. — Считаете это верным решением?

– Именно, — ни один мускул не дрогнул на фарфоровом лице. — Поразмыслив над вашими успехами в образовании, я сочла нужным дать вам прекрасную возможность для контакта с народом, который когда-нибудь станет под вашу корону.

Публичный суд — городское показательное мероприятие, проводимое на Центральной Площади. Любой прохожий мог присутствовать на суде и лицезреть справедливость мироградских законов. Суд проводил судья, перечислявший преступления обвиняемого, а затем предлагал несколько вариантов наказания. Как правило, большинство проступков карались смертью. Далее специально уполномоченный человек выбирал наилучший из вариантов, и приговор незамедлительно приводился в исполнение.

Марта ненавидела выступать на публике: голос дрожал, не подчиняясь сигналам мозга, заученная речь вылетала из головы, а тремор охватывал все тело. Иногда волнение было настолько велико, что язык начинал заплетаться, выбрасывая нечленораздельные звуки. Дворяне обожали высмеять высокий от страха голосок цесаревны, когда та пыталась припомнить что-нибудь умное во время светской беседы. Самым ужасным в публичных выступлениях было

то, что бояться Марта начинала еще до начала мероприятия. Тревога, как правило, запускала свои беспокойные стебли, окольцовывая сердце, заблаговременно.

– Прекрасная возможность? Вы так говорите, будто суд проходит раз в месяц, а то и в год, — скептически приподняла бровь Марта. — Соглашусь, я не такая способная, как Катя, но имею полное право беседовать с вотровцами. Раз у меня не хватает опыта, не логично ли, чтобы я, наоборот, контактировала с ними?

– Несомненно, вы правы, — произнесла тетушка, вновь опуская глаза на бумаги. Марта почувствовала ярое желание применить магию и перерезать все листы на мелкие кусочки. — Однако сегодня, перед приездом Ее Величества царицы, вам лучше посвятить себя иной сфере. С согласия остальных глав Мирогграда я наделяю вас всеми полномочиями, и вы будете от начала до конца вести мероприятие. Конечно, встретить вотровцев дело большое, но вам, как цесаревне, гораздо важнее чаще появляться на публике. Мирогградцы, в особенности те, кто прибыл из Стриборга, должны проникнуться вами. Было бы славно, если бы их мнение в отношении вас приобрело положительный оттенок, не находите?

Марта размышляла над словами княгини Марии. Из ее уст все звучало убедительно и, действительно, выглядело, как большой шанс на укрепление симпатии, которой так не хватает цесаревне. Лишь вообразив восхищение в глазах граждан, Марта сразу же захотела отправиться на Публичный Суд как можно быстрее. Но она слышала напускное величие в тоне Своровой и по ее глазам видела, что та не говорит всей правды. Тетя знала, на что давить, и беспощадно использовала это.

– Я требую поменять нас местами, — решила отстаивать свое Марта.

– К сожалению, решения здесь принимаю я, Ваше Высочество, — подчеркнула княгиня. — Вотров недавно столкнулся с армией Ариантреи, что требует незамедлительной реакции Мирогграда, ведь Княжество находится вблизи нас. Действия богини Тьмы непредсказуемы, поэтому нам следует обезопасить себя как можно скорее, — Мария Еленовна посмотрела на Марту с сомнением. — Вы уверены, Ваше Высочество, что в состоянии произвести точную оценку нашего положения и должным образом организовать решение пагубной ситуации в Вотровском Княжестве? Готовы взять на себя такую ответственность?

Марта молчала. Екатерина превосходила её в многом, но в военном искусстве Марта не уступала. Сестра виртуозно находила изъяны и придумывала стратегии, однако, как замечал наставник, зачастую недооценивала положение сил. Цесаревна, имеющая высокую магическую и физическую подготовку, привыкла анализировать слабые и сильные стороны любого противника, поэтому данный вопрос интересовал её в первую очередь. Она всегда учитывала возможности Метки Бессмертия, возраст и вид магии, уровень владения оружием и происхождение. Иногда один воин мог уложить десяток других только потому, что его Метка Бессмертия была могущественнее, поскольку в этом случае он мог двигаться более ловко, тело регенерировало быстрее и выносливость была выше. Сама Марта с легкостью одолела бы более искусного соперника, если бы его Метка Бессмертия была иной.

Сворова будто нарочно не подпускала Ураганову к чему-то серьезному, преследуя какие-то свои цели. Надеялась, что любимая ученица соберет все лавры перед царицей? Скорей всего.

– Вам известно, что я не бестолкова в подобных вопросах. Возможно, не проведу идеальный анализ, но, может быть, узнай я истинное положение сил, смогу добавить что-нибудь дельное.

Княгиня помрачнела, напоминая девушке надвигающуюся бурю. Она не собиралась принимать капитуляцию. Марта поняла: ни один объективный аргумент наследницы не заставит ее передумать.

– Это не урок по военному делу, Ваше Высочество, — подчеркнула Мария Еленовна. — Сейчас нужно действовать, а не строить догадки. Дело касается безопасности нашей страны, поэтому отбросьте гордыню. Не забывайте о своем долге перед родиной.

О долге Марта знала с самого рождения. О нем ей говорили все без исключения, постоянно повторяя одно и то же. Чувство долга было единственным чувством, которое цесаревне позволяли испытывать. Долг впитался в кожу, смешался с кровью, стал неотъемлемой частью сердца. В ее жизни не должно быть ничего важнее Стриборга. Наследница трона обязана заботиться о благополучии страны, ставить интересы народа превыше своих, исполнять волю царицы и прославлять Дом Урагановых.

Только поэтому Марта отступила. В этот раз.

– Рада, что мы сошлись с вами во мнениях, — заключила Сворова, внимательно глядя на племянницу. В голосе чувствовалось легкое торжество от одержанной победы. Марта пообещала себе ответить на эту интонацию позже, когда наступит подходящее время. — Сегодня вас ждет много дел, Марта Александровна. Советую приступить к ним, как можно скорее.

Марта смиренно кивнула, крепко сжимая кулаки. Ураганова продолжала негодовать от обрушившейся на ее плечи несправедливости. Она всю душу желала доказать княгине, что та ошибается, сбрасывая цесаревну со счетов. Мечтала поставить младшую сестру на место, проявив себя во всей красе. Однако для этого ей нужен был хотя бы один шанс.

«Распинаться перед тетушкой нет смысла, — сделала вывод Марта. — Она никогда не слышит меня. Значит, буду действовать иначе».

Она уже было собиралась покинуть кабинет и отправиться в библиотеку, дабы изучить особенности Вотровского княжества вдоль и поперек, когда княгиня Мария остановила цесаревну.

– Кстати, об ответственности, — проговорила княгиня Сворова. Марта подняла на нее вопросительный взгляд. — Взываю к вашему благоразумию.

– Что вы имеете в виду? — не поняла цесаревна.

– Дело в ваших безрассудных порывах, которые необходимо пресечь, — лицо тети посуровело. — Долгое время я надеялась, что вы одумаетесь и прекратите ваши ночные встречи с теми... молодыми людьми и дочерью Рудовой.

Морозная пыль сковала упавшее сердце.

– Вы знаете? — спросила Марта на выдохе.

Мария кивнула, самодовольство выразилось на ее лице. В тот миг Марта поняла, насколько наивной была, думая, что княгиня не в курсе того, где проводит ночи цесаревна. Слова кончились, утонув в водовороте чистейшего ошеломления. Возможно, Марте стало бы совестно за свои необдуманные действия, но страх напрочь вычеркнул стыд. Его бутон распустился в груди и запустил свои ядовитые стебли под кожу, парализуя мышцы.

– Царица осведомлена, разумеется. Ее Величество потакала вашим прихотям, пока вы были молоды. Вы завели с ними знакомство в десятилетнем возрасте, но совсем скоро вам будет шестнадцать, а юноши ненамного вас старше. Возраст, когда чувства приводят к неосторожным действиям.

Марта поняла к чему клонит Мария Еленовна, ведь опасения эти были отчасти правдивы. Вряд ли княгиня знала наверняка, скорее, только догадывалась, что цесаревна впустила в свое сердце кого-то помимо народа Стриборга. Однако Ураганова осознавала: эта любовь не имеет будущего и не собиралась совершать «неосторожных действий».

– Вы недооцениваете мое благоразумие, тетушка, — твердо произнесла цесаревна, хотя внутри бушевал смертоносный тайфун.

Марта моментально скрыла просочившийся наружу ужас, лишая Сворову дальнейшего удовольствия наблюдать за изумлением племянницы. Ее душили вопросы, вызванные растерянностью и беспокойством, но наследница отложила их на потом. Она развернулась и направилась к выходу, мечтая поскорее покинуть кабинет, чтобы поразмыслить в одиночестве об обрушившейся на нее правде.

В этот раз Мария не стала останавливать девушку. Марта вышла за дверь, незамедлительно отправившись к себе. С каждым шагом она прибавляла ходу, покуда в груди копился невыносимый осадок. Распределение ролей в расписании в настоящий момент казалось уже чем-то неважным.

Она знала. Все это время Мария знала, где и с кем Марта проводит время. Более того, царица тоже. Это казалось невероятным. Мать позволила ей покидать резиденцию и водить дружбу с нетитулованными иностранцами? Обзавестись теми, кто мог потревожить выстроенное долгими усилиями бесчувствие? Верилось с большим трудом. Особенно, если учитывать, что каждое решение царицы Александры славилось холодной расчетливостью. Александра Василисовна никогда не делала ничего просто так. Либо ей не известны многие подробности, либо она заготовила для друзей дочери пугающую кару.

Марта испугалась за жизни своих друзей. Ведь царица не уважала слабых, отдавая предпочтение лишь сильным личностям. Слабость же произрастала из чувств, и именно их цесаревна испытывала к друзьям. Мать не отличалась терпением, поэтому просто могла отдать приказ казнить Ромарио и Адриана — смертных людей, а Анну — бессмертную богиню — заключить под стражу и предать мучениям. Да, для этого требовалось обойти Конституцию Мирогграда, но для монархини не существовало непреодолимых границ. Александра Василисовна пошла бы на что угодно, если это касается будущего Стриборга.

Закрывшись в своих покоях, цесаревна прислонилась спиной к двери, опустила на пол, потом, поджав колени к груди, зарылась лицом в подоле. Марте необходимо немедленно прекратить всякое общение с друзьями, чтобы обезопасить их. Но Ураганова не могла предсказать, что отныне не сможет видаться с друзьями. Больше не будет видаться с *ним*. Она чувствовала, как замерзает трепет единственного нежного, что спасало в непрекращающемся голоде безличия. Что-то внутри медленно умирало от осознания неизбежности горького прощания.

Покой Марты потревожил ветер, но, погруженная в себя, девушка даже не заметила этого. В моменты уязвимости магия вырывалась наружу, действуя хаотично. Порывы стихии раскачали шторы и перевернули несколько предметов в комнате. Кокошник съехал со светловолосой головы, пара прядей вырвалась из прически. Раздался звук бьющегося стекла. Ураганова наконец подняла голову, прерывая беззвучные самоистязания, и усмирила бушующую магию силой мысли.

Марта была талантливым магом для своих лет. Она обучалась магии ветра с шестилетнего возраста, в то время как сестра начала свое обучение в восемь. Пару лет назад наследница прошла аттестацию, которая проводилась каждые пять лет, получив третью ступень. Екатерина же до сих пор не могла преодолеть пятую — начальную. Цесаревна уже была способна создавать штормовые вихри, усиливая их до острого лезвия, контролировать холодное оружие потоками ветра, сражаться закрытыми глазами, руководствуясь магическими сплетениями и многое другое, чего младшей сестре даже не снилось. За выдающиеся способности ее прозвали Поцелованной Ветром.

Само собой, Марта стремилась к высшей ступени. Маги, достигшие первой ступени, как царица Александра, могли подчинять себе истинную стихию — саму природу. Пока что цесаревна была далека от этого. Она умела придавать воздушной магии любую форму и имитировать истинную стихию. Но магический ветер — искусная подделка. Другой маг имел возможность развеять магические сплетения. С природной стихией такое проделать попросту невозможно.

Цесаревна поднялась и подошла к разбитому зеркалу. На лице отражалась горечь вперемешку с досадой. Убивающая тоска переполняла сердце, а глаза вновь покрылись красными трещинами. Не от слез. Марта никогда не позволяла их себе. Значит, это связано с ночными кровотечениями. Беседуя с княгиней Своровой, Марта совсем забыла упомянуть о ночном событии.

«Лучше схожу к мастеру, — отмахнулась наследница, не желая вновь встречаться с этой противной женщиной. — Он всяко знает больше».

Мейстеры исследовали силу Меток Бессмертий и занимались их нанесением. Они обучались этому мастерству долгие годы, поскольку одна ошибка в нанесении символов могла стоить человеку жизни. Были и другие образованные бессмертные, изучающих Метку, но мастеров среди таких, как правило, можно было пересчитать по пальцам.

Взгляд упал на расписание, принесенное Андреем Мариевичем. Лишнее время, которое Марта хотела посвятить делам, медленно ускользало. Сегодня девушке нужно сосредоточиться на своих обязанностях, чтобы обойти младшую сестру. Если Сворова не дает Марте шанса проявить себя, то она вырвет его самостоятельно.

«Я найду способ освободить Вотров, — пообещала себе Ураганова. — И докажу всем, что достойна называться цесаревной».

Успокоившись и стерев все мучения с лица, Марта отправилась на урок по экономике. Затем шли занятия по политике, законодательству и другим дисциплинам, во время которых цесаревна не переставала размышлять о Вотрове. В обед она провела Публичный суд, а после приступила к остальным обязанностям, связанных с подготовкой к приезду царицы. Ближе к вечеру Ураганова приступила к боевым тренировкам, полностью отдавшись ветру и отпустив на шесть часов мучительное беспокойство.

Но, невзирая на легкое воодушевление, горечь не покидала девушку в течении всего дня. Цесаревна постоянно возвращалась мыслями к друзьям, которых, вероятнее всего, больше не увидит. Она не могла представить жизнь без них.

– Нет, — помотала головой Марта, складывая боевые веера в футляры. — Я должна попрощаться.

Она сделает это в полночь.

Глава 2 Анна

Анна Рудова замахнулась острым клинком на Адриана, который, с легкостью увернувшись, сделал ответный выпад. Синие, как воды Василисового моря, глаза девушки проследили за возможной траекторией меча. Адриан целился в уязвимую в этой позиции точку между шестым и седьмым ребром. Но его движения были для нее слишком медленными. Мановением руки она отвела острое лезвие в сторону и, изменив его направление, занесла меч над головой друга. Адриан присел на корточки, избежав таким образом не только смертельного удара, но и совершив попытку сбить мечницу с ног. Анна вовремя отпрыгнула в сторону. Красные, точно кровь, волосы мечницы растрепал морской ветер, закрывая обзор. Она пожалела, что не заплела их в косу.

Адриан обернулся, чтобы приготовиться к атаке Анны, но ее меч уже летел в сторону юноши, и он едва успел поставить защиту. Клинки встретились, раздался звонкий стон лезвий. Адриан спокойно удерживал давление ее оружия. Тогда Анна добавила врожденной силы в свои руки. Друг отступил на шаг, затем, перегруппировавшись, сделал новый выпад. Девушка ощутила позади себя магические сплетения, исходящие из его рук. Вода настигла песок под ее ногами, усложнив перемещение. Адриан использовал заминку подруги. Он сместился вправо, очертив острием полукруг, вынуждая Анну отступить влево. Но вместо этого она закрылась рукой и, сделав шаг вперед, метнула меч в шею Адриана. Лезвие остановилось в пяти дюймах от бьющейся артерии юноши. Клинок Адриана пронзил плечо красноволосой, но та не дрогнула.

– Я выиграла, — заключила Рудова, когда друг аккуратно вытащил острие из нанесенной им раны. Как только лезвие перестало рассекать мышцу, порез на оливковой коже затянулся, оставив лишь капли крови на руке. — Мы договаривались не использовать магию, — добавила Анна с обвинением в голосе, убирая меч в ножны и возвращая их Адриану. Потом стерла кровь, достав кусок белой ткани из набедренной сумки. — Ты нарушил правило.

– Разве сила Метки Бессмертия не считается магией? — не остался в долгу Адриан, смахивая светлые пряди с карих глаз. Он принял в ладонь окровавленную ткань, чтобы отчистить свой меч. — Ты первая нарушила правило, когда придала силы рукам.

Анна фыркнула, не найдя в своем арсенале запасных аргументов, и потуже затянула пояс на голубой тунике. Во избежание дальнейшего разговора Рудова отвернулась, чтобы заплести непослушные алые волосы. Адриан лишь усмехнулся привычному недовольству Анны. Он прекрасно знал, что она не любит проигрывать — будь то сражение или спор. Синеглазая всегда усердно доказывала свою правоту, а если не получалось, то злилась.

– Много народу нынче, — заметил он, окинув выстроившуюся перед Мироградским Портом очередь из морских судов, которых наполняли иностранцы. — Завтра мы не сможем найти уединенного места для тренировок.

В его словах была правда. Анна еще никогда не видела столько людей на берегах Василисового моря. Весь порт был усеян приезжими из разных уголков мира. Вдобавок, лодки рыбаков не покидали водной глади уже который день, в надежде поймать как можно больше рыбы, чтобы продать по кусающейся цене. Девушке уже начинало казаться, что остров не выдержит и провалится в море от такого количества человек.

Адриан опустился на песок. До слуха Анны донеслось, что он достал бурдюк с водой. Разобравшись с волосами, Рудова присела рядом с другом. Он улыбнулся, и на его щеках с едва заметной щетиной появились ямочки. Светлые кудрявые волосы блестели на ярком солнце, а в шоколадных глазах всегда сверкала искорка бунтарства. Бронзовая от рождения кожа, скрытая под светлой зеленой рубахой с широкими рукавами, оправляла атлетическое телосложение. Адриан был сыном кузницы, прибывшей двадцать лет назад в Мироград из столицы Неропаса

— страны магов воды. В отличие от матери он умел не только создавать оружие, но и управлять им.

Анна не нашла сил сопротивляться его улыбке. Было в ней что-то притягательное и успокаивающее. Адриан был одним из немногих, способных охладить огненный пыл девушки и возвращать рассудительность ее мыслям.

– Плечо не болит? — поинтересовался юноша, протягивая бурдюк.

– Ты знаешь, что нет, — ответила Рудова, принимая воду.

Обычная сталь не могла навредить ей. В отличие от Адриана она родилась с Меткой Бессмертия, которая делала девушку не только бессмертной и неуязвимой к физическим атакам, но и позволяла увеличивать возможности всех органов чувств. Самыми могущественными Метками Бессмертия были монаршие, имеющиеся только у кровных родственников правительниц государств. У подруги красноволосой — Марты Урагановой — была именно такая. Однако, хоть Анна и не была родственницей правящего рода, Метка Бессмертия у нее тоже имелась, и не маленькая.

– Каково это — знать, что ты никогда не постареешь и будешь жить вечно? — спросил неожиданно Адриан. — Понимать, что можешь не уворачиваться от кинжала, направленного в сердце?

Задумавшись, Рудова устремила синеву глаз на беспокойные волны, ласкающих каменистый берег своими объятиями. Приятный запах родного моря убаждал сердце, даря несравненный покой. Анна частенько приходила на берег, чтобы перевести дух и расслабиться от гнетущих мыслей.

– Не знаю, — пожалла девушка плечами. — Я родилась с этой силой, росла с ней. Для меня это обыденность. Мне, скорее, необычно, что ты не способен на то же самое. Однако ты забываешь, что Метка Бессмертия не освобождает нас от возможности получить серьезное ранение или даже погибнуть, — напомнила она. — Для этого и создали Мертвую сталь — чтобы сражаться с нами на равных.

Анна опустила взгляд на ножны, прикрепленные у талии, где покоился меч из Мертвой стали, который она не доставала во время тренировок с другом ради его безопасности. Однажды Рудова стала свидетелем того, как смертный порезался о черное лезвие. Хоть рана была неглубокой, ее хватило, чтобы тот человек мгновенно потерял сознание. От больше урона смертный вовсе мог умереть.

Анна задумалась над словами Адриана. Смертным Метка Бессмертия представлялась как нечто невероятное и недоступное, могущественная сила, которая имелась лишь у дворян — все бессмертные обладали титулом. Она передавалась по наследству от родителя к ребенку — таких детей называли бессмертными от рождения. Некоторые получали это могущество в качестве награды за заслуги перед отечеством или в случае брака с кем-то, у кого есть Метка. Однако такие случаи были невероятно редки. Метка Бессмертия давала власть, а властью, как правило, делиться не любили.

– Одолеть таких, как ты, нереально, — покосился на нее Адриан. — На вас не всегда действует даже Мертвая сталь. Сколько раз ты тренировалась с Мартой? На тебе не осталось ни одного шрама! — Друг развел руками. — Надо иметь до невозможности разрушительную силу, чтобы убить бессмертного.

– Да, — кивнула Анна. — Мало кто способен на это.

Вряд ли это касалось всех носителей Метки, однако Анна решила не добавлять этого замечания. Ей было известно, что не каждая Метка наделяла человека абсолютной неуязвимостью. Например, у Марты древние символы располагались по всей поверхности правой руки. Цесаревна рассказывала, что Метка Бессмертия у Марии Еленовны обрамляет только запястье и нижнюю часть предплечья. Княгиня Мирограда была бессмертной, но гораздо менее неуязвимой к ранениям, чем Марта.

Адриан больше не задавал вопросов. Анна догадалась, что многое оставалось трудным для его понимания, но какие-то вещи она бы не смогла объяснить, как бы не хотела, ведь сама не особо вникала в природу своей силы. Ей было интереснее учиться магии воды или сражаться на мечах. Мама Анны — Гертруда Рудова — была магом ветра и не могла научить дочь обузывать водную магию, зато передала свои навыки фехтования. Раньше у красноволосой был учитель, но он погиб в битве пару лет назад, а другого пока найти не получалось. Мало кто хотел учить Темную богиню.

Передохнув, Анна и Адриан продолжили тренировку, но уже задействуя магию воды. Родители Адриана не располагали средствами, чтобы нанять учителя сыну, поэтому Рудова предложила свою кандидатуру. Благодаря ей Адриан научился управлять магическими переплетениями, однако его мастерство оставляло желать лучшего.

Магия — материя, состоящая из сотни тысяч сплетений, которые можно ощутить только при углубленном изучении. Именно эти сплетения маг соединял в доступную ему стихию. Грубо говоря, пародировал настоящую стихию. Чтобы придать стихийной магии определенную форму — водяные шары, иглы, лезвия и прочие, — требовался большой уровень подготовки. Новичкам подобное давалось с трудом. Однако те, кто осиливал эту сторону магии, получали начальную ступень — пятую.

До того, как Анна начала изучать магию, она не понимала разницы между магической водой и природной, пока однажды мама не попросила дочь создать водяной шар из ударяющихся о берег волн. На тот момент Рудова умела создавать такие шары самостоятельно и даже управлять ими. Но волны не подчинились. Оказалось, что для того, чтобы обуздать истинную стихию, требуется захватить ее магическими сплетениями. И сделать это не так-то просто. Только маги второй и первой ступени умели использовать природные ресурсы, поскольку чувствовали стихию и переплетения магии настолько глубоко, что могли «подцепить» магическими нитями тонкие соединения, из которых состояла истинная стихия. Чтобы достигнуть таких высот у бессмертных уходил не один век.

Хоть Анна умела придавать своей стихии множество форм, официально ступени у нее не было. Для ее получения нужно было пройти аттестацию, которая проводилась каждые пять лет. Воины проходили ее обязательно, чтобы указывать уровень своей силы в документах, как и члены правящих семей. Анна столкнется с этой проверкой только, когда соберется поступать на службу — после совершеннолетия.

По оценке Гертруды, у девушки была четвертая, и то, во многом благодаря Метке Бессмертия. Из-за того, что Метка наделяла огромной выносливостью и запасом энергии, Анна могла вкладывать больше сил в магические атаки. Если бессмертному с более малой Меткой приходилось оттачивать мастерство годами, лишь бы достигнуть начальной ступени, Рудова обзавелась ею несколько лет назад.

Марта обладала Царской Меткой Бессмертия, поэтому ее развитые способности в стихийной магии тоже во многом были связаны с могуществом Метки. Однако ее младшая сестра Екатерина владела такой же Меткой Бессмертия, но — Анна знала — сильно уступала цесаревне. Какую бы энергию ни даровала Метка, совершенствовать свои магические навыки приходилось именно самому магу.

Анна и Адриан практиковались еще около часа, пока юноша окончательно не выдохся. Он лежал на спине под внимательным взглядом подруги, тяжело глотая воздух. Молодое тело с выступающими мышцами покрылось потом и песком. Адриан жадно припал губами к бурдюку и опустил его, не оставив ни капли.

Анна опустила рядом, не чувствуя даже намека на усталость. Дыхание Рудовой было ровным, одежда почти не взмокла. Такая тренировка напоминала ей разминку, какую они проводили с матерью перед настоящей тренировкой. Чтобы устать, Анне требовалось больше

трех часов непрерывных атак мечом, совмещенных с магическими маневрами. Само собой, это зависело от сложности приемов.

– Я еще не говорил тебе, — с опаской сказал Адриан, усевшись рядом с Анной. Он немного пришел в себя и уже не напоминал задыхающуюся на пляже рыбу. — Я подал заявление в Миротворческий флот Неропаса.

– Что ты сделал? — переспросила Анна, в надежде, что ослышалась.

Миротворческий флот регулировал правопорядок во всех водах вблизи территорий Империи Неропас, особенно в водах Халитского океана, который населяло огромное количество пиратов, а также северных дикарей, устраивающих по несколько раз за месяц бесчинства на южных берегах.

– Я хочу быть миротворцем, — ответил Адриан, встретившись взглядом с синими глазами. — Хочу служить своей стране и очищать северные воды от негодяев.

– Мы планировали пойти вместе служить в Первое Императорское Войско против богини Тьмы, — Анна посмотрела на друга с непониманием. — Мы мечтаем об этом с детства.

– Каким бы хорошим воином в твоих глазах я ни был, Аня, у меня нет Метки Бессмертия, чтобы сражаться на равных с армией Ариантреи. Тебя туда возьмут с распростертыми объятиями, а меня — младшего сына кузницы, не имеющего даже меча из Мертвой стали, — отправят продолжать дело матери.

Анна хотела что-то сказать против, но у нее не было слов. Они знали эту неприятную правду с самого начала, но никогда не произносили вслух — им вместе не по пути. Это касается не только Рудовой и Адриана, но и Марты, и Ромарио. Никому из четверых не суждено быть рядом.

– Почему ты говоришь это сейчас?

– Потому что вчера получил подтверждение.

– Хорошо, — Анна прикусила губу. — Я рада за тебя.

– Не похоже на то, — улыбнулся юноша. — Прости, что не сказал раньше. Я не был уверен, что меня примут, но не хотел раньше времени баламутить воду. Не злись, — он легонько толкнул ее в бок. — Либо пойдем со мной вместе.

– Вот уж нет! — негодуя воскликнула Рудова. — Делать мне больше нечего, чем на корабле всю жизнь пиратов ловить, — она поморщилась. — Такая служба для настоящих глупцов!

Адриан рассмеялся реакции подруги.

– Я не согласен с тобой, — покачал он головой. — Миротворцы делают великое и благородное дело. Сколько невинных подвергаются насилию северян? Они не шадят никого, у них нет ни совести, ни благородства. Из-за них купцы не отправляются на север, страшась за свою жизнь. Таким преступникам только одна дорога — под воду в чертоги Тьмы.

– Да, ты прав, — кивнула Анна, вздыхая. — Это правое дело, но... дикари опасны. Говорят, среди них есть бессмертные. Вдруг ты нарвешься на одного из них и погибнешь?

– Не волнуйся за меня, Аня, — юноша потрепал Анну по плечу. — Все будет хорошо.

Анна только больше хмурилась, не разделяя убеждений Адриана. Когда дело касалось жизни смертных ни в чем нельзя быть уверенной. Они слишком легко могли умереть. Но мысли об этом тяготили, поэтому Рудова решила перевести тему:

– Как думаешь, Марта сегодня придет?

Поздним вечером они собирались встретиться в тайном месте.

– Ты говорила, что завтра приезжает царица Стриборга, — вспомнил юноша. — Я бы не рисковал на месте Марты. Ромарио утром обмолвился, что сегодня она будет проводить Публичный суд. Сходим посмотреть?

Анна сразу же согласилась. Ей всегда хотелось увидеть подругу по другую сторону ее жизни. Марта иногда делилась своими буднями, но Рудовой никогда не доводилось лицезреть Марту, исполняющую роль, предоставленную ей правом рождения.

Красноволосая помнила тот день, когда Ромарио привел испуганную девочку в ярком красном сарафане, расшитом стриборгскими узорами. Он поведал им, что Марта заплутала в бесчисленных тропинках северного леса. Они сразу поняли, что Ураганова из знатной семьи, но даже не подозревали, насколько знатной. Та встреча стала судьбоносной для всех ребят. К огромному удивлению Анны, Марта смогла влиться в их тройку, превратив ее в четверку. Сначала она навещала их редко, но потом стала появляться чаще. Они собирались через каждые два дня, находя эти собрания невероятно захватывающими — ведь о них никому не было известно. Сейчас же собираться так стало своего рода традицией, которую они не нарушали много лет.

Заполненные улицы города встретили их шумом и музыкой. Если у берега еще имелась возможность насладиться единением, то пешеходные улочки лишали такой роскоши. Каждый хотел осмотреть знаменитый город, купить интересные вещицы и попробовать вкусы из других стран. Ароматы приготовленных яств и приправ соединились с запахом тины, сочившимся из речных каналов и моря. Хозяева таверн и трактиров наняли зазывал, чтобы привлечь гостей, а кто-то даже раскошелится на бардов. Музыканты играли веселые песни, привлекая внимание любопытных иностранцев. Приезжие без задних мыслей позволяли себя увлекать в расчетливые руки.

Чем дальше друзья продвигались, тем больше становилось народу и громче звучали голоса незнакомцев, общавшихся на инородной речи. Анна не могла разобрать ни слова — она говорила только на мироградском языке. Адриан знал несколько выражений на неропасском, поскольку его родители иногда переговаривались на родном языке магов воды, но все же он тоже молвился только на мироградском наречии.

Друзья двинулись в сторону Центральной Площади — именно там обычно проводился Публичный суд. Если по улицам Мирограда сновали приезжие, то в его центре они неподвижно столпились в одну огромную кучу. Шумный народ выстроился вокруг огромной деревянной конструкции с просторной площадкой, на которой проводился суд. Позади располагались высокая стена и трибуна, куда должна была сесть Марта. На верхушке стены развивались шесть флагов — пяти держав и Мирограда. Золотистый флаг города был больше, чем остальные. В его центре располагался круг, внутри которого находились главные эмблемы Стриборга, Рамерита, Рикриэнии, Неропаса и Джайо, демонстрирующие единство и нерушимую дружбу.

— Никогда не видела, чтобы так много людей приходило наблюдать за Судом! — воскликнула Анна, как только они добрались до места. — Сколько их здесь? Сотня? Две?

— Около того, — подтвердил Адриан, хмурясь от гула голосов. — Судя по разговорам, все собрались здесь, чтобы посмотреть на Марту.

Действительно, каждый прохожий обсуждал цесаревну. Одни с нетерпением ждали возможности взглянуть на *ее воинственную красоту и услышать прекрасный голос*, другие с желчью уверенно заявляли, что смотреть будет не на что, ибо *Марта Александровна ничем не отличается от второсортной сударыни*, тем не менее продолжали посылать любопытные взгляды в сторону дороги.

— Интересно, где Ромарио? — оглядывался юноша по сторонам.

— Уверена, Рома уже трется в первых рядах, — предположила Анна.

Ромарио оповестил друзей пару дней назад о планах обзавестись новыми знакомствами с приезжими. Анна поражалась как имена всех этих людей помещаются в его голове — слишком много для одного человека. Но ему и того было мало, и он пополнял этот список ежедневно, следуя своему грандиозному плану, о котором постоянно рассказывал друзьям. Он был слишком умен для рикриэнца и простого смертного, благодаря чему часто удивлял незнакомцев.

В ожидании цесаревны Стриборга друзья разговорились о предстоящем Турнире Чести. Большинство путешественников приехали в Мирोगрад, чтобы посетить это мероприятие. Изначально на нем сражались те, кто вызывал кого-то на дуэль с целью защитить свою или чью-то честь. Этим он и заслужил свое название. Теперь туда рвались поучаствовать сильнейшие из воинов-магов, чтобы получить большой приз. Год назад начали принимать заявки на участие, а спустя полгода открыли первые ставки.

– Адриан, привет, — к ним подошла высокая темноволосая девушка, держа руки за спиной и смущенно пряча глаза под длинными ресницами.

– Привет, Эфтидора, — поприветствовал Адриан удивленно.

Анна знала эту неропаску в светло-розовом традиционном неропасском хитоне — троюродная сестра Адриана, которая приехала в Мирोगрад пару дней назад. Рудова поздоровалась с девушкой, протянув руку для рукопожатия. Появление третьего человека мгновенно настрожило ее. Рудова мало доверяла посторонним людям в своей жизни. Ее не покидало подозрение, что ей желают зла, прикрываясь милой улыбкой.

– Ты что-то хотела, сестра? — полюбопытствовал Адриан.

– Да, — Эфтидора вздохнула и протянула ему тканевый сверток, завязанный на узел.

Она придвинулась, прошептав свою просьбу на ухо, желая скрыть её от Анны. Однако это не сработало бы против возможностей Метки Бессмертия.

– Передай это своему другу, который позавчера приходил к тебе, — она вложила сверток в ладонь Адриана. Анна отвернулась и закатила глаза. — Скажи, что я буду ждать ответа как можно скорее, — она отстранилась. — Только не читай, что там написано! Тетя сказала, что ты умеешь.

Анна мгновенно догадалась, что в послании Ромарио — именно его имела в виду Эфтидора — лежат записка и яблоко. Традиционно в Неропасе женщины передают мужчинам красные яблоки в знак того, что приглашают их на уединенную встречу.

– Сделаешь?

Адриан клятвенно заверил сестру, что не откроет таинственное послание для Ромарио и обязательно передаст его другу. Еще немного постояв с братом и его подругой, Эфтидора покинула их, сославшись на дела. Неропасец проводил её расстроенным взглядом, тяжело вздохнув. И Анна, и Адриан понимали, что у бедняжки нет шансов.

– Так и знал, что не надо было их представлять друг другу, — покачал головой друг.

– Снова он за свое, — недовольно буркнула Рудова. — Что Рома сказал ей?

Оказалось, помимо поклона и поцелуя руки, Ромарио подметил, что у Эфтидоры *чудесные сверкающие глаза*. Насчет поклона Анна не возражала — в Рикриэнии мужчины кланялись всем женщинам. Мать Ромарио воспитала в нем уважительно-покорное отношение к противоположному полу с пеленок. Однако целовать руку Эфтидоры и делать ей комплименты было вовсе не обязательным.

– Чем он так всем нравится? — недовольно поморщилась Рудова.

– Спроси у Марты, — пожал плечами Адриан и устремил взор карих глаз вперед.

Карета с цесаревной наконец-то подъехала. Около двадцати царских гвардейцев окружили место проведения суда со всех сторон. Еще десять стражников встали по краям кареты. Толпа оглушительно загудела. Лакей открыл дверцу и завис в поклоне. Стриборгчанин, стоящий на сцене, — его должность была неизвестна Анне — оповестил собравшихся громким поставленным голосом:

– Ее Царское Высочество Марта Александровна Государыня Наследница Цесаревна и Великая Княгиня, Княгиня Исполатская, Княжна Сверская, Княжна Реснотская и Защитница Государства!

Анна чуть не задохнулась от полного титула Марты. Она и не подозревала, как именуется ее подруга. Адриан тоже застыл, широко открыв рот.

– О, Свет Небесный, — восхищенно прошептала красноволосая. — Она потрясающая...

Марта выглядела очень... Рудова не могла подобрать слов, разглядывая удивительные сверкающие одежды, которые были на цесаревне. На голове у наследницы трона красовался кокошник. Наследница поднялась по деревянной лестнице, ведущей на «сцену», и повернулась к народу. Лицо ее было бесстрастно, но Анна разглядела спрятавшиеся в голубых глазах подруги радость и ошеломление. Видимо, Ураганова совсем не ожидала, что толпа примет ее аплодисментами и добрыми словами.

– Сегодня все мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями мироградского правосудия, — властно проговорила Марта, когда довольные реплики народа стали тише. Хоть в голосе различалось едва заметное волнение, Рудова еще никогда не слышала от цесаревны такого тона. Перед ними будто стояла совсем другая девушка. — На ваших глазах произойдет суд над нарушителями справедливых законов объединенного города Мирогграда. Преступники будут наказаны по всей строгости, которую диктует Конституция.

Граждане города и пяти стран торжественно и одобрительно закричали в знак того, что горячо поддерживают любой вердикт, вынесенный преступникам. Цесаревна заняла отведенное ей место между двумя воительницами, одетыми в стриборгскую форму, и отдала приказ начинать. Вывели первого нарушителя.

– Захиров Илья Натальевич, — представили мужчину, чьи руки были скованы наручниками. — В течение трех месяцев обворовывал господ, проникая в их дома ночью. Совершил тринадцать краж. Украденные вещи тратил на выпивку и распутство. По закону за одну обособленную кражу подсудимого приговаривают к прилюдной порке. За необоснованную кражу, вызванную не обстоятельствами жизни, а собственной жадностью, лишают руки. За тринадцать краж нарушителя ждет смертная казнь путем четвертования, обезглавливания или повешенья.

– Я не виноват, Ваше Высочество! — мужчина упал на колени, повернувшись к Марте и поклонился, касаясь лбом сцены. — Меня подставили!

Преступник разрыдался и продолжил клятвенно заверять, что его вины в данном преступлении нет, а совесть чиста, как и бескорыстная душа. Нарушитель говорил настолько правдиво, что Анна почувствовала смятение в груди. Судя по мелькнувшей растерянности на лице, Ураганова тоже не стала исключением. Лицо ее оставалось каменным, но в глазах мелькнул страх.

«Бойтся ошибиться», — догадалась Рудова.

– Посмотрите мне в глаза и скажите, что вашей вины нет, — приказала Марта после продолжительной заминки, из-за которой люди начали недовольно шептаться. Преступник поднял голову и встретился с небесным взглядом Урагановой. — Вы совершили все эти преступления?

– Нет, Ваше Царское Высочество, — голос мужчины дрожал.

Адриан и Анна знали об умении Марты видеть правду. Рудова пыталась обмануть цесаревну бесчисленное количество раз, но Марта всегда разгадывала ложь. Из Урагановой вышла бы хорошая судья.

– Вы лжете, — объявила наследница трона. Рудова расслышала проблески гнева в словах подруги. Ее саму одолевало возмущение, ведь она почти поверила преступнику. — Действующим законодательством я объявляю вас виновным во всех зачитанных преступлениях и приговариваю к смертной казни через обезглавливание. Привести приговор в исполнение.

Лжеца силой дотащили до плахи. Анна не почувствовала жалости, когда палач занес наточенный топор над головой подсудимого. Исполнив казнь, палач поклонился Урагановой, на лице которой не отразилось ни одной эмоции. Следом вызвали следующего виновного. Всего было восемнадцать подсудимых. Лишь двое из них были приговорены к телесным наказаниям, а не к смертной казни. Невинными Марта не признала никого.

После завершения публичного суда цесаревна удалилась со сцены, не прощаясь, и вернулась в карету под одобрительные возгласы толпы. Большинство мироградцев были под при-

ятным впечатлением от увиденного, однако имелись и те, кто неодобрительно высказывался о заметной несобранности наследницы Стриборга. Прежде чем Анна отправилась ставить сплетников на место, Адриан успел встать на пути и увести девушку подальше. Рудова не сопротивлялась, пребывая в хорошем настроении. Все-таки выступление подруги оставило торжественное послевкусие в памяти красноволосой.

К несчастью, приятный момент длился недолго. Не успели друзья покинуть площадь, как вдруг в Рудову врезалась рыжеволосая девушка.

– Эй! — опалил грубый голос. Гневные зеленые глаза воззрились на неропаску. — Смотри, куда прешь!

Этих слов было достаточно, чтобы пробудить цунами в пылкой натуре Анны. Синеглазая мгновенно поменялась в лице и сделала предупреждающий шаг в сторону незнакомки. Адриан поспешно коснулся плеча подруги, останавливая от непоправимой ошибки.

– Ты толкнула меня, — Рудова ткнула пальцем в неприятельницу. — И смеешь обвинять?

Рыжеволосая хотела было обрушиться на Анну гневную тираду, но ее коренастая подруга — предположительно, мироградка, — попыталась пресечь затевающуюся ссору. По испуганным глазам второй девушки Рудова догадалась, что ей известно, кто такая Анна. Помимо ее собственной матери, никто больше не имел столь исключительного цвета волос. Многие люди узнавали Рудову именно по ним, что и случилось в этот раз.

– Она — Темная богиня, — шепнула мироградка подруге, но усиленный слух Анны с легкостью распознал это предупреждение.

Именно ею красноволосая и являлась — одной из тех, кто был рожден с бессмертной душой, созданной из самой Тьмы — создательницы всех миров. Таких, как Рудова, боялись, ведь помимо того, что боги обладали неслыханным могуществом и могли управлять своей божественной энергией, они были дальними родственниками богини Тьмы Ариантреи, прародительницы Темных богов и богинь.

– Ты... Вы... княжна Рудова? — взволнованно спросила неприятельница.

Жители и приезжие, окружавшие их, вначале только бросали взгляды на развернувшуюся перепалку, теперь же неотрывно наблюдали. Услышав фамилию красноволосой неропаски, каждый прохожий тут же изменился в лице. Одни замерли с тревогой, другие сделали шаг вперед, разглядывая Анну. Большинство людей принялись обсуждать не только принадлежность, но и смутное происхождение неропаски. Она уже пожалела, что ввязалась в эту словесную драку. Адриан напрягся и приблизился к подруге, готовый помочь.

– Верно, — ответила Рудова, хотя официально такого титула у нее не было. Лицо грубиянки помрачнело, боевой настрой испарился. — Поэтому настоятельно советую поджечь свои хвосты и больше не открывать рта.

Девушки поклонились и прошептали извинения. Ни у одной из них в голосе больше не слышалось напыщенности, только горечь. Анна бы с удовольствием распробовала вкус победы, если бы не застывшие жители вокруг. Красноволосая посмотрела на одного мужчину в возрасте, прибывшего, вероятно, из Джайо. Тот вздрогнул, мгновенно спрятав глаза. Осознав, что Темная богиня обратила на них внимание, окружающие замолкли.

Адриан приобнял Рудову за плечи и повел прочь от любопытных взоров. Притихшие люди расступились, кто-то даже склонил голову в знак уважения или из-за накатившей паники. Анна должна была бы чувствовать гордость, но страх людей не внушал ей приятных чувств. Ее ассоциировали с самым злым существом в их мире — богиней Ариантреей, — но сама она вовсе не считала себя плохой. Анна, как и все в этом городе, всем сердцем желала победы над этим чудовищем. Однако ее судили за чужие поступки.

Подобная реакция смертных людей, которые абсолютно ничего не смыслили в тяготах бытия бессмертных, не была чем-то из ряда вон выходящим. Именно по этой причине с Рудо-

вой в детстве никто не дружил. Анна успела привыкнуть и смириться — никогда ничего не изменится. Вот только каждый раз становилось обидно.

Ей не повезло родиться Темной богиней. Анна завидовала Светлым, ведь их, наоборот, боготворили. Действительно, что ужасного в боге Радости или богине Искренности? Такие, как они, не могут навлечь беду, если ими завладеет Свет. Но если Тьма пробудится в боге Мщения или богине Зависти, то жди горестей. Рудова еще не знала, богиней чего она является, поскольку по сей день не теряла контроль над собой. Она упорно сопротивлялась Тьме. Однако это не могло длиться вечно. Когда-нибудь наступит злосчастный день — Тьма завладеет ею, и тогда пробудится природа Темной сущности Анны.

Природой Тьмы или Света называли чувство, которое доминировало у богов — обладателей бессмертных душ — среди прочих. У Темных богов, чья душа была создана из Тьмы, это было отрицательное Чувство, а у Светлых, имеющих душу из Света, — положительное. Иногда Чувство овладевало, затмевая всякий рассудок. По рассказам мамы Анна поняла, что потеря контроля ужасна и может причинить вред окружающим. Например, королева магов молний являлась Темной богиней Ярости. Двенадцать лет назад ею овладела Тьма, та самая Ярость, и она убила свою мать. Такая потеря контроля была не единственным случаем — именно поэтому Темных боялись.

Внезапно внутри Анны что-то насторожилось и заставило замереть от напряжения. По телу прошелся танец мурашек, сердце застучало, пробуждая тревогу. Рудова взволнованно оглянулась, ощущая чужое присутствие в гуще народа. Красноволосая не понимала, что с ней происходит. Такое было впервые.

– Аня, ты чего остановилась? — спросил Адриан в растерянности.

Нечто скрывалась среди толпы. Оно притягивало девушку за невидимые нити, требовало последовать за собой. Анна напрягла все свои органы чувств, чтобы обнаружить то, что ее так беспокоило. Голос каждого прохожего коснулся ее ушей, а детали их внешности достигли взора синих глаз.

Матильда совсем страх потеряла...

Рудова переключила внимание с пожилого недовольного мужчины на неопрятного бродягу, протягивающего блюдо.

Подайте на хлеб, люди добрые...

Красноволосая мотнула головой, отсекая беднягу. Она повернулась и наткнулась глазами на двух подруг, обсуждающих кого-то. Одна из них злобно хмурилась.

Вот купила ей яблоки, а она...

Взгляд метнулся на кричащего торговца у противоположного края площади.

Прочь отсюда, страхолудина!

Анна развернулась, скользя зрением по многочисленным приезжим и местным жителям, прислушиваясь к их разговорам, всматриваясь в лица.

Потом мы пошли в таверну...

Рудова изучила почти всех людей на Центральной Площади за пару минут, стараясь найти угрозу. Тщетно. Тогда она глубоко вдохнула, разбираясь в сплетениях сотни различных запахов, но опять не заметила ничего необычного.

– Ань, что-то случилось? — уловил беспокойство подруги мечник и подошел ближе.

«Ничего, — заключила девушка. — Ничего, что могло бы представлять угрозу. Но тогда почему я испытываю это?»

– Я чувствую что-то странное, — она коснулась рукой груди, продолжая оглядываться. — Но не могу найти...

Внезапно терзающее ощущение отступило, будто его никогда не существовало. Огненное сердце пронзила легкая тоска, словно девушка пыталась дотянуться до чего-то дорогого, но не смогла. Анна встряхнула головой, прогоняя странное наваждение.

«Спрошу у мамы об этом, — решила Рудова. — Возможно, моя Метка Бессмертия хотела о чем-то предупредить».

Отмахнувшись от неприятных мыслей, Анна направилась вперед и потянула за собой обескураженного Адриана. Им еще предстояло наловить рыбы.

Глава 3 Ромарио

Ромарио свернул с протоптанной тропинки в лесную чащу. Путь до расселины, где его давно ждали друзья, был не близким. Необходимость пробираться по непротоптанной дороге всегда влекла за собой риск заблудиться, но рикриэнец ходил по северному лесу, сколько себя помнил, а потому прекрасно ориентировался.

Непослушные черные волосы то и дело лезли в глаза, мешая вглядываться в лесной сумрак. Родители, безусловно, наградили его внешностью, передав ему только лучшее. От темноволосой матери достались ровный нос, квадратный подбородок и заметные скулы. Отец передал Ромарио необычные глаза цвета яркого синего моря. У него были широкие плечи и высокий рост. К своим восемнадцати годам он уже привык к постоянным восторженным взглядам и перестал обращать на них внимание.

Шум города доносился сквозь кроны высоких сосен и елей громче обычного, переплетаясь с музыкой сверчков и уханьем сов. В более спокойные ночи можно было расслышать всплески волн, но не в этот раз. От прежнего покоя остался только запах хвои и сырости, приятная ночная прохлада и надоедливые комары, от которых приходилось периодически отмахиваться, пока он пробирался через густые заросли. Низкие кусты цепляли просторные штанины из грубой коричневой ткани, а ветки деревьев задевали бежевую рубашку. Он не носил с собой оружия, как Адриан или Анна, так как попросту не умел с ним управляться.

Солнце уже давно село, но это не мешало Мирограду бодрствовать: ведь туда приезжали все пять монархинь. Совет Пяти Стихий был важным мероприятием не только для внешней политики всех стран, но и для остальных отраслей. Больше всего на Совете наживались купцы. Многие из них специально приезжали из разных уголков мира, чтобы продать как можно больше товара путешественникам. Местные торговцы тоже поднимали цены, из-за чего неделю назад Ромарио пришлось закупаться с отцом на рынке на месяц вперед, пока все продавалось по прежней цене. Поэтому приближение Совета несколько не радовало юношу. Однако, в силу своего таланта к дипломатии, благодаря врожденному уму и натренированной хитрости он понимал, что скопление сотен людей из разных уголков мира дает прекрасную возможность обзавестись полезными знакомствами. Сегодня он уже успел познакомиться с двумя девушками из Рамерита и супружеской парой аж из столицы Джайо. Всем им он пообещал на следующий день показать красоты города.

Его мать тоже считала, что Совет Пяти Стихий принесет новых знакомых, но цели ее были куда корыстнее, чем намерения сына. Все сегодняшнее утро он слушал сотню нотаций о том, что должен найти себе будущую жену из знатной семьи. То была навязчивая идея матери. В прошлом Анхелика — так звали мать — принадлежала к благородному рикриэнскому роду, но была лишена титула баронессы Эмретто, а вместе с ним и Метки Бессмертия. С рождением Ромарио она ослепила себя желанием вернуть утраченное, женив сына на знатной особе. Однако в таком случае предполагалось, что только Ромарио получит Метку, ведь именно он станет частью семьи. На этот счет у Анхелики имелось свое мнение и, судя по всему, искренняя вера в верность сына.

У нее были на то основания. Анхелика наставляла Ромарио с детства, не забывая напоминать, что он обязан вернуть долг матери, которая даровала ему жизнь. Ради этой нереальной мечты — вновь стать бессмертной — она научила его читать и писать на местном и рикриэнском языках, обучила истории Рикриэнии, арифметике и географии, этикету и искусству вести светскую беседу. На фоне своих многочисленных знакомых юношей-рикриэнцев Ромарио выступал в выгодном свете, ведь никто из них не умел ничего подобного, так как мужчинам в Рикриэнии не позволялось получать образование. Даже в просвещенном Мирограде,

где были городские школы для обычных людей из разных стран, таким, как он, вход туда был закрыт.

Эта несправедливость злила Ромарио до скрежета зубов. Рикриэния была самой деспотичной страной по отношению к мужчинам. В Мирограде на половую принадлежность обращали мало внимания, ведь город был смесью множества культур, однако всякий раз в разговоре с рикриэнками он чувствовал свою незначительность.

В такие моменты Ромарио был благодарен матери и понимал, что знание — это инструмент власти. Пару лет назад его обуревали благородные мысли — достигнуть правящей верхушки и изменить права мужчин, либо стать революционером, сплотить обделенных и прекратить женскую тиранию. Возможно, у него могло получиться. Ромарио был хорошим оратором и имел способность завести разговор с кем угодно. Но он очень быстро понял, что одних знаний в таких делах недостаточно — здесь нужна магия и смелость. К сожалению, у рикриэнца не было ни первого, ни второго. Расчетливая Анхелика позаботилась о будущем Ромарио и научила его всему, кроме магии молний. Она хотела вырастить привлекательного жениха, а не хитроумного воина. Ромарио мог с уверенностью подтвердить, что она сделала все верно. У нее почти получилось добиться желаемого. Почти.

Юноша был смиренным сыном, слепо следующим за волей матери, пока в его жизни не появилась Марта. Яркая вспышка в тленном существовании, изменившая все. Она пробудила в нем чувства, которые он не надеялся ощутить. И это не только любовь. Марта заставила его изменить свое отношение ко всему, а самое главное, к себе. Если Анхелика денно и нощно твердила ему, что он *никчемный паразит, который не заслуживает ничего, что для него было сделано, неблагодарный мальчишка, годный лишь на женитьбу, и то только благодаря трудам своей матери*, то Марта сказала, что *не встречала сударя более образованного и проникательного, чем Ромарио*. В тот миг рикриэнец осознал, что границ для него более не существует. Он сделает все, чтобы подняться наверх и стать частью того общества, люди которого могут спокойно разговаривать с цесаревной Стриборга, не вызывая усмешек или осуждения. И темноволосый ни в коем случае не собирался достигнуть своих целей посредством брака.

Когда Ромарио, чувствуя смесь из запахов жареной рыбы, костра и сырости, просочился в небольшое отверстие среди скал, ребята сидели на бревнах друг напротив друга и что-то бурно обсуждали. Анна жарила кусочки хлеба, наколов их на ветку, а Адриан — рыбу. Место Марты пустовало, чего Ромарио и ожидал, но до последнего надеялся, что сегодня девушка появится.

Ромарио окинул друзей приветливым взглядом. В мире могли происходить войны и стихийные бедствия, но одно останется навсегда неизменным — разговоры Анны и Адриана об оружии. Рикриэнец не представлял, что может быть интересного в ежедневном обсуждении такой однобокой темы. Тем не менее, он был рад находиться с ними здесь. Хотя вряд ли это место можно было назвать безопасным — каменные плиты могли обрушиться в любой момент.

Анна была первооткрывательницей их тайного убежища. В силу детской любознательности, гуляя по лесу в поисках приключений десять лет назад, она изучала каждый его дюйм. Только очень опытный следопыт смог бы отыскать их укрытие в расщелине скалистой части горы, скрываемой хороводом непроходимых на вид елей. В сорока метрах от них журчал небольшой водопад — продолжение горной реки. Внутри впадины образовалась овалообразная площадка, шириной со взрослое дерево. Стены скал уходили далеко вверх, едва пропуская лунные лучи. Света здесь почти не было даже в ясный день, впрочем, как и ветра. Со стороны казалось, будто среди одиноких каменных холмов, сдавленных лесом, нет свободного места и не обитает ни единой души.

Идеальное место, если не хочешь быть найденным.

– Привет, — поздоровался Ромарио с друзьями. — Снова ведете увлекательные беседы про идеальный баланс лезвия и необходимости делать именную гравировку на эфесе?

Адриан усмехнулся, поприветствовав рикриэнца. Ромарио пожал протянутую руку друга и взглянул на хмурую Анну, подметив, что приветствия от нее ждать не стоит. Неужели он прервал чрезвычайно важный разговор?

– Я полагаю, что удобнее обороняться изогнутым однолезвийным коротким мечом, а Аня считает, что лучшим для этого будет обоюдоострый с защитной «корзиной» на эфесе.

– Главное, бей острым концом, — хмыкнул темноволосый, не желая погружаться в предмет беседы. — Привет, Аня.

Красноволосая поджала губы, когда Ромарио слегка склонил голову в ее сторону. Он вопросительно поднял брови на подозрительно молчаливую Рудову. Выражение ее лица было ему хорошо знакомо. Взгляд Анны не имел ничего общего с тем, который можно ожидать от близкой подруги, радующейся встрече.

– Ты недовольна мной, — кивнул Ромарио, присаживаясь на бревно. — Мы сегодня еще не виделись, а я уже успел тебя расстроить?

Анна была не тем человеком, который будет ждать, что по недовольному лицу догадаются о терзающих ее мыслях. Чаще всего Рудова молчала, чтобы не нагрубить и не довести дело до драки. Возможно, таким образом она тщетно старалась побороть в себе возмущение. Но не надо быть предсказателем, чтобы предположить развязку Аниного негодования.

– Ты видел, как Марта проводила Публичный суд? — решил разбавить как-то удушающую тишину Адриан. — Мы тебя не нашли.

Ромарио кивнул, не скрывая довольной улыбки. *Такая* Марта оставила в его воспоминаниях отдельную страницу, которую он будет открывать всякий раз, желая вновь вернуться на площадь и ощутить тот невероятный восторг и всепоглощающую гордость за цесаревну, хоть она заметно нервничала, проводя суд. Это был первый раз, когда он воочию увидел Ее Царское Высочество Марту Александровну. Однако для него это не стало неожиданностью. Ромарио всегда замечал в ней царские штрихи, откровенно бросающиеся в глаза и зачаровывающие. Благородная сдержанность и очаровательная кротость, всесторонняя наблюдательность и многогранная осведомленность. Его сводила с ума ее восхитительная обескураживающая улыбка, а пронизательный взор голубых глаз проникал в самую душу, сокрушая сердце рикриэнца.

За годы, проведенные вместе, он выучил девушку наизусть. Когда она тревожилась, то закусывала губу и несколько раз заправляла прядь за ухо. Если смущалась, то поджимала губы, отведя взгляд. Если злилась, то не сводила глаз, натянув на лицо маску убивающего спокойствия, от которого по коже шли мурашки. В своей внутренней трепетной уединенности она скрывала сотни чувств. Ромарио кожей чувствовал, когда Марта уничтожала в себе эмоции, отработав этот навык до безукоризненного совершенства. Как же он сторал от удовольствия, когда слышал тихий смех Урагановой. Возможно, она корила себя за это, но, будь он проклят, насколько же истинную радость в этот момент — когда сдерживающие ее чувства оковы трещали по швам, точно корка тонкого льда — испытывала Марта. Ромарио знал, что он, Анна и Адриан делали девушку счастливой.

Около шести лет назад он случайно встретил испуганную, заблудившуюся в лесу десятилетнюю девочку. Марта сидела на траве, обняв колени, и тихо плакала. Она не увидела рикриэнца, погрузившись в печаль. Ромарио замер, пораженный. Он понимал, что увидел то, чего не должен был, поэтому боялся издать хоть один лишний звук. Ему не хотелось нарушать уединение светловолосой. Марта была разбита, но в то же время — невообразимо прекрасна. Еще никогда ему не доводилось видеть подобную хрустальную чистоту. При взгляде на нее Ромарио чувствовал боль и силу, грусть и уверенность. Она не выглядела сломленной, а лишь раненой. Одинокой.

Ромарио не знал, что побудило его утешить и помочь девочке. Он никогда не был смелым и отважным, как Адриан, никогда не мечтал стать героем, как Анна. Возможно, в свои

двенадцать ему всего лишь захотелось хотя бы на пару минут стать храбрым для одинокой незнакомки. Оказать помощь и получить благодарную улыбку.

Пока темноволосый предавался внутренним рассуждениям, Анна повеселела и принялась в красках вспоминать, какое ликование вызвала Марта. Адриан горячо поддерживал каждое замечание неропаски. Получив снисхождение Анны, рикриэнец почувствовал себя намного лучше. Он не мог выносить чьего-то осуждения, потому что просто-напросто не привык к нему. Обыкновенно его все любили. Он привык быть самым желанным гостем в любой компании.

— Кстати, пока мы ждали начала суда, к нам подошла Эфтидора и попросила передать тебе это, — Адриан извлек из своей сумки какой-то сверток.

Лицо друга приобрело неодобрительное выражение. В ту же секунду и к Анне вернулось былое раздражение, и Ромарио понял, что такое настроение вызвано посланием от Эфтидоры. Синеглазый хорошо запомнил симпатичную троюродную сестру Адриана, которая все время, пока он был у них в гостях, бросала на него заинтересованные взгляды. В его планы не входило стать объектом влюбленности молодой неропаски. Ромарио лишь расчетливо отметил, что знакомая в столице Неропаса — отличная возможность, которую было бы досадно упустить. Но сейчас, разглядывая сверток в руке и нахмуренные брови друзей, темноволосый пожалел, что познакомился с Эфтидорой.

— Ты даже не удивляешься, — фыркнула Анна.

Знала бы Анна, сколько подобных подарков он получает еженедельно, то давно бы убила его за расточительство обворожительных улыбок. Однако Ромарио никогда не ставил перед собой цель занять чье-то сердце. Это всегда происходило случайно, будто проклятие.

— Подобный исход был ожидаем, — пожал Ромарио плечами и убрал сверток в карман, отложив осмотр на потом. Ему и без того было известно, что там яблоко и записка с местом встречи. — Такое иногда часто случается.

Приглашения на прогулки от поклонниц, тайные любовные послания, непрощенные подарки, просьбы о встречах с интимным подтекстом и многое другое не было для него чем-то необычным или новым. Он получал их так часто, что уже перестал обращать внимание. Ромарио скорее бы удивился, если бы сестра Адриана проигнорировала его.

— Возможно, тебе не стоило с ней флиртовать, и тогда она бы не положила на тебя глаз, — красноволосая скрестила руки на груди.

— Что? — искренне поразился Ромарио необоснованному обвинению. — Я не флиртовал с ней!

— Флиртовал, — подтвердил слова Рудовой мечник. — Ты улыбался ей и поклонился, даже руку поцеловал, — Адриан явно был возмущен. — *Приятно познакомиться, сеньорита Эфтидора*, — передразнил кареглазый тоненьким голоском. — *У вас такие чудесные сверкающие глаза.*

Клевета чистой воды. Он не сделал и не сказал ничего, что можно было бы обзвать флиртом. Ромарио был любезен и учтив. Он всего-навсего хотел познакомиться с полезным человеком — на этом хитроумные планы заканчивались.

— Кланяться сеньоритам и целовать им руки — это проявление уважения, — развел он руки в стороны. — Я со всеми девушками так общаюсь. Даже с тобой, Аня.

При каждой встрече, здороваясь с ней, рикриэнец по привычке склонял голову. Поклон настолько был частью его самого, что Ромарио не придавал ему значения. Скорей всего, Анна тоже к этому привыкла и перестала акцентировать внимание на его манерах, иначе почему ее так рассердило его поведение с Эфтидорой?

— Комплиментами тоже всех одариваешь? — скептически спросила Рудова.

— Конечно, — кивнул Ромарио. — Комплименты располагают к тебе людей, Аня. Советую попробовать.

– Но мне же ты не говоришь комплименты, — не нашла лучшего аргумента Анна.

Ромарио чуть не вскрикнул от удовлетворения, когда в голову ему пришла забавная идея. Если он не сделает этого сейчас, то другого момента жизнь может и не предоставить. Анна сама напросилась.

– Прошу прощения, Ваше Сиятельство, — с наигранным раскаянием извинился Ромарио, поднявшись. Он низко поклонился и протянул ладонь, чтобы взять ее руку для поцелуя. Анна поморщилась. — Княжна, ваши волосы необыкновенного оттенка заставляют мое сердце биться чаще, а бесподобные голубые глаза... — Анна поднялась, чтобы влепить Ромарио подзатыльник, но он вовремя увернулся и продолжил, заливаясь смехом: — ...глаза — точно цвета насыщенного неподвластного моря, прямо как ваш непокорный дух!

– Заткнись, болван напыщенный!

Анна замахнулась, но Ромарио, за свою жизнь привыкший к пощечинам матери, без труда избежал удара.

– Разве не комплиментов вы желали, госпожа?

– Не называй меня так! — девушка сделала широкий шаг и сделала попытку схватить его за ворот рубашки.

– Вам более угодно «Ваше Сиятельство» или «Княжна»? — веселым голосом продолжал Ромарио. — Или «Темная богиня»?

Адриан поднялся, чтобы их разнять. Он перегородил путь к отступающему Ромарио как раз в тот момент, когда Рудова вновь подняла руку.

– Аня, ты угробишь нашего умника раньше срока. — Она попыталась обойти друга, но светловолосый не позволил. — Великие Богини, Аня, оставь его! Он не сказал тебе ничего плохого!

– Он знает, что меня раздражают эти обращения! — оттолкнула мечника Анна и собрала поток воды в руке. — Вода не оставит синяков на твоём милом личике.

Она сделала шаг, но резкий поток ветра снес стихию Анны. Неропаска обернулась, Ромарио тоже. Сердце пропустило удар, а от стального уверенного голоса по телу затанцевали мурашки.

– Нельзя атаковать немагов, Аня, — появившаяся Марта вышла вперед, закрывая рикриэнца собой. — Ищи равного по силе.

Марта была в серых одеждах простой стриборгской сударыни, однако царственная походка и стойкий дух, сверкающий в ясном голубом взоре, выдавали в ней наследницу трона. Хоть внешний вид Марты настораживал, в голосе просвечивала теплота, раскрывая подлинный настрой. Ромарио невольно залюбовался ею.

– Мы думали, ты сегодня не придешь! — обрадовался Адриан. — Как раз вовремя. Помоги мне остановить эту обезумевшую, — кивнул неропасец на красноволосую.

– Тебе повезло, смертник, — пробурчала Рудова, отступая. — Рада видеть тебя, подруга, — красноволосая улыбнулась Урагановой. — Будешь рыбу?

– Нет, благодарю, — русоволосая повернулась к Ромарио. — Привет.

До него добрался ее сводящий с ума аромат горной лаванды в унисоне с перечной мятой. Юноше всегда казалось, что так пахнет ветер.

– Привет, — поприветствовал рикриэнец с поклоном. Задорный настрой Ромарио мигом испарился, уступив место неловкой радости.

Внезапное появление на пару секунд выбило его из устоявшегося мироощущения. На несколько мгновений Ромарио почудилось, что здесь только он и она. Сознание отсеяло друзей из общей картины.

Марта поспешно отвернулась, осознав, что они чересчур задержали друг на друге взгляды, когда до них долетело фырканье Рудовой. Щеки цесаревны покрылись алым рассветом. Ромарио не смог сдержать улыбку.

– В чем причина вашего конфликта? — поинтересовалась Ураганова, присаживаясь на поваленное дерево рядом с Анной.

Ромарио хотел сказать ей, что сегодня днем она отлично провела Публичный суд. Он хотел поддержать возлюбленную, помня страх, охвативший девушку, когда первый преступник стал давить на жалость. Это было первое мероприятие Марты, которое ей доверили, поэтому, не удивительно, что естественное волнение охватило цесаревну. Однако Ураганова зачастую была слишком строга к себе и корила за любую промашку, забывая одну простую истину — нельзя достичь идеала. Ромарио жаждал успокоить наследницу, но от переизбытка эмоций слова застряли в горле.

– Развязное поведение нашего умника, — красноволосая победоносно взглянула на Ромарио, вернувшегося на свое место.

Взгляд Рудовой будто говорил: «Что ты скажешь теперь, когда она здесь?»

Рикриэнец тяжело вздохнул, подавив желание треснуть подругу. Склонность затягивать до победного конца петлю на шее проигравшего — худшая сторона неропаски, глупость, с которой рикриэнец успел смириться.

– Развязное поведение? — ухмыльнувшись, спросила Марта, посмотрев на темноволосого.

– Заигрывает с сестрой Адриана.

Взгляды Ромарио и Марты встретились. В ее небесных сверкающих глазах не было вопроса — лишь насмешливые искорки с напускной серьезностью. Марта знала, что для него никто, кроме нее, не имеет абсолютно никакого значения. Ровно столько же значил и он для нее.

Они стали друг для друга вдохновением, многоликим светом в крошечной тьме. Ромарио доверял ей, а она — ему. Марта верила в него, а он — в нее. Их души существовали настолько тесно друг к другу, что срослись в одну крошечную вселенную. Иногда ему казалось, что он слышит ее чувства, а она понимает его мысли. К его великому сожалению, их сердца рождали в нем надежду на что-то большее. Это убивало каждый раз, когда Ромарио ощущал вкус этой надежды. Потому что продолжения попросту не существовало.

Ни Ромарио, ни Марта никогда не признавались в любви друг другу и не проявляли инициативы. Однако всегда знали истину. Было в этом что-то сокровенное, доступное только им двоим. Они испытывали незримую связь, окутавшую души и породившую непокорную магию соединенных сердец. Вопреки мнениям, для их *магии* — слова не требовались. В речах не было смысла, ведь взгляды шептали о том, о чем никогда бы не сказали уста. Ничего не могло быть лучше, чем созерцание отражения своей любви.

Почти каждый день будучи свидетелем того, как Анна в подробностях рассказывает о величайшей любви к Лукьяну — своему возлюбленному, — рикриэнец поражался ее открытости. Ромарио не хотел ни с кем делиться чувствами к Марте. Даже с ней самой.

Да, иной раз, в минуты хандры, он мечтал только о том, чтобы обнять Марту не как друг, а как мужчина, прижать к себе и иметь право хоть на один поцелуй. Ощутить ее любовь своим телом и достигнуть непостижимого. Бывало, Ромарио терзало желание признаться. Однако было ясно, что этого разговора не должно произойти. Он расставит все по своим местам, подтвердив и без того известный каждому факт — им не суждено быть вместе. Никогда.

Единственное, что он может сделать, это выйти в бессмертное общество, чтобы называться добрым другом цесаревны, не скрываясь при этом среди скалистых выступов. Ради этой цели Ромарио готов рискнуть всем, что имеет. Играть в игру, как в последний раз. Ткать Паутину, поставив на кон свою судьбу.

– Ромарио просто сделал комплимент и вежливо представился, как обычно, — заступился Адриан за друга, пихая Рудову в бок. — Моя сестра напридумывала себе всякого.

– Анна заревновала, что я не замечаю её природной красоты, — насмешливо произнес рикриэнец. — Устроила настоящую истерику.

– Это не так! — Анна не удержалась и встала на ноги, готовая идти в атаку.

– Определенно так, — закивал синеглазый. — Даже сейчас продолжаешь жаловаться Марте. Я ведь уже сказал, что проявляю так внимание, чтобы расположить человека к себе.

– Это правда, — подтвердил мечник, ловя негодующий взгляд красноволосой, в котором читалось слово «предатель». — Твой излюбленный способ общения, — вздохнул Адриан. — Но мне не нравится, что моя сестра увлеклась тобой.

– Я встречу с ней и скажу, что мое сердце занято, — он не рискнул взглянуть на Марту, говоря эту фразу. — Проблема решена? — дождавшись кивка друга, Ромарио перевел взгляд на Анну.

Девушка не выглядела удовлетворенной. Ромарио вообще сомневался, что можно закончить ссору с Рудовой, искренне не признав свои ошибки. Ей не нравилось чувство проигравшей. Таковой она себя считала, даже если спор решился компромиссом.

– В чем дело, Аня? — Ромарио поднял бровь. — Откуда столько осуждения ко мне?

– Меня раздражает, что ты так бессовестно себя ведешь, — объяснила она, вызывая у рикриэнца недоумение. — Тебе ведь доставляет удовольствие чрезмерное внимание.

– Точно не оскорбляет, — хмыкнул Ромарио. — Чего ты так на меня взъелась? Тоже повелась на мое врожденное обаяние? — он поиграл бровями. — Влюбились, Ваше Сиятельство?

Рядом с ним тут же образовался большой водяной пузырь. Ромарио не успел увернуться, и стихия обрушилась на него, повалив на спину и выбив весь воздух из легких. Он чудом не ударился головой.

Назвать Рудову титулом, которого она не имела, было достаточно, чтобы разозлить девушку. Для Анны эта тема считалась самой болезненной, поскольку девушка родилась бастардом номарха Реймсса Атонеру — огненного мага, который разделял обязанности княгини Марии, представляя власть Рамерита. Между ним и Гертрудой Рудовой возник роман, хоть номарх уже был женат. По слухам, Реймсс, узнав, что любовница ждет ребенка, мгновенно прекратил с ней отношения. Многие сомневались в причастности Реймсса к рождению Анны, потому что, вопреки всем законам магии, девушка владела стихией воды. Стихия передавалась от родителя к ребенку. Если у родителей разная магия, то ребенку доставалась одна из них. Гертруда была магом ветра, а Реймсс — огня, поэтому у них никак не могла родиться дочь другой стихии. Однако Гертруда упорно настаивала на своей версии.

Поэтому Анна не обладала титулами, которые должна была наследовать по крови от отца, так как не была им признана. Гертруда именовалась Княгиней, однако этот титул не распространялся на неропасцев, каковой Анна стала с момента появления у нее магии воды — гражданство определялась по тому, какой стихией обладал человек. В случае Ромарио, стихия молний досталась ему от матери-рикриэнки, а не от отца-стриборгчанина. Магия проявлялась абсолютно у всех в детстве, однако не каждый мог позволить себе развивать магические способности — обучение стоило дорого. Если до десяти лет ребенок не обучался магии, то способности утрачивались.

– Даже не мечтай, — пробубнила Анна рассержено, сложив руки на груди. — Надеюсь, это тебя остудит.

Марта материализовалась рядом с ним. Голубые глаза смотрели встревоженно, и Ромарио на секунду подумал, не повременить ли с возвращением в вертикальное положение. Светлые пряди девушки, напоминающие своим цветом пшеницу, выбившись из косы, спадали на лицо. Рикриэнец засмотрелся на них, думая лишь о том, что Марте не нужна аккуратная прическа, чтобы быть самой красивой на свете.

– Ты как? — Ураганова смотрела на него сверху вниз, присев рядом.

– Прекрасно, — он поднялся, с радостью позволив ей помочь, хотя ее помощь не требовалась. Они оба знали об этом.

Марта посмотрела на Рудову с укором. Цесаревне стоило опалить властным взглядом лишь раз, чтобы донести до оппонента, чего она хочет. Рудова сделала вид, будто ничего не заметила, и вернулась на свое законное место. Марта, задержавшись подле Ромарио на пару секунд, сделала неуверенное движение рукой, но остановила себя от непредвиденного порыва и последовала примеру подруги. Темноволосому показалось, что Ураганова хотела коснуться его волос: нечто совсем необычное для их отношений.

С чего бы ей задумываться о таком?

– Марта, мы сегодня были на Центральной Площади, когда ты проводила Публичный суд, — поделился Адриан. — Ты была великолепно! Я никогда не видел тебя такой... такой...

– Властной! — добавила Анна, восхищенно взирая на девушку. — Я всегда считала, что ты очень сдержанная, но на суде была просто ледяной глыбой! Из тебя будто высекли все эмоции и оставили равнодушие, — красноволосая положила ладони поверх разгоряченных щек. — А каким строгим стал твой голос, когда ты обвиняла их во лжи... Все люди были в восторге!

Марта грустно улыбнулась и отвела взгляд. Неожиданная реакция для девушки, которую оценили по достоинству. Рикриэнец нахмурился, заметив эту странность в поведении Марты. Он слишком хорошо знал стриборгчанку, чтобы не заострить внимание на изменившейся мимике. Лицо ее потеряло былую безмятежность.

Анна продолжала говорить, сопровождаемая восклицаниями Адриана, в то время как Марта закусил губу и заправляла выбившиеся пряди за уши. Он заметил напряжение и в беспокойных жестах, делая вывод, что цесаревну что-то терзает, нечто, о чем она не решается рассказать. Вовсе Ромарио выбило из колеи, когда Марта соединила пальцы и принялась их сжимать.

«Она встревожена и подавлена».

Голова Ромарио лихорадочно заработала, разгадывая загадку. За несколько мгновений перед ним выстроились десятки фактов, которые могли быть связаны с тем, что тяготит девушку. Он знал многое. Даже то, о чем не следовало. Рикриэнец знакомился с людьми не из-за огромной любви к общению, а с корыстными целями выведать информацию. Ромарио располагал достаточными связями в городе, чтобы по крупницам составить представление о том, что сейчас окружает Марту.

Проблема связана с царицей Александрой — сомнений нет. До этого приезд матери не действовал на Марту так — погружая в скрытность, недосказанность. Значит, дело не в самом прибытии. Она узнала новости, которые застали цесаревну врасплох. Что могло задеть Ураганову? Марта уже много лет пыталась завоевать расположения Александры Василисовны, терпела козни сестры и неприятие обществом ее статуса. Получается, не это стало поводом для беспокойства. Вызвать тревожность у девушки могло только то, чем она дорожит. Или кем.

Зачем Марта пришла к ним — дорогим людям, хотя рискует быть пойманной? Конечно, Ромарио понимал, что княгиня Мария в курсе ее ночных вылазок, но она не предпринимала никаких действий, а значит, приказа от царицы не поступало. Сама Марта, ровно как и Адриан с Анной, не догадывались об осведомленности Марии Еленовны. Тем не менее он не ожидал увидеться с цесаревной, ведь с ее точки зрения именно сегодня Сворова могла быть особенно внимательной к передвижениям Урагановой. Такой риск был не в духе Марты — девушка мечтала заполучить признание родственников. Однако она пришла, найдя весомую причину.

– Рома, а ты что думаешь? — спросил Адриан, прерывая цепочку безостановочно крутящихся мыслей.

– Да, — кивнул Ромарио с затуманенным взглядом. — Ты была бесподобна, Марта. Тебя еще долго обсуждали жители, оставшиеся в торжественном ликовании. Их не особо волновал Суд — ты была главным зрелищем. Я бесконечно рад, что тебе выпала эта возможность.

На долю секунды в ее глазах сверкнуло смущение и признательность, но они быстро исчезли, отогнанные тоской. Ромарио терялся в водовороте волнующих чувств, понимая, что Марта не подавляет эмоции, как обычно: она, скорее, натягивает их поверх настоящих, чтобы скрыть тревогу.

Вдруг жестокая догадка посетила его, и Ромарио забыл, как дышать.

Марта рискнула встретиться перед приездом царицы, потому что пришла попрощаться.

Глава 4 Марта

Марта захлебывалась в опустошении, не зная, как сообщить свою новость друзьям. Ей не хотелось ставить точку. Она не могла расстаться с этими людьми, заменившими ей семью. С ними она чувствовала тепло, уют и спокойствие. Ее сердце разрывалось лишь от мысли, что придется попрощаться. Уйти навсегда. Однако Марте иначе нельзя. Она обязана обезопасить своих друзей от нрава родительницы.

Долг для наследницы трона превыше всего, Марта.

Наставление, данное однажды матерью, прозвучало в голове. Цесаревна ни на секунду не забывала о нем. Ведь жизнь Марты никогда по-настоящему ей не принадлежала. Принадлежала царице, народу, стране — кому угодно, но не самой Урагановой. Она не могла выбирать, а судьба девушки была предрешена с рождения.

Однако Марта не удержалась от простой человеческой потребности обрести друзей, желая найти долгожданную поддержку и необходимый покой. Она полюбила их, впустив в свое сердце, туда, где должен был жить один лишь Стриборг. Сначала Ураганова проклинала себя за эти чувства, ненавидела за слабость и обвиняла в предательстве. Даже сейчас, случалось, возвращалась к подобным терзаниям. Но ничего не могла с собой поделать: душа желала быть услышанной, сердце требовало взаимности.

Тем более, вопреки словам тетушки о слабости, которую несут чувства, друзья не давали Марте пасть духом. Они появились в ее жизни в тот момент, когда цесаревна хотела сдаться, и помогли окрепнуть. Только благодаря их поддержке наследница трона продолжала идти вперед.

— Ты выглядела такой властной и грозной... у меня аж мурашки по коже пробежали! — продолжала делиться впечатлениями довольная Анна.

Глаза единственной подруги светились гордостью. Марта слушала каждое слово Анны, не желая прерывать Рудову, наслаждаясь новыми чувствами, поселившимися в душе красно-волосой. Адриан соглашался с каждой фразой, добавляя добрых слов от себя.

Анна была самым искренним человеком, которого знала Марта. Эта девушка ничего не держала в себе — полная противоположность Урагановой. Анна напоминала цесаревне непредсказуемый вихрь эмоций, меняющий свое настроение каждую минуту. Случалось, что наследница завидовала Анне, вспоминая былую себя. С самого детства ей твердили держать чувства в узде, подавлять внутри любые вспышки, но, созерцая бурную мимику Темной богини, Марта не переставала поражаться. Именно этим своим качеством Анна цепляла. Абсолютная чистота в ее речах не оставляла иного выбора, кроме как довериться и открыться в ответ.

Ей будет так не хватать Рудовой.

— Все задержали дыхание, когда ты посмотрела на него и обвинила во лжи! — воскликнул Адриан, оживленно жестикулируя.

Несмотря на искреннюю похвалу друзей и заверения, что Марта достойно провела Публичный суд, сама она так не считала. Поднимаясь на помост для вынесения приговоров, Ураганова словно шла на собственную казнь. Цесаревна до сих пор помнила охватившее её волнение, хотя она репетировала свою речь больше десяти раз. Княгиня Мария узнала от своих помощников о запинках в речи наследницы, поэтому незамедлительно посоветовала готовиться лучше и быть ответственным в следующий раз, если Марта его заслужит. Успокаивало, что довольных людей действительно было много — это наблюдение приятно шокировало девушку. Вот только тетушка намерено не упомянула о них, будто норовя побольнее уколоть Ураганову. И у нее это получилось.

Марта перевела взгляд на Адриана, дополняющего речь Анны. Он был человеком чести. Никогда в жизни он не опустился бы до лукавства, ни за что на свете не нарушил бы своего обещания. Неропасцем руководили честность и справедливость. Есть ли в мире еще, подобные Адриану? Каждый ли титулованный юноша может поклясться в верности и держать клятву до самой смерти? Марта очень сильно сомневалась в этом. Большинство дворян, с которыми она была знакома, были настоящими трусами. Княгиня Сворова не исключение — она редко лично участвовала в схватке, опасаясь за свою жизнь. Если кто-то и заслуживал бессмертие, то это, несомненно, Адриан.

Марта взглянула на Ромарио. Ураганова любила наблюдать за мимикой юноши и слушать обворожительный тембр его голоса, сражаясь с собой всякий раз, чтобы не закрыть глаза от удовольствия. Однако сейчас он притих, погрузившись в раздумия. Цесаревна знала этот отстраненный взгляд, словно рикриэнец видел вещи, доступные лишь ему одному, отгородившись от посторонних звуков и погрузившись в себя. Он думал. Марта могла только гадать, над чем так усердно размышляет возлюбленный.

Справится ли она без него?

Марта сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Ей было невыносимо думать, что это их последняя встреча. Голубоглазая никогда не задумывалась над упущенными моментами, полагая, что времени еще предостаточно, но... Неужели она больше не увидит эти выразительные скулы и острый подбородок? Не запечатлит ощущение устремленного на нее взгляда оглушительных сапфировых глаз, видящих ее душу насквозь, не услышит бархатный голос, полный непередаваемой нежности, от которого замирает сердце? Она так и не коснется его непослушных волос угольного цвета и не дотронется до широкой кисти с выступающими венами, не почувствует на своих щеках длинные пальцы и не ощутит горячего дыхания на губах?

Цесаревна с головой опустила в омут сожаления. Она никогда не испытывала такого отчаянья, охватывая взглядом лицо Ромарио, как сейчас. Ей стоило бы стыдиться запретного желания, которое может уничтожить и его, и ее. Если бы княгиня Мария знала, о чем думает Марта, то давно бы отдала приказ обезглавить рикриэнца, не спрашивая разрешения матери. В каком бешенстве была бы царица, услышав лишь часть мыслей дочери? Она разочаровалась бы, осознав, что Марта не может убить сокрушающую привязанность к рикриэнцу? Избавилась бы от Ромарио сразу или сначала заставила бы наблюдать за его муками? В наказаниях мать была очень изобретательна. Недаром народ нарек ее Карательницей.

Долг для наследницы трона превыше всего, Марта.

Девушка несколько лет не признавала своих чувств к Ромарио, отвергала их изо всех сил. Потому что ей было стыдно. Марта ненавидела себя за слабость, которую, будучи цесаревной, должна была искоренить из своего тела. Ураганова хотела, чтобы мама ею гордилась. Она больше всего на свете мечтала услышать от нее похвалу. Сильнее ей хотелось лишь материнских объятий. Наставления тетушки выгравировали в Марте четкое понимание того, какой ей следует стать, чтобы получить любовь царицы — сломать себя, построив из разрушенных кусков ледяную скульптуру.

Однако встреча с Ромарио в лесу изменила дальнейшую жизнь Марты. Он ворвался в ее голову, не спрашивая разрешения, заполнил собой все мысли и захватил чувства. Ураганова не смогла сопротивляться. Не в ее силах было устоять перед головокружительным чувством, затмившем все углы рассудка. Марта ощущала близость его души, как будто та была ее собственной, потому что в какой-то степени они были едины. Однако Ромарио всегда был для нее чем-то запретным, тем, кого нельзя было касаться, иначе все возведенные ею барьеры сдержанности рухнут в одно мгновение. Вернее, так цесаревна думала ровно до сегодняшнего дня, когда поняла, что может потерять его навсегда.

Однако, даже если бы Марта позволила себе больше дозволенного, имело ли это смысл? Знаки внимания с её стороны только бы все усугубили. Ураганова не могла ничего предло-

жить Ромарио, кроме любви, поскольку он был рикриэнцем. Отсутствие титула дело поправимое, как и Метки Бессмертия, а вот от магии молний, которая могла передаваться его детям — не избавиться. Будь он стриборгчанином-простолюдином, царица бы не возражала против их отношений — в Стриборге не так ценили наличие титула, как в Рикриэнии. К сожалению, брак с ним сулит державе одни проблемы, особенно наследованию престола магами ветра. Этого наследница трона допустить никак не могла. Страна для Марты на первом месте. И цесаревна должна выбирать только её, чего бы не жаждало проклятое сердце.

«Бесчестно по отношению к Ромарио вести себя подобным образом, — обозначила себе Марта. — Он заслуживает лучшего».

— Итак, — кашлянул Ромарио, привлекая внимание. Голос юноши достиг ее легким касанием, будто рикриэнец дотронулся до струны музыкального инструмента, и по коже цесаревны разошлась привычная рябь. — Почему ты пришла, Марта?

Марта не ожидала такого вопроса, как и остальные. Она хотела было переспросить, не ослышалась ли, но, присмотревшись, поняла, что увиливать бессмысленно. Рикриэнец знал ее лучше, чем она сама и, вероятно, догадался, что вряд ли бы Ураганова стала рисковать, появившись здесь перед самым приездом матери. Он понял, что у нее были причины прийти.

— К чему такие вопросы? — мгновенно выразила недовольство Анна, готовая отстаивать право Марты на пребывание в их тайном месте в любое время.

Ромарио не ответил. Он выжидающе смотрел на Марту.

— Ты пришла... сообщить нам что-то важное, не так ли? — предположил он.

Адриан и Анна перевели на подругу глаза, в которых застыл немой вопрос.

— Тебя не проведешь, — хмыкнула цесаревна. — Сегодня я пришла, чтобы проститься с вами.

Тягучее безмолвие нарушалось только треском костра и громким стуком сердца у Марты в ушах. Она смотрела себе под ноги, собирая по частям заранее заготовленные фразы.

— С чего вдруг? — спросила Анна.

— Царице известно о наших встречах, — ответил Ромарио вместо Марты. Она резко подняла на него вопросительный взгляд, удивляясь тому, как быстро он сложил все кусочки воедино. — И ее терпению пришел конец.

Марта в который раз ощутила невероятное восхищение. Его эрудированность превосходила свои года, прибавляя Ромарио пару лет, что только больше украшало и делало из молодого юноши привлекательного мужчину в ее глазах.

— Подождите, — махнул рукой Адриан. — Почему ты так думаешь? Мы находимся в расщелине горы, окруженные сотней елей! Это место невозможно найти.

— Кроме того, если бы царица действительно знала о нас, то Марта ни за что бы здесь не появилась, — поддержала друга Анна.

— Сегодня утром Мария сказала мне, что знала обо всем с самого начала, — Ураганова поспешила внести ясность, прерывая друзей. — Царица тоже. Однако по каким-то соображениям она позволяла мне приходить сюда. Теперь ее снисхождение исчерпало себя...

Неропасцы издали вздох, поражаясь внезапной новости. В их глазах смешались десятки эмоций, а пустые предположения продолжали вырываться из уст. Один Ромарио не выглядел удивленным. Его реакция обескуражила Марту. Но вдруг она осознала истинную причину его спокойного поведения.

— Как давно ты догадался? — спросила наследница трона.

Он поднял на нее задумчивый синий взор. Ураганова могла лишь предполагать, какие умозаключения скрываются в его голове. Возможно, сейчас Ромарио продумывает какую-то неизвестную ей цепочку выводов, составляя план. Или его ранили новости, которые она преподнесла пару минут назад, и он пытался справиться с накатившей болью, лихорадочно ища выход из положения. Выхода не было.

– Довольно давно. Ты — наследница Стриборга. Очевидно, что за каждым твоим шагом следят сотни подданных княгини Марии. Они знают, что ты делаешь, с кем разговариваешь, что ешь и о чем думаешь. Недопустима сама вероятность — подвергнуть тебя опасности и снять наблюдение. Возможно, когда ты сбежала в первый раз и потерялась, Мария Еленовна за тобой не углядела. Но она достаточно умна, чтобы не повторять своих ошибок. Единственная загадка — почему тебе так долго было разрешено общаться с такой компанией, как мы, и почему решили запретить сейчас. Есть идеи?

Марта была готова дать ответ, но вспомнив причину, застыдилась ее озвучивать.

– Не знаю, — она закусила губу, отведя взгляд.

Ромарио внимательно наблюдал за её смущением. Он понял. Марта с грустью заметила в синих глазах Ромарио, как сокрушила его собственная печаль, которую Марта почти физически ощущала кожей. Она разделяла каждую его эмоцию и раньше, будто у нее был врожденный талант впитывать чувства Ромарио в свою кровь.

Такого у нее больше ни с кем не происходило.

На пару мгновений повисла тишина, которую нарушало лишь потрескивание поленьев. Ночь была безмятежной, лишь сверчки пели панихиду по ускользающей свободе. Легкий ветер, проникающий в ущелье, обнимал прохладными ласками кожу, отчего Марте вдруг захотелось раствориться в своей стихии. Отпустить всю накопившуюся боль, избавиться от тяжелых обязательств ее положения и спокойно утонуть в спасительном забвении, оставив о себе лишь память в семейном древе.

– Как подготовка к приезду царицы? — спросила Анна, нарушив затянувшееся молчание. — Думается мне, на тебя свалили много обязанностей.

– Да, так и есть, — Марта поморщилась. — Сегодня тетушка поручила Кате принять беженцев из Вотрова, пока я проводила Публичный суд.

– Ты бы хотела принять их? — спросила Анна и, дождавшись кивка Марты, поделилась советом: — Надо было потребовать, чтобы ты тоже присутствовала там. В конце концов, она всего лишь управляет городом, а ты будешь править страной.

Марта издала смешок. В глазах подруги цесаревна обладала неприкосновенной властью и могла делать все, что заблагорассудится.

– Я потребовала, но тетушка убедила меня, что мне не следует вмешиваться в это. Полагаю, вы еще не слышали, но пару дней назад войско Ариантреи захватило Вотров. Прибывшие вотровцы поведали о случившемся. Княгиня хотела, чтобы Катя дала оценку положения и выдвинула пути решения проблемы. — Ураганова недовольно вздохнула. — Мария Еленовна считает, что сестра справится с этим лучше меня.

– Захвачен Вотров? — подал голос Ромарио.

От цесаревны не укрылась блеснувшая в его очах искра любопытства. Этот юноша вкушал любое новое знание, чувствуя себя голодным без ежедневной подпитки. Марта обрадовалась возможности побаловать его.

– Верно, — кивнула Ураганова. — Княгиня Сворова встревожена этим, ведь Вотровское княжество — ближайшее к Мирограду.

Недаром Мироград выбрали общей территорией всех государств. По своему местоположению остров был идеален, находясь в удобном доступе для каждого. Правительницы могли добраться сюда по морю и не пересекать сухопутные границы других стран.

К северу на противоположном Мирограду берегу Василисового моря лежали земли Вотровского княжества, граничащего с остальными регионами Стриборга. Южнее от объединенного города располагалось Царство Рамерит, а далеко на востоке — Империя Джайо. Западнее Рамерита раскинулось Королевство Рикриэния, а еще дальше Империя Неропас — южная часть страны находилась в западном полушарии их мира, а северная граничила с северными

территориями Стриборга. В центральной части западного полушария были Владения Ариантреи — целый континент, омываемый двумя океанами.

– Удобная позиция для нападения, — заметил Адриан спустя минуту раздумий.

– Но не когда в Мирограде собрались сильнейшие маги и пятеро монархинь, — покачал головой Ромарио. — Для Ариантреи такой ход очень громкий. Думаю, здесь кроется нечто иное.

– Например? — забеспокоилась Марта.

Вместо обеда Ураганова посвятила себя изучению географического положения Вотрова и его особенностей. Ничего нового для себя она не узнала. Возможно, обладая наследница полной картиной происходящего, верный ответ оказалась бы ближе. Марте оставалось только гадать и разочаровываться от бессилия. Однако первое, что приходило на ум — это стратегически верное расположение для вторжения в Мироград.

– Чем славится Вотров? — спросил рикриэнец, подавшись вперед. — Там лучшие темницы для заключенных, куда отправляют всех самых опасных приспешников Ариантреи.

– Точно! — воскликнула Анна. — Ариантрея хочет освободить своих подданных!

Как Марта могла об этом забыть? Ромарио абсолютно прав! Она даже не вспомнила о темницах, потому что единственное, что горело перед глазами — это территориальная опасность Вотрова. Нужно было просто глянуть под другим углом...

– Возможно, — Ромарио устремил задумчивый взгляд вдаль, хмурясь. — Однако, недостаточно обоснованно.

– Почему? — нахмурилась Марта, уже одоблив предложенный вариант. — Разве не это ты имел в виду?

Марта обожала любоваться им именно таким, когда Ромарио был погружен в будоражащие раздумья: пальцы левой руки барабанят по колену, глаза — блестят от восторга. Ураганова знала — в данную минуту рикриэнец внимательно наблюдает не за выходом из расщелины, а представляет карту мира или Вотровского княжества, вспоминая известные факты о главном городе региона. В такие моменты ввевшееся в его лицо любезное притворство, воспитанное матерью, тотчас растворялось, открывая взору серьезного умного юношу, умеющего просчитывать вперед не только свои ходы, но и ходы других.

– Кто содержится в этой тюрьме, Марта? Там нет ни одного важного для Ариантреи человека, ибо богиня бы уже давно вызволила их оттуда. Почему сейчас? — Ромарио покачал головой, прикрыв глаза, чтобы вспомнить прочитанные книги. — Здесь есть что-то еще.

– Что? — спросил Адриан.

Все втроем они неотрывно следили за другом. Марте казалось, что еще немного, и он разгадает головоломку, предоставив им чудовищную правду, знание которой поможет освободить Вотров и предотвратить надвигающуюся катастрофу. Ромарио мог бы помочь ей вернуть расположение матушки и обойти хитрую сестру.

– Не знаю, — вздохнул юноша, открывая глаза. — У меня недостаточно сведений для точного предположения. Но, Марта, если тебе станет известно больше, то обрати внимание на положение и роль Вотрова. Также стоит изучить состав захватчиков. Она бы не стала отправлять своих лучших людей лишь для того, чтобы освободить других, послабее. Это не в ее духе.

Марта решила не спрашивать откуда ему известно, что в духе богини Тьмы, а что нет. Ей казалось, и не ей одной, что понять Ариантрею невозможно. Та была мудрее, сильнее и могущественнее. Богиню Тьмы нельзя было сравнивать с людьми или Темными богами, да и вообще как-то приравнивать к человеку. Ариантрея — высшее существо, не поддающееся объяснениям. Им оставалось только пытаться разгадать ее.

– Почему ты решил, что она отправила своих лучших людей? — не могла понять Анна.

– Потому что Вотров неприступен, — ответила за него Марта, найдя логичный вывод. — Стены кремля покрыты Удерживающей сталью, а служат там десятки военных магов. Сами

темницы находятся под землей, а камеры могут открыться только по воле княжеской семьи, потому что связаны с их кровью.

Если ранить бессмертного возможно было только Мертвой сталью, то пленить — Удерживающей. Эта сталь имела сверкающий белесый оттенок, что было неудивительно — в состав сплава, помимо бессмертной руды, входила платина. Из Удерживающей стали не делали оружия, поскольку пользы в бою от клинка из такого металла было столько же, сколько от простой бронзы. Раны, нанесенные ею, не причинили бы никакого вреда. У этой стали было свое особенное свойство: оковы, сделанные из нее, лишали любого человека или бога не только стихийной магии, но и сдерживали силу Метки Бессмертия. Заковав бессмертного в Удерживающие цепи, тот мгновенно терял способности к быстрому исцелению и утрачивал чрезмерную выносливость. Другими словами, равнялся со смертным. Если пронзить плененного такой сталью бессмертного простым человеческим клинком, то рана не заживет с молниеносной скоростью, а останется кровоточить и болеть. Тем не менее, даже самая жуткая рана, нанесенная плененному бессмертному обычной сталью, не способна убить его.

— Верно, Ваше Царское Высочество, — улыбнулся Ромарио, одобрительно щелкнув пальцами. — Поэтому захватить город могли только маги, которые могущественнее десятков военных магов Стриборга.

Марта сцепила руки, обдумывая услышанное и в который раз осудив себя за глупость и недалекость. Ей следовало мыслить шире, не преследовать очевидное, а задумываться над затаенным замыслом. Ромарио так легко и быстро нашел несколько подвохов в этой ситуации, а у нее будто бы не хватало фантазии на большие предположения.

Узнав о Вотрове, Екатерина и Мария Еленовна тоже пришли к таким выводам за пару минут? Если так, то Марта — полнейшее недоразумение в царской семье.

— Не кори себя, — заботливым тоном произнес рикриэнец. — Тебе надо научиться ставить себя на место игрока. На место кукловода. Все противники для Ариантреи — фигурки на шахматной доске. Она делает ход, который имеет много вариаций. Первый путь развития — очевидный и обманный. Второй — ложная догадка, которая лежит под обманкой. Добравшись до нее, можно подумать, что это истинное предназначение хода. Однако всегда надо смотреть по сторонам и в глубину, чтобы найти главный — третий путь.

— Свет Небесный, ты в самом деле думаешь, что можешь предугадать действия богини Тьмы, проецируя все на шахматы? — скептически приподняла бровь Анна.

— Вся наша жизнь — шахматы, — заметил Ромарио, хмыкнув.

— Почему ты так уверен, что самый очевидный вывод — не главный? — Адриан не разделял его уверенности. — Ведь предугадав, что противник предположит, будто тот вариант развития событий всего лишь обманка, и выяснив другой, Ариантрея использует специально самый очевидный и выигрывает.

— Конечно, именно так она и сделает, если ее план разгадают, — уверенно кивнул Ромарио, окончательно запутав друзей. — Я бы так и поступил. Поэтому, когда причина захвата Вотрова будет выяснена, надо сделать вид, что известен лишь второй вариант. Решение третьего варианта, то есть главного, необходимо сделать незаметным и стремительным, чтобы на корню пресечь задумку Ариантреи. Но также предпринять меры, чтобы обезопасить себя от первого варианта, если она попытается обратить всех против себя самих. Так играют в шахматы.

Марта припомнила все роковые битвы, случившиеся в мире. Лукаревская Пляска была одной из них. Двадцать два года назад в восточных землях Стриборга, которые отделяли от владений Ариантреи лишь воды Вздорного океана, произошло внезапное вторжение вражеских сил. Все указывало на то, что сотни военных кораблей под черными флагами с изображенной на них красной розой движутся в северный Неропас, однако в последний момент они поменяли траекторию. Стриборг не успел подготовиться к нападению, поэтому последующие

пять лет шли ожесточенные бои за Баскакские земли — самый большой регион в Стриборге. В конечном итоге стриборгчанам удалось одолеть Ариантрею, но лишь когда пришла подмога от других государств и с большими потерями.

Анна и Адриан предались рассуждениям о безграничном арсенале Ариантреи. Марта едва улавливала суть разговора, сдерживая себя, чтобы не закатить глаза. Ромарио тихо рассмеялся, разглядев реакцию цесаревны и разделяя ее мнение. Они молча уставились друг на друга со смесью невероятной тоски. Нужно было что-то сказать, но ничего не приходило на ум.

– Сегодня мне приснился кошмар, — произнесла Марта себе под нос.

Слова были такими тихими, что их услышал только Ромарио, не принимавший участие в оживленной беседе друзей. Он не отводил от цесаревны внимательных печальных глаз, словно старался навсегда запомнить ее такой, сидящей рядом на бревне.

– Что напугало тебя? — спросил он слегка охрипшим голосом.

– Я бежала по двору резиденции от преследователей, которые хотели меня убить. Никого вокруг не было. Только тишина. Я пыталась позвать на помощь, но горло было перерезано. Рана не заживала из-за браслетов на запястьях из Удерживающей стали. — Наследница поежилась. — Потом один из них настиг меня... Кажется, в ногу попал кинжал, и я упала. Приготовилась к смерти, как вдруг кто-то пустил в него молнию. Все преследователи исчезли, словно растворились в воздухе. Я подумала, что спасена, однако, когда повернула голову к своему спасителю, то увидела женский силуэт. Она направила на меня свою руку и... после этого я проснулась.

Мурашки пробежали по коже. Марта поморщилась от внезапного дискомфорта. Вспоминая сновидение, она будто снова вернулась в него.

– Это был просто сон, — успокаивающе напомнил Ромарио и потянулся к ней ладонью. Она бросила взгляд на его движение и сдержала разочарованный вздох, когда рикриэнец подкинул ветку в костер.

Ей захотелось, чтобы он коснулся ее руки или плеча, затем привлек к себе и позволил вдохнуть свой запах. Марта бы возвращалась к этому счастливому воспоминанию всю оставшуюся жизнь, особенно перед сном, чтобы раствориться в умиротворяющем бергамоте и кедре. Тогда бы ей больше не снились кошмары.

– Он был таким реальным... Сложно объяснить. Но сам сон не так важен, как пробуждение. Когда я проснулась, из моих глаз бежала кровь.

Хоть Марта и сказала это вполголоса, Анна в ту же секунду прервала увлекательный диалог и посмотрела на цесаревну. Ромарио выглядел встревоженным, а Адриан, осознав, что произошло что-то нехорошее, сделал усилие, чтобы прочесть что-нибудь на взволнованных лицах друзей.

– Повтори, — потребовала красноволосая.

Марта неохотно выполнила просьбу. Она чувствовала небольшое огорчение от того, что Адриан и Анна прервали их с Ромарио общение. За все время, проведенное вместе, им редко выпадал шанс поговорить с глазу на глаз. Сердцу так не хватало этих разговоров наедине.

– Странно, — Рудова скрестила руки на груди. — Очень странно. Ты говорила кому-нибудь?

Марта отрицательно покачала головой.

Ромарио нервно стучал пальцами по колену. Марта следила за его напряженными движениями, ощущая необычное сочетание удовлетворения и встревоженности от вида того, как рикриэнец беспокоится о ней.

«Почему мне это нравится?»

– Марта, тебе стоит обсудить это с княгиней Марией или кем-то еще, — произнес Адриан, почесав затылок. — Я ничего не знаю о вашей силе, однако даже я понимаю, что нельзя такое оставлять в секрете. Вдруг твоя Метка перестала работать?

Анна усмехнулась подобной чепухе. Но через пару секунд уверенность пропала с ее лица: предположение неропасца оставило мрачный след. Марта понимала, почему — они не знали наверняка, возможно что-то подобное или нет.

— Я поговорю с мастером, — пообещала цесаревна.

Рудову тоже посетила идея обратиться с терзающими ее сомнениями к матери. Анна нахмурилась и некоторое время сидела молча: на лице ее отражались мучительные размышления. Ромарио, Адриан и Марта переглядывались между собой, смятенные хмурым настроением красноволосой.

— На самом деле со мной сегодня тоже произошло нечто странное, — призналась неропаска и поделилась ощущением, которое настигло ее после Публичного суда. — Я такого раньше никогда не чувствовала. Случайное стечение обстоятельств, что это произошло с нами почти в одно время?

Марте не понравилось, как все совпадало. От количества неприятных случайностей бросало в дрожь. Она не верила в реальность своего кошмара, потому что вещих снов не бывает. Насколько ей было известно, Метка Бессмертия никак не могла быть связана со сном. Скорей всего, воображение нарисовало неприятную картину в голове, но кровь... Марта полагала, что кровотечение не могло быть вызвано кошмаром. Потому что иной вариант нелогичен и абсурден. Метка Бессмертия и магия ветра так не работают.

— Иногда у людей от стрессов случаются кошмары и внезапные приступы тревоги, — вспомнил Ромарио. — Если очень тревожная ситуация, которая вводит весь организм в состояние шока и опасности, то капилляры в глазах могут лопнуть. Ты могла сильно испугаться во сне, и от перенапряжения произошло то, что произошло.

— Мы не смертные, — напомнила Анна. — У нас не бывает человеческих болезней.

— Это не болезнь, — хмыкнул синеглазый. — Стресс — это, скорее, усталость от постоянного напряжения. Бессмертные ведь тоже устают?

— Устают, но усталость бывает разная, — Марта опередила Рудову. — Физическая почти невозможна, если мы говорим не про сражение. Во время боя запас сил ограничен — Метка Бессмертия может исчерпать себя, и тогда ты потеряешь сознание. Душевная усталость постепенно накапливается и никуда не уходит. Я слышала, что богини могут абстрагироваться от такого вида усталости, но тогда они лишают себя человеческих чувств и могут поддаться своей Сути.

— Верно, — кивнула Анна. — Если я лишу себя той человеческой частички, что во мне есть, то потеряюсь... Человечность для нас — как якорь, связующая ниточка с этим миром. Погрузившись во Тьму, мы перестаем быть похожими на вас, — Рудова приуныла. — Всегда надеюсь, что со мной это произойдет не скоро.

Урагановой оставалось только догадываться, каково бремя подруги. Анна знала, что момент порабощения Тьмою когда-нибудь настанет, и тогда неизвестно, что произойдет дальше. Цесаревне и так тяжело давался контроль над эмоциями, иногда она была в шаге от того, чтобы не сорваться, а тут прыжок в пропасть — и твоего сознания нет. Отдаешься одному единственному Чувству без остатка, становясь его ножнами и заложницей одновременно.

Однажды Марта стала свидетелем, когда Темная богиня Обиды использовала свою Тьму во время допроса преступника-человека — черная беспроглядная материя, напоминающая светящееся облако, проникла в его тело и за несколько минут свела с ума. Сначала, преступник, одолеваемый этим Чувством, рыдал и кричал, обвиняя убитых им сослуживцев в угнетении, затем сознался, что зарезал их, желая отомстить. Та богиня перестаралась, задействовав слишком большое количество Тьмы. Человеку нужно немного, чтобы обезуметь. Если же вовсе погрузить его во Тьму, то человеческая душа не выдержит инородного присутствия и рассыплется, превратившись в скопление магических частиц. Прделай же такое с другим богом, и он останется в этом омуте навеки. Если не отыщет в себе силы сопротивляться.

Внезапно Анна вскочила на ноги и оглянулась.

– Кто-то приближается, — оповестила подруга. Марта напрягла слух, и до нее тоже донеслись звуки людей, пробирающихся сквозь лесную чащу. — Четверо человек. Слышу звон доспехов.

Все поднялись со своих мест под громкие ругательства Адриана.

– Княгиня Сворова изъявила желание привести тебя, — предположил Ромарио, и Марта была абсолютно уверена в его правоте.

Теперь она тоже могла разобрать по звукам, что идет четверо солдат. Адриан положил руку на рукоять меча, Анна приготовилась воззвать к водной стихии. Ромарио единственный не подавал признаков тревоги, но цесаревна видела по его глазам, что он взбудоражен.

Марта не на шутку занервничала. Она пришла сюда с твердой убежденностью, что визит останется незамеченным для посторонних. Да, Мария была бы осведомлена, но Ураганова не рассчитывала, что ее застанут прямо здесь — одетую в серые одежды подданных, отдыхающую с иностранцами, не имеющими титула, среди которых присутствовали юноши. Цесаревна ощутила бесконечную неловкость и мечтала провалиться сквозь землю, лишь бы избежать встречи с прибывающими.

«Завтра вся резиденция будет судачить о моем распутстве... — ужаснулась Марта, испуганно вонзившись глазами в узкий проход меж скал. — Какой позор...»

Позор царской семьи и всего Стриборга.

Фраза из кошмара туманным эхом всплыла в голове. Это внезапное воспоминание настолько испугало Ураганову, что ритмы сердца сбились, а дыхание замерло на пару секунд. Громкие шаги людей в доспехах отзывались во всем теле светловолосой. Она пару раз глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки и отречься от одолевающих чувств.

Марта не могла проявить слабость, даже если ее застали врасплох.

Наконец, они показались, и лицо Урагановой тотчас преобразилось, натянув поверх кожи маску равнодушия. Пред ними предстали три женщины и один мужчина, одетые в мироградские доспехи с отличительными стриборгскими элементами, указывающими на природу их магии. Марта знала светловолосую женщину с карими глазами, вышедшую вперед — Ледянова Евгения Дарьевна, командующая стриборгской армией на территории Мирограда. Преданная слуга княгини Марии.

– Марта Александровна, — обратилась женщина к Марте, пока остальные стражники с удивлением рассматривали компанию наследницы трона. — Нам велено доставить вас во дворец немедленно, а удерживающих вас заговорщиков арестовать и посадить в темницу.

Марта была готова напомнить Евгении правила приветствия членов царской семьи и сделать выговор за оскорбление, но услышав несправедливое обвинение в адрес друзей, застыла на месте, переваривая слова командующей.

– Что? — удивился Адриан. — Удерживающие заговорщики? — Он уставился на нахмурившуюся Марту. — Мы никого не держим!

«Как удобно, тетушка, — подумала Марта. — Обвинить их в похищении — единственный законный и возможный способ приговорить к смерти».

– В темнице сидят преступники, а здесь таковых нет, — отчеканила цесаревна ровным, лишенным эмоций, но не твердости, голосом. — Я здесь по собственной воле и вернусь тогда, когда мне будет угодно.

– Это будет решено на судебном следствии, а до тех пор им запрещено покидать тюрьму, — Евгения подала знак, и стражники направились к друзьям Урагановой.

Марта отреагировала незамедлительно. Она создала воздушную стену и отшвырнула стражников на несколько аршинов, сбив с ног. Призвав ветер, наследница извлекла клинок из ножен у одной из сбитых военных с помощью воздушного хлыста. За те три шага, что потребовалось сделать Марте, чтобы настигнуть командующую, клинок поверженной стражницы уже

оказался у нее в руке. Она приставила острие к шее не двигающейся больше Евгении, готовая защитить друзей в любой момент.

– Повторяю, — ослепила грозным взглядом Марта, сохраняя по-смертельному ледяной тон в словах. — Я вернусь тогда, когда мне будет угодно. — Цесаревна заметила, что стражники впереди них уже поднялись и готовы атаковать. — Отзовите своих людей, Евгения Дарьевна, и уходите. Это приказ.

– У меня уже есть приказ, и я его озвучила, — карие глаза насмехались, что только разжигало негодование. — Лучше не сопротивляйтесь, Ваше Царское Высочество.

Марта не позволила этой наглой женщине вывести её из себя, тем более, в присутствии солдат. Евгения вела себя возмутительно грубо, проявляя неуважение к цесаревне. Мало того, что она не следовала этикету, так еще и игнорировала приказ. За такую вольность любого бессмертного ждало наказание.

Захотелось показать, где её место, защитить свою честь, напомнить, кому Ледянова действительно должна подчиняться. Но что бы сейчас ни сказала Марта, лишь выставила бы себя обыкновенной избалованной девчонкой в глазах стражников. Дуэль — тоже не выход. Евгения обладала второй ступенью. Ураганова бы проиграла, очернив себя еще больше и навсегда утратив уважение к своим магическим талантам.

Позади Марты раздался звон Мертвой стали — Анна вытащила меч, готовая защищаться. Или идти в атаку. Ураганова знала огненный пыл подруги и силу, хранящуюся в ее теле. Однако Рудова была слишком молода и неопытна, чтобы иметь хоть шанс на победу с Евгенией. Тем более, если бы исход битвы вышел в их пользу, то всех ее друзей ждал бы настоящий приговор.

– Убери, — скомандовал Ромарио подруге. — Она ведь только этого и добивается, — затем он обратился к командующей. — На каких основаниях вы нас задерживаете, милейшая? Что-то я не припомню ни одного пункта в Конституции Мирограда, где упоминается, что нельзя вступать в контакт с наследницей трона того или иного государства. — Он подошел ближе. Его голос совсем не выдавал страха, наоборот, был полон решительности. Марте даже подумалось, что Ромарио не боится уготованной ему участи. — Получается, мы не нарушили ни одного закона Мирограда, — продолжал темноволосый тем временем. — Но, схватив нас, вы нарушите наши права, ведь мы не подданные Стриборга. Сомневаюсь, что вы запаслись согласием Рикриэнии или Неропаса на взятие нас под стражу, — с напускной грустью покачал Ромарио головой. Евгения сжала челюсти. — Ваша Цесаревна говорит вам, что мы ее никоим образом не удерживали, присутствие здесь — это полностью ее желание. В свою очередь вы, сударыня, оскорбляете Ее Царское Высочество, не выполняя прямого приказа второго по власти человека в вашей стране. Будет ли довольна таким своеволием царица Александра Василисовна? Скорее, наоборот, она будет в бешенстве, особенно когда узнает, что вы без оснований заключили под стражу дочь княгини Рудовой. Хотя, зная любовь Гертруды Юльевны к дочери, следует предположить, что она сама расквитается с вами сполна, едва представится возможность. Разумно ли доводить нашу встречу до проблем такого масштаба?

Марта поразила его уверенности. Почему он выглядит так, будто полностью владеет ситуацией, говорит так, что к его внушительным словам хотелось прислушаться, а она — наследница трона, человек, который действительно обладает властью, — не может владеть собой так, как это делал юноша?

Нет, так дело не пойдет. Ромарио прав — Марта второй по важности человек в Стриборге. Пускай они и не находились на своей земле, ее слово имеет значения.

– Благодарю, сеньор Ромарио, за дельное напоминание. Евгения Дарьевна иногда забывает о законах, когда дело касается гордости. — Она говорила так же размеренно, как тогда, когда выносила приговор на Публичном суде. Марта отняла меч от шеи командующей и с силой прижала рукоять к её стальному нагруднику. Ледянова пошатнулась. — Мария Еленовна

не подумала, что ставит вас в неловкое положение в глазах подчиненных. Не беспокойтесь, я избавлю вас от необходимости принимать капитуляцию. — Цесаревна направила небесный взор на солдат. Затем, перейдя на стриборгский, тихо обозначила: — *Ваши люди сложат оружие, вы извинитесь за свое вопиющее поведение. Мои приятели останутся здесь, а я добровольно пойду с вами. Если же вы решите поднять на них руку, то я расценю это как неповиновение венецносному Дому Урагановых.* — Они схлестнулись взглядами с Ледяновой, точно заточенными клинками. — *Никто не защитит вас от наказания за измену.*

Неодобрение читалось в каждой морщинке на лбу Евгении, взор женщины полыхал раскаленным огнем. Ледянова осуждала и презирала Марту. Не только за ночную вылазку. Командующая всегда благоволила Екатерине, тренировала ее в свободное время, хотя не была наставницей царевны, и выделяла на фоне наследницы трона, постоянно осаждая цесаревну. Евгения представлялась Марте преданной собачонкой княгини Своровой — неспроста именно гончая величала герб Дома Ледяновых.

– Прошу прощения, Ваше Царское Высочество, — наконец сказала командующая сквозь сжатые зубы, склонив голову в знак извинений. — Вашим спутникам более ничего не угрожает.

Марта продолжала ожидать от нее внезапного удара, параллельно выстраивая в голове стратегию обороны. Евгении ничего не стоило взмахнуть рукой прямо сейчас и лишить возлюбленного головы, поэтому цесаревна уже выпустила мелкие и едва заметные вихри в сторону друзей, чтобы отразить любую атаку заблаговременно. Несмотря на опасения, Ураганова уповала на благоразумие командующей. В противном случае Поцелованная Ветром в долгу не останется.

Евгения мотнула головой, подавая знак военным сложить оружие. Солдаты подчинились, порядком довольные решением Ледяновой не вступать в схватку с наследницей трона. Марта облегченно выдохнула, но оставалась настороже.

– Рада, что мы сошлись во мнении, — осторожно проговорила цесаревна, делая шаг назад и поворачиваясь к военным.

Она вернула одолженный клинок одним броском, окинув каждого солдата испепеляющим взглядом. Затем в последний раз оглянулась, встретившись с улыбками друзей. Ураганова изо всех сил сдерживала печаль, которая норовила вот-вот вырваться наружу, чтобы не доставить Евгении удовольствия наблюдать за ее эмоциями. Марта пообещала себе, что они непременно встретятся вновь. Пускай пройдет много лет, но однажды цесаревна и ее друзья соберутся вместе здесь, в их тайном месте, и будут рассказывать друг другу истории из жизни, как ни в чем не бывало.

Она поймала на себе отчаянный взгляд Ромарио, и тихой мыслью, чтобы никто не слышал, призналась ему в любви. Он признался в ответ — Марта почувствовала, как синие воды его глаз сообщили ей об этом. Повернувшись к друзьям спиной, цесаревна Стриборга покинула ущелье. Стражники и Ледянова последовали за ней.

Глава 5 Бакари

92 день лета

Бакари Асад едва справлялся с нетерпением, когда их корабль наконец-то причалил к берегам Мирограда. В проклятом беспокойном море они пробыли почти неделю, и он до конца жизни надыхался морским воздухом, который последние два дня вызывал тошноту. Он стоял на палубе, хмуро наблюдая за раскинувшейся на берегу резиденцией Рамерита, которая сверкала в ночной мгле тысячью огней. Матросы суетились, готовясь к высадке, чем изрядно нервировали воина.

Асад провел ладонью по лысине, стирая влагу со своей кожи цвета самых насыщенных кофейных зерен. Взгляд его светло-зеленых глаз внушал матросам тревогу, впрочем, как и мускулистое тело, и уродливый шрам, рассекающий правый глаз. Бакари ценил каждый свой шрам, коих у него было предостаточно. По ним он мог вспомнить все свои битвы, принесшие победы и поражения, вновь почувствовать мучительные ранения и напомнить себе, ради чего они ведут эту борьбу. Ради освобождения.

– Рвешься на сушу? — раздался надменный женский голос.

Азенет Исмет подошла и проследила за его мрачным взглядом. Она была в такой же, как у него, красно-оранжевой военной форме с защитными доспехами. Кудрявые черные волосы были заплетены во множество мелких косичек, а шоколадная кожа поблескивала в лунном свете. В карих глазах женщины всегда горел неприятный азарт, поэтому Бакари лишней раз не глядел в сторону богини.

Она была воплощением Чувства, которое Асад презирал в людях больше всего: Темной богиней Хитрости. Ему не нравились её методы, шедшие вразрез с его мировоззрением, не нравилась ее Суть. Когда-то эта женщина служила Ариантее, однако много лет назад отрекалась от богини Тьмы и присягнула Нефертари. Своей хаотичностью она вызывала у Бакари недоверие, однако он ничего не говорил, наблюдая, готовый к предательству в любой момент. Жизнь научила его всегда быть настороже.

Несмотря на свою врожденную подозрительность, Бакари приходилось верить ей, потому что они были двумя неотъемлемыми щитами своей фараонессы. Вряд ли он когда-нибудь сможет полностью довериться этой мерзкой женщине, но приходилось делать вид.

Бакари поморщился, отгоняя противные мысли, мешающие сосредоточиться. Он и Азанет были единственными советниками, которых фараонесса Нефертари распорядилась взять с собой на Совет Пяти Стихий, помимо сопровождающих ее меджаев. Фараонесса Рамерита не жаловала масштабных процессий, поэтому до порта на севере Рамерита они добирались верхом, а там сразу сели на морское судно. Бакари, закаленному в сотнях боях воину, было стыдно признаваться в таком даже себе, но он хотел как можно скорее ощутить мягкость кровати.

– Все такой же угрюмый, Луч, — усмехнулась Азанет, потрепав его по широким плечам. — Я позабочусь о тебе сегодня ночью и пошлю девушку. Мне, как твоему самому близкому другу, горестно наблюдать за твоим воздержанием от интимных ласк.

Она веселилась, находя усладу в созерцании его хмурых густых бровей. Бакари никак не отреагировал на провокацию. Асад бы не отказался от сладострастного времяпровождения, но ни за что на свете не примет таких подарков от Азанет. Уж лучше смерть.

– Не хочешь? — наигранно округлила она брови. — Я подумала подбодрить тебя после того неудачного раза...

Бакари уже было хотел высказать все, что хранил в себе по отношению к этой омерзительной богине, но его прервал сигнал моряков о том, что можно ставить трап. Избавившись от надоевшей компании улыбающейся Азанет, воин дошел до каюты Нефертари и сообщил о прибытии.

Дверь открылась, выпуская правительницу Рамерита на палубу. Бакари поклонился Ее Высокопреосвященству. Фараонесса Нефертари посмотрела на него задумчивым взглядом черных глаз. После долгой поездки на корабле ее угольные волосы до плеч взлохматились. На пухлых губах не виднелось улыбки радости, а на смуглом лице, на пару тонов светлее кожи Бакари, не проглядывало никаких эмоций. Впрочем, безэмоциональность Нефертари была неотъемлемой частью Темной богини Равнодушия.

Фараонесса была одета в рамеритскую военную форму из драконьей кожи, которая ничем не отличалась от одежды Асада. Нефертари направилась вперед, а Бакари тенью последовал за ней. Она была той государыней, которой хотелось служить. Нефертари не была опьянена роскошью и богатством. Её главным приоритетом всегда являлось благо государства и его жителей. Придя к власти, фараонесса изменила Рамерит до неузнаваемости, создав из полуразрушенной страны сильнейшую державу. Сделала то, чего добивались все из древнего знатного рода Асад.

Когда фараонесса и Бакари дошли до трапа, к ним примкнула Азанет. В присутствии богини игривость женщины пропадала, уступая место суровости. Большинство рамеритцев боялись прозорливую и хитрую советницу, за которой тянулась дурная слава. Она была известна чрезмерной жестокостью. Рамеритцы нарекли ее Коброй.

Нефертари ступила на трап. Увидев ее, подданные тотчас опустились на одно колено и хором поприветствовали Ее Высокопреосвященство. На берегу, облаченный в дорожные льняные одежды, стоял брат Нефертари и, по совместительству, номарх Мирополя — Реймсс Атонеру. Его бронзовое лицо обрамляли вьющиеся черные волосы до плеч. Яркое синее пламя глаз полыхало во мраке ночи. Голубые глаза были огромной редкостью среди рамеритцев. Подле него стояла, улыбаясь, жена, Танафрити, с десятилетним сыном Латифом, унаследовавшим безупречную красоту матери — медовые глаза и кудрявые пышные волосы, которые сейчас украшали блестящие кольца.

Семья Атонеру повторила за остальными подданными уважительное приветствие. Стоило Нефертари приблизиться к родственнику по отцу, Реймсс и его семья поднялись.

— Здравствуй, брат, — проговорила Нефертари, положив худую ладонь на широкое плечо Реймсса. Затем перевела взгляд на его жену и сына. — Приветствую вас.

— Ваше Высокопреосвященство, — поклонился Реймсс. — Для нас большая честь встречать вас и вашу свиту в Мирополе. Госпожа Азанет, — номарх пожал руку советнице, затем с улыбкой протянул ладонь старому другу. — Господин Бакари.

Бакари с большим воодушевлением пожал ответил на рукопожатие, похлопав доброго друга по плечу. Их сроднили общие невзгоды и старания на благо государства, которые с годами превратились в нерушимые узы дружбы. Если кому-то Асад и мог доверить свою жизнь, то только Реймссу.

Фараонессе Нефертари подготовили белую кобылу, а Бакари и Азанет достались два жеребца с черной блестящей шерстью. Реймсс запрыгнул на свою коричневую лошадь сразу после того, как правительница Рамерита устроилась в седле. Они неспешно направилась к резиденции, переговариваясь о предстоящих делах. Жена и сын Реймсса сели в позолоченную колесницу, следуя за ними. Бакари вместе с Азанет и меджаями фараонессы замыкали процессию.

По мере приближения к резиденции до Бакари все явственнее долетал шум оживленного города. Он поморщился при мысли, что ему придется терпеть эти звуки больше недели. На поле боя было громче и ужасней, но засыпать под хор радостных людских голосов выглядело менее заманчивой перспективой. Толпы тяготили Бакари: он всегда предпочитал уединение.

Оказавшись за гранитными стенами величественной резиденции, Бакари с облегчением ощутил приятную прохладу. Цветастый каменный зал освещался сотнями огней, которые сказочно отражались в прямоугольном фонтане по центру. Большое внимание привлекали тра-

диционные настенные фрески, которые изображали знаковые события из истории Рамерита. Вдоль величественных колонн стояли стражники, одетые в мироградскую форму, и низко кланялись, как только фараонесса появлялась в их поле зрения.

– В Стриборге на днях возникло непредвиденное обстоятельство, — сообщил Реймсс, стоило им достигнуть широкой каменной лестницы в конце зала. — Воины Ариантреи захватили Вотров.

Бакари переглянулся с Азанет, напрягшись от услышанной новости. Взятие столицы Вотровского княжества не несло ничего хорошего как для Стриборга, так и для остальных государств. Если следующим шагом Ариантреи будет Мироград, то в случае успеха богини Тьмы под ударом окажется север Рамерита. Послать войско для укрепления северных границ в ближайшее время они не смогут — сейчас на юге ведутся военные действия, куда Нефертари, по настоянию Бакари, бросила все силы.

– Каков ответ Стриборга? — спросила Нефертари, когда они зашли в столовую.

Широкий обеденный зал был выдержан в том же изысканном стиле, что и остальная резиденция, здесь только не было исторических фресок. Вместо них красовались разноцветные мозаики с изображением различных животных Рамерита, в основном, фениксов, которые наиболее почитались в стране.

– Мария Еленовна не решается действовать без одобрения Ее Царского Величества. Царица приезжает утром, к обеду станет ясно. — Реймсс прокашлялся. — По моим сведениям, сегодня прибыли спасшиеся советники княгини Волховой, исполняющие роль послов в данных обстоятельствах. Их приняла Мария и Ее Высочество Екатерина Александровна. Ситуация в Вотрове неизвестна, но, полагаю, в скором времени Мария поделится подробностями.

Фараонесса села на свое место во главе стола, усеянного аппетитными яствами, хмуро глядя перед собой. Остальные последовали за ней. Брат разместился справа, рядом с ним устроились члены его семьи. Азанет заняла ближайшее место слева от правительницы, а Бакари расположился возле советницы.

– Сколько времени прошло? — поинтересовалась Нефертари

– Четыре дня.

Паршивая ситуация. В таких случаях медлить нельзя — все это понимали. Наверняка войска богини Тьмы уже захватили большую часть Вотровского княжества.

– Осада Мирограда в настоящее время невыгодна, — заметила Азанет, нарушая тишину. — Пока все монархини и сильнейшие маги тут — никто не пойдет в атаку. Возможно, целью является продвижение к Царицеграду — удобно взять столицу Стриборга, пока царица отсутствует.

– Если так, то лучший способ взять Царицеград — это атаковать с востока Стриборга, где проходит граница между страной Ветра и Владениями Ариантреи, — напомнил Реймсс. — Гадать бесполезно. Единственное, что нам остается — ждать вестей от княгини Своровой.

– Как бы там ни было, Рамерит обеспечит Стриборгу абсолютную поддержку, — заключила Нефертари, принимаясь за еду. — Нельзя допустить завоевание страны Ветра.

Бакари разделял опасения фараонессы, но понимал, что помощь, которую Рамерит может оказать стране магов ветра, малозначительна. Дело даже не в необходимости не ослаблять юг своей страны, а во времени. Добираться до Вотрова из тех территорий Рамерита — больше трех недель пути. За три недели может произойти катастрофа. У Бакари было плохое предчувствие. Общее положение дел складывалось как нельзя хуже. Войско Ариантреи, точно смертоносная зараза, обосновалось в Вотрове, угрожая поработить все государство и осадить Мироград.

– Если Вотров захватили Темные боги или Тени Ариантреи, то потребуются Светлые для противостояния. В Стриборге трое таких, и лишь одна из них в Мирограде, — произнес задумчиво Реймсс. — Мы можем предложить пару Светлых богов?

Если душа Темных божеств была создана из вселенской Тьмы, то души Светлых из равной противоположности — Света. Таких богов было значительно меньше, чем Темных, потому что Ариантрея активно истребляла их. Бакари был одним из Светлых, тех, кто мог противостоять Теням Ариантреи — неприкасаемым существам, поглощающим бессмертные души. Люди с Метками Бессмертия и Темные не могли сопротивляться Теням, потому что они были созданы из самой Тьмы.

Светлой богиней Стриборга была командующая Евгения Ледянова. У Бакари эта строгая женщина вызывала симпатию своей всегдашней непоколебимостью. Богиня участвовала во многих битвах и даже билась бок о бок с Бакари во времена Лукаревской Пляски.

Не дав Асаду ответить, его опередила Азанет.

– Только ли одна? — плохо скрывая ехидство, произнесла советница. — Или Гертруда Рудова внезапно лишилась божественности?

Реймсс нахмурился, окинув Азанет недовольным взглядом. Его жена, не растерявшая с годами ребяческого очарования, мгновенно изменилась в лице, превратившись в рассерженную пантеру, готовую воткнуть когти в шею советницы.

На разговоры о красноволосой богине был наложен запрет в семье Атонеру. Для Танафрити эта женщина всегда была лишь головной болью. Бакари она тоже не внушала приязни: в юном возрасте княгиня Рудова изрядно потрепала всем нервы.

– Участие Гертруды не обсуждается, — Нефертари оставалась невозмутимой. — Мы не можем рисковать, приглашая ее. Не исключено, что вовлечение Геры в освобождение Вотрова — главная цель Ариантреи.

Бакари кивнул в подтверждении слов фараонессы. В современном мире больше не было богини, имеющей одновременно Темную и Светлую душу. Ко всему прочему женщина обладала необычной Меткой Бессмертия, из-за чего стала для Ариантреи желанной добычей. В прошлом богиня Тьмы не раз пыталась переманить Гертруду на свою сторону. Бакари до сих пор сомневался в абсолютном безучастии княгини Рудовой.

– Если в Вотрове Нихтенд, то, я уверен, дела обстоят именно так, — взгляд Реймсса стал мягче, чего нельзя было сказать о выражении лица его жены. — Здесь мы можем помешать Князю Тьмы, но в Вотрове — нет.

Бакари никогда не сталкивался с сыном богини Тьмы. Нихтенд редко участвовал в битвах, чаще выполняя поручения своей матери. Азанет упоминала однажды, что Темный бог предпочитает оставаться в своей цитадели, поэтому увидеть Нихтенда — исключительная редкость. Несмотря на это, Реймсс и Нефертари встречали его, и не раз.

– Уже семнадцать лет Ариантрея не совершала попыток схватить Гертруду, — вслух подумала Азанет. — С тех пор, как родилась ее дочь. Совпадение?

Реймсс воззрился на Иссмет, явно негодуя от выбора неприятной темы. Бакари присоединился к хлесткому взору Реймсса, мысленно окатив советницу парочкой ругательств. Краем глаза Асад заметил померкшее лицо Танафрити. Упоминание Гертруды в их доме еще терпимо, но Анны — перебор. Сколько трудов у номарха ушло на то, чтобы вернуть в семью покой после масштабного скандала, связанного с отцовством.

– Я думала над этим, — кивнула Нефертари, совершенно не обращая внимания на накалившуюся обстановку. — Ее рождение могло быть спланировано. На данный момент девочка считается Темной богиней с Абсолютной Меткой Бессмертия, что представляет большую угрозу. Охота за Герой началась, когда той исполнилось двадцать три. Однако, если Тьма завладеет девчонкой в скором времени, Ариантрея не упустит шанса воспользоваться этим.

– Вы несомненно правы, Ваше Высокопреосвященство, — согласилась Азанет. — Но я не могу понять, по каким причинам охота прекратилась? Гертруда не перестала быть желанным трофеем. Значит ли это, что на самом деле именно девчонка — изначальная цель?

Бакари мгновенно изменился в лице, как и все остальные. Действительно, они настолько привыкли к значимости и исключительности Гертруды, что не обращали внимания на ее подрастающее продолжение. Ариантрее гораздо легче взять под контроль Темную богиню, нежели такую, как Рудова-старшая. Темная душа не способна противостоять богине Тьмы, в то время как Светлая вполне может сопротивляться.

Небольшой толчок, и девчонка окажется в объятиях величайшего зла, откуда почти нет спасения.

– Звучит слишком масштабно, — пробормотал Реймсс, нарушая затянувшееся молчание. — Мы ни на день не сомневались, что рождение Геры было спланировано Ариантреей, но чтобы еще и Анны...

– Анна, — перебила Азанет, вскинув палец вверх. — Точно, именно так ее и зовут! Я успела позабыть это неприметное имя.

– Да, — тяжело вздохнул номарх, косясь на поджавшую губы Танафрити. — Хочу сказать, что планы богини Тьмы всегда были долгоиграющими, но это — немыслимо.

Бакари разделял мнение Реймсса. Рождения Анны не ожидал никто. Честно говоря, беременность Гертруды все восприняли как новую проблему, и похлеще нее самой. Жизнь и так была не безмятежной, а внезапные ошибки, как эта, добавляли трудностей.

– Не забывай, брат, что Ариантрея умеет пользоваться случайностями и поворачивать их в свою сторону, — произнесла фараонесса. — За Анной ведется наблюдение?

– Креон не спускает с нее глаз, как и Маргаритэ, — ответил номарх. — Если я поставлю своих людей, это будет слишком заметно. Гертруде... — неохотно произнес запретное имя Реймсс. — Гере такое внимание не понравится.

Азанет не сдержала многозначительной ухмылки. Бакари подавил недовольство, пообещав себе поговорить с Азанет наедине после трапезы. Им здесь еще тесниться больше недели, а она с первых минут накаляет обстановку. Больше всего Бакари раздражало, что богиня Хитрости прекрасно понимала, что говорит. Она знала силу каждого своего слова, играя при этом роль непонятливой гостьи. Советница пробовала глубину семейного конфликта на вкус, чтобы знать слабости сидящих напротив соратников.

Броню Бакари она тоже пыталась пробить ежедневно, однако пока сделать этого не удалось. И не удастся. Уж в этом Бакари был уверен.

– Как думаете, Ваше Высокопреосвященство, — вдруг обратилась к фараонессе Танафрити. — Сеньора Маргаритэ может скрывать что-нибудь от нас? Она была приближенной бога Нихтенда и перешла на нашу сторону как раз семнадцать лет назад. Все доверились ей, потому что она помогла Гертруде сбежать от Нихтенда, но...

– Тана, — резко прервал Реймсс предположения жены. — Не смей подозревать Маргаритэ, даже не допускай этой мысли. Смута нам ни к чему. Маргаритэ одна из немногих, кому можно полностью доверять среди всех наших союзников. Мы через многое прошли вместе — все мы.

– Поверьте своему мужу, госпожа Атонеру, — поддержала Нефертари. — Он знает, о чем говорит. Верность графини Маргаритэ неоспорима.

После этих слов Нефертари встала, подчеркивая, что ее слова не подлежат дальнейшим обсуждениям. Остальные поднялись вслед за ней. Танафрити выглядела разочарованной и взбудораженной. Фараонесса поспешила отправиться в свои покои. После ее ухода чета Атонеру и их сын ушли к себе, а Бакари долго буравил взглядом Азанет, вливающую в себя вино. Она явно ждала нравоучительной беседы, однако Бакари слишком хорошо знал эту особу, чтобы не попадаться на ее уловки. Вскоре он удалился из столовой, оставив довольную советницу наедине с вкуснейшими яствами.

Бакари намеревался исполнить свое желание и ощутить, наконец, мягкость кровати.

Глава 6 Анна

Стояла глубокая ночь, но Мироград явно не собирался засыпать. Весь город трясся от возбуждения в ожидании прибытия монархинь. Торговые ряды пребывали в затмевающем волнении, обсуждая предстоящие события. Разговоры на разных языках соединились в неразборчивый гул. Тут и там сновали хитрецы, предлагающие сделать ставки на Турнире или купить фальшивые приглашения на Бал Открытия. Повсюду играла музыка, многие танцевали, смеялись и пели национальные песни. Из постоянных дворов и таверн чувствовался дым и аромат приготовленной еды, который смешался с запахом тины, доносившейся с берега. Прохожие находили в себе наглости идти по проезжей дороге, чем вызывали негодование кучеров и всадников. На пешеходных улицах повсюду играла музыка, хохочущая детвора носилась по проулкам. Беззаботная атмосфера расслабила жителей и приезжих, отчего многие смеялись, пели во весь голос и даже пускались пляс, не думая об окружающих, услышав звуки национальных песен своих стран.

Особенно сильно такие настроения охватили рамеритцев. Южная часть Рядов, которая открывала путь на центральную дорогу, та, что ведет к резиденции Рамерита, вся трепетала. Приезжие рамеритцы, местные жители и даже выходцы из других стран безостановочно стягивались в сторону Торговых домов.

Анна и Адриан смешались с этими людьми, потому что это был прямой и самый быстрый путь к Оружейному дому мастерицы Калистии Армаро. Анна пребывала в ужасе лишь от мысли о том, сколько гостей города успели встать в очередь в Дом Оружия.

— Не надо было слушать того торговца и покидать Ряды, — бубнила девушка под нос. — Теперь тут не протолкнешься!

После ухода Марты и стриборгского отряда во главе с Евгенией Ледяновой друзья остались втроем. Ромарио окончательно погрузился в себя, не удосуживаясь отвечать на обращенные к нему вопросы. Анна простила ему такую невежливость, но слегка надулась.

Друзья просидели еще около часа, пока рикриэнец не решил уйти справляться со своей печалью в одиночестве. Анна и Адриан поспешили в Торговые дома, чтобы заглянуть в Оружейный дом Калистии Армаро. Только оружие могло поднять неропасцам настроение.

Чем дальше они двигались, тем больше людей становилось. Многие сыпали проклятьями, когда Анна протискивалась сквозь гущу людей. Адриан, следующий за ней по пятам, извинялся за резкость и грубость Рудовой. Некоторые, завидев красные волосы, отскакивали в сторону самостоятельно, насколько возможно было в этой давке. Однако большинство даже не глядели на девушку, пока Анна не делала резких движений локтями.

— Дальше мы не пройдем, — огорченно заметил Адриан.

Люди застилали каждый ярд дороги до самых ворот дворца, с будоражающим восторгом ожидая приезд любимой правительницы Нефертари. Анна могла поклясться, что только среди рамеритцев можно встретить такое стадо идиотов, наивно полагающих, будто фараонессе есть до них дело. Больше никто не выстраивался подле резиденций, чтобы увидеть царицу Александру или императрицу Пелагею. Да, зрители имелись и у других дворцов, но куда менее возбужденные.

Анна испытывала к народной любимице смутные чувства, которые нельзя было назвать добрыми. Дело было не в самой Нефертари, а в ее брате, благодаря равнодушию которого Анна смело ненавидела всю их семью. Реймсс Атонеру предал ее мать, отрекся от самой Анны, даже не назвав бастардом. С раннего детства она вынашивала в себе ядовитую спесь обиды, готовая в любую секунду выплеснуть накопившееся в лицо отцу. Рудова поклялась сделать все, чтобы он пожалел о своем поступке. Анна ждала день, когда увидит сожаление в глазах Реймсса и

услышит мольбы о прощении из его уст. Нет, она не хотела причинять боль. Красноволосая хотела, чтобы отец просто признал, что ошибся.

Мать часто говорила не заикливаться на этом человеке, однако Анна ничего не могла с собой поделать. Ей было обидно не только за себя, но и за Гертруду. Тринадцать лет назад весь Мирोगрад обвинил женщину во лжи, ведь она клеветала на самого Реймсса Атонеру — брата благородной Фараонессы Нефертари! Люди считали, что раз правительница Рамерита — добрейшая и справедливейшая женщина, какую видел их мир, то и брат такого же сорта. Глупцы.

Ромарио обыкновенно замечал, что люди видят правду такой, какой хотят ее видеть, даже если их взгляды лишь игра воображения. Они могли наделить человека теми качествами, которыми он не обладал, только потому, что по какой-то причине симпатизировали ему или ненавидели. Анна — живое тому доказательство. Только из-за того, что она Темная богиня, все видели в ней зло, а история матери лишь омрачала общий образ.

Анна выискивала взглядом дорогу, где можно было бы пройти к заветному месту. Она представила карту родного города, чтобы найти возможность обойти толпу. Такой путь был. Они могут сделать огромный крюк через Центральную Площадь и зайти в Дома с другой стороны. Нет уверенности, что та дорога окажется свободней, однако лучше попробовать, чем продолжать стоять на месте.

– Пойдем, — потянула за собой Адриана красноволосая, разворачиваясь и двигаясь в обратном направлении. — Зайдем с площади.

Неропасец, услышав приказ Рудовой, кивнул и последовал за подругой. В обратную сторону люди пропускали их с большей охотой, чем вперед. Покинув Торговые ряды, ребята еще немного прошли вдоль дороги до моста через реку Чреслу, прежде чем повернуть налево. По другую сторону реки располагались владения стриборгской знати и озеро Денница, а за ними — резиденция Стриборга. Где-то там находилась Марта.

– Думаешь, ее ругают? — предположил Адриан, проследив за печальным взглядом неропаски.

– Удивлюсь, если нет.

Анна переживала за подругу. За время их дружбы Марта стала для нее родным человеком. Возможно, если бы мать Рудовой не отказалась жить среди стриборгской знати, Анна могла бы видеться с цесаревной чаще. Они были ровесницами — только Рудова родилась в середине лета, а Марта в начале осени — и однозначно бы подружились, случайно встретив друг друга в саду резиденции или у берегов Денницы. Однако Гертруда Юльевна была нелюдимой и желала уединения. Мать не любила чрезмерное внимание и чуть ли не молила Анну тоже не привлекать его к себе.

– Рома совсем скис, — с грустью пробормотал Адриан.

Они двинулись к Центральной Площади.

– Мне до сих пор не верится, что она больше не придет в расселину, — пробормотала Анна. — Меня уже мучает тоска.

– Тебе, может, и повезет еще раз встретить ее, а вот мне точно нет. Мне титула не видать, как и быть приглашенным на царский бал.

– Жизнь долгая, — пожалала плечами Анна, а потом резко замолчала, когда поняла, что сказала.

Адриан — смертный человек. Его не станет раньше, чем она может себе представить. Люди в среднем живут до пятидесяти, пока их не забирает страшная болезнь. В лучшем случае Адриану отсрочено лет семьдесят. Он постареет, а она останется вечно молодой. Его лицо покроется морщинами, в то время как кожа Анны не изменится. Он превратится в хромого старика, что вовсе не грозит Рудовой.

– По твоим меркам жизнь очень долгая, — вслух заметил мечник, озвучивая неприятные думы Анны. — Жаль, что я не родился с Меткой Бессмертия. Моя жизнь коротка. Ты даже не заметишь, как я состарюсь и подохну.

– Тебе можно поставить Метку Бессмертия, — напомнила девушка, хмурясь и отгоняя мрачные мысли. — Если заслужишь или женишься на знатной особе.

– Кто выйдет за обычного сына кузницы? — усмехнулся Адриан, даже не надеясь получить Метку за заслуженную доблесть.

Анна скрестила руки на груди, вселяя в себя веру в лучшее, а вместе с собой — и в Адриана. Рудова не позволит плохому произойти. Она сделает все возможное, но не потеряет близкого друга.

– Я тебе кого-нибудь найду, — заявила девушка.

– Хорошо, — согласился Адриан с сомнением голоса.

Он всегда избегал ссор с неропаской. За всю жизнь они ни разу не поругались именно из-за уступчивости друга. Иногда Адриан раздражал красноволосую этим своим качеством.

– Я серьезно! — возмутилась Рудова его безразличию и неверию. Она ткнула друга кулаком в плечо, выражая недовольство. Как он может сомневаться в ее словах? — Если же нет, то ты всегда можешь жениться на мне.

– На тебе? — оторопел Адриан, остановившись перед проходом на площадь.

– Верно, — уверенно кивнула Анна, вскинув подбородок. — Я люблю Лукьяна, но если будет выбор сделать бессмертным тебя или стать женой Лукьяна, я лучше позволю прожить тебе вечную жизнь.

Анна повеселела от найденного решения. Все складывалось на удивление просто! Когда она получит титул, что непременно произойдет, то будет иметь полное право поставить своему мужу Метку Бессмертия, из какого бы сословия он не происходил.

– А как же сам Лукьян? — спросил Адриан удивленно. — Он ведь тоже смертный. Неужели из нас двоих ты выберешь меня?

Анна выругалась: из памяти совсем вылетело, что Лукьяна тоже надо сделать бессмертным. Почему она раньше не задумывалась над этой проблемой? Угораздило же ее связаться со смертными...

– Как только я стану вторым человеком по важности после Императрицы, то предложу поменять правила браков, — оповестила о своем внезапном плане синеглазая. — В Рикриэнии очень удобно придумали, что у одной женщины может быть сколько угодно мужей.

– Хочешь, чтобы я был твоим вторым мужем? — поразился юноша наглости подруги. — Если ты скажешь об этом Ромарио, тебе не избежать его бесконечного осуждения.

– Это будет нашим секретом, — рассмеялась Рудова, прекрасно зная, как неприятна рикриэнцу эта тема.

– Надеюсь, ты никогда не станешь вторым по важности человеком в нашей стране, — покачал головой Адриан и увернулся от подзатыльника Анны. — С такими правителями, как ты, Аня, Неропасу долго не продержаться.

Красноволосая приняла обиженный вид, но горящие смехом глаза сдавали названную княжну с потрохами. Подшучивая друг на другом, они вышли на Центральную Площадь, в центре которой располагались Главный дворец и Цитадель Равенства.

Выстроенный из бежевого мрамора, дворец имел форму креста. Здание украшали национальные фрески всех стран. Цитадель Равенства была параллелепипедной формы, величественно возвышаясь над дворцом. Туда вела Главная дорога, замощенная сотней тысяч мелких плит. Ее окружали деревья всех видов, встречая приезжающих, будто высоченные лакеи. Именно по этой дороге прибывали на Бал кортежи с монархинями государств и другими важными гостями.

На прилегающей к дворцу территории красовался Дивный Сад, вмещающий все изобилие восхитительного растительного мира. Выложенные гранитом пешеходные дорожки петляли меж цветастых клумб и искусственных прудов. Пушистые деревья и красивейшие бутоны цветов благоухали головокружительными ароматами. Хотелось приблизиться к цветам, чтобы насладиться их чарующим запахом.

В обычные дни гулять по Саду могли граждане и гости Мирграда любого происхождения, а право на вход во Дворец или Цитадель имелся лишь у избранных. Туда допускались даже не все аристократы. Сейчас, когда Дворец готовился к Балу Открытия, а Цитадель — к прибытию пяти государыней для проведения Совета Пяти Стихий, на территорию Дивного Сада не впускали никого. Весь его периметр окружала бдительная стража.

Проходя мимо выстроившихся в шеренгу солдат, Анна и Адриан потушили свой азарт. Стражники взирали на них с подозрением, которое миглом испаряло веселье. Неудивительно, что рамеритцы решили идти встречать Нефертари именно через Торговые ряды, обходя при этом неприветливые угрюмые рожи солдат. При виде них казалось, что смеяться — противозаконно.

Анна обрадовалась окончанию бесконечной череды людей. Улицы в центре города пустовали в сравнении с Рядами, отчего становилось легче дышать. Девушка даже расслабилась, пока им вновь не пришлось свернуть в более оживленный район.

В объединенный город мечтали иммигрировать абсолютно все и переезжали, если располагали средствами. Большинство могли получить платное образование в городской школе и в дальнейшем найти хорошую работу или даже продолжить обучение, практикуясь в конкретном ремесле. Анна и Адриан окончили школу год назад, обучившись грамоте, чтению, счету и другим дисциплинам. Больше всего Рудовой нравилось изучать картографию — необходимый навык для воительницы. К сожалению, магии в школах не обучали, поэтому было возможно только нанять личного учителя за большие деньги. Семья Адриана такими богатствами не располагала, из-за чего Анне пришлось учить его самой.

Она любила Мирград, однако недолюбливала его главную черту — доступность. Это влекло за собой многолюдность, которой Анна старалась избегать. Постоянные косые взгляды, полные враждебности, и незаслуженный страх перед ней раздражали. Когда-то Рудова обижалась на ровесников, не приглашавших неропаску играть вместе с ними, даже желала им зла. Анна считала, что с самого начала ее положение было несправедливым и продолжало им быть.

Она всегда задавалась вопросом — почему большая часть смертных проклинает Темных богов и в то же время смиренно служит тем, кто имеет Метку Бессмертия? Ведь Ариантрея, создав Бессмертие, даровала его людям в обмен на вечную преданность. Конечно, семьсот десять лет назад началась Великая Революция Независимости, когда почти все отреклось от богини Тьмы, но тем не менее... Если уж судить всех по их сути, то судить каждого бессмертного.

Далеко впереди Анна услышала ругань мужчины, что выдернуло девушку из мучительных размышлений. Какой-то мирградец, восседающий на коне, был недоволен длиной очереди, вьющейся среди Торговых домов. Они затрудняли дорогу мужчине и другим всадникам. Многие сразу же с любопытством повернули головы в сторону потасовки. Бурый конь заржал и встал на дыбы, нравом напомнив своего хозяина. Люди нехотя расступались, некоторые ругались в ответ на брань всадника. Красноволосая сразу поняла, откуда столько народу.

Десятки мирградцев и гостей города стояли в Оружейный дом мастерицы Калистии Армаро, чтобы увидеть своими глазами знаменитое рикриэнское ремесло. Рикриэния славилась тем, что единственная из всех стран производила оружие из Мертвой стали. Однако боевые орудия Калистии особо славилась своей исключительностью, изяществом и совершенством. У нее заказывали мечи самые могущественные воины, каждый человек знатного, и даже королевского, происхождения.

Сталь против бессмертных производилась из особенной руды, местонахождения которой располагались лишь на территории Рамерита и Рикриэнии. Мертвую сталь могли создавать только рикриэнцы, поскольку для ее создания использовалась магия молний, а Удерживающую — только рамеритцы, ведь для нее требовался магический огонь. Бессмертная руда — так называли эту породу — не поддавалась обычному пламени, как остальные металлы. Однако, после плавления руды и смешения ее с железом — для сотворения Мертвой стали — или платиной — в случае с Удерживающей, — она меняла свою структуру и больше не плавилась при воздействии магии. Поэтому, если во время сражения Мертвая сталь встречалась с магией молний, то спокойно выдерживала ее давление, ровно, как и Удерживающая, когда с ней соприкасалась магия огня.

Хмурая Анна и Адриан встали в конец очереди. Девушка гадала, сколько времени они потратят, чтобы наконец-то попасть внутрь. Час? Два?

Только сейчас она ощутила сгустившуюся на улицах духоту. Ночной прохладой и не пахло, казалось, едкое солнце до сих пор опалило своим жаром. Запахи приправ, испеченных сладостей, фыркающих коней и людского пота смешались в одно неприятное зловоние. Один из недостатков Метки Бессмертия. Обычные люди, если и чувствовали окружающую вонь, то она не мешала им дышать.

Красноволосая ближе подошла к другу, чтобы поглубже вдохнуть благоухание ароматического масла, которым пользовался неропасец. Жасмин был любимым ароматом Рудовой. Именно поэтому она подарила масло Адриану на прошлый день рождения.

– Много заказов у твоей мамы? — спросила Анна, морщась от переплетения запахов.

Разговорившись о двустороннем боевом топоре, который недавно заказали у матери Адриана, они даже не заметили, как за час с лишним дошли до входа в оружейную лавку. Само здание было двухэтажным, у входа стояла охрана, состоящая из двух облаченных в доспехи воительниц. Они впускали ограниченное количество человек, чтобы оставить посетителям свободное пространство для осмотра орудий. Анна продолжила бы разглядывать мускулистых охранниц, если бы не огромное желание увидеть наконец то, для чего они сюда пришли.

Дождавшись, пока из Оружейного дома выйдет несколько человек, Анна шагнула внутрь. Следом за ней прошел Адриан и еще какая-то рикриэнка. Народу здесь было достаточно — около двадцати человек. Вдоль стен первого этажа возвышались высокие витрины с различного вида оружием из Мертвой стали. Любое из этих изделий стоило целое состояние. Около каждого стеллажа стояла охрана из двух-трех стражниц, напоминающих смертоносных наемниц. Вероятно, все они приехали из Рикриэнии вместе с мужем мастерицы Калистии.

Анна бывала здесь и раньше. На втором этаже располагалась мастерская, где принимали заказы. Именно там она получила свой меч, покоившийся сейчас в ножнах на талии.

Неропасцы с восхищением подошли к первой витрине с кинжалами, где можно было заметить новые экземпляры. Необыкновенная красота, аккуратность и элегантность выдавала умелую руку Калистии. Анна коснулась холодного черного металла подушечками пальцев, отчего по коже разошлись мурашки волнения.

Друзья прошли дальше, не прерывая восхищенных вздохов. Стеллаж с мечами впечатлил еще больше. Они были разных размеров и форм, рукоятки украшали неповторимые изгибы и орнаменты. На одних сверкали драгоценные камни, на других не было ни одного украшения, а на каких-то даже узоры из эмали.

Анна тотчас захотела купить их все.

– Смотри, он там! — воскликнул Адриан громким шепотом и потащил подругу вперед, схватив за ладонь.

Он вел Рудову к самой дальней витрине, подле которой стоял статный улыбающийся мужчина, вероятно, Элеро Армаро — муж Калистии знатного происхождения. Анна заме-

тила, что в той части посетителей было больше всего, как и рикриэнских защитниц. Оно и неудивительно.

В хрустальной витрине блистал длинный черный меч, ослепляя своим изяществом. На нем не наблюдалось дорогих камней или красочных узоров. Главным достоинством и исключительностью этого клинка было иное. Его прямое обоюдоострое лезвие из Мертвой стали таило в своем доле¹ — немисливо! — Удерживающую белую сталь, а крестовидный эфес, казалось, будет удобен чьей угодно руке.

Это был один-единственный меч во всем мире! Никто ранее не был способен соединить две противоположности — Мертвую и Удерживающую сталь, но Калистии Армаро удалось невозможное. Бесподобное оружие напоминало противодействие двух сил: одна несла в себе смерть, а другая обладала силой спасти от этой смерти. В клинке будто жили первозданные Тьма и Свет, как отражение безграничной Вселенной.

Взирая на сказочное оружие, Анна затаила дыхание. Она не видела ничего прекраснее. Дождавшись, пока стоящие впереди гости лавки уступят им место в первых рядах, молодые люди приблизились.

– Сколько стоит этот экземпляр, сеньор? — поинтересовалась Рудова у мужчины, который, услышав обращение неропаски, поклонился в знак уважения.

Прежде чем обрушить истинную стоимость Анне в лицо, Элерио окинул Рудову изучающим взглядом. Цена была просто непосильной. Красноволосая засомневалась, имеется ли столько средств у ее матери. Однако клинок стоил этих денег.

Вопрос Анны привлек внимание. До ушей девушки долетели бесцветные голоса любопытных, перебирающих ее имя, сущность, имена матери и отца, словно рука музыканта скользила по струнам арфы. Адриан положил ладонь ей на плечо, останавливая порыв высказаться в ответ. Тогда Рудова повернулась к болтающим. Сплетники сразу же опустили испуганные, застывшие в стыде, глаза.

– Сеньор Армаро, любезнейший, чем отличается это оружие от остальных? — раздался рядом женский голос с рамеритским произношением. — Не помешает ли Удерживающая сталь в бою?

Анне тоже было интересно услышать ответ. Она наострила уши, позабыв о надоедливых болтушках за спиной. Элерио сделал шаг к мечу и указал на рукоять.

– Не только не помешает, но и увеличит шансы на победу, сеньорита. Это такой же боевой меч мага для битвы с бессмертными, как и все представленные здесь мечи. Однако эта небольшая особенность дает магу, обладающему этим мечом, массу преимуществ. Так как через Мертвую сталь гораздо удобнее и эффективнее пропускать магическую энергию, эфес клинка выполнен из нее. Острие также из Мертвой стали, поэтому магия с легкостью проходит от рукоятки до острия, позволяя атаковать магически. Дол оружия с обеих сторон сделан из Удерживающей стали — в создании мастерице Калистии помогали маги огня. Если при атаке принять оборону на боковую сторону меча, то можно блокировать магический выброс энергии противника. Также белая сталь не пропускает магию хозяина за грани оружия, фиксируя и проводя вдоль черного лезвия. Согласитесь, сеньорита, даже если вы искусный воин, гораздо удобнее не заострять внимание на концентрации магии? Намного проще направить ее вперед и сосредоточиться на сражении. Такая особенность успешно облегчает бой, поэтому держать подобное оружие в руке во время битвы — одно удовольствие.

Анна была с ним полностью согласна. Она бы пошла на все ради того, чтобы заполучить это оружие. Даже на службу в Миротворческий флот Неропаса.

– Такой меч действительно сложнейшая работа, — продолжал сеньор Армаро, пока Рудова представляла, как использует заветную вещь на практике. — Мертвая и Удерживающая

---

¹ Дол — желоб, продольное углубление на клинке холодного оружия.

сталь — необыкновенны, и соединить их в одно целое, чтобы одно не перечило другому, невероятно тяжело. Многие мастера пытались воплотить этот замысел, но все их попытки были тщетны. Только моя жена — Калистия Армаро — смогла достичь столь невозможного результата.

Анна хотела спросить еще кое-о-чем, но ее прервали. В здание зашел вооруженный до зубов воин в доспехах Империи Джайо, привлекая всеобщее внимание.

– Все живо на выход! — проорал джайанин. — Дорогу Их Императорским Высочествам принцессам!

Прежде чем Анна сообразила, что происходит, в Дом Оружия ворвались военные и стали выталкивать народ на улицу. Охранницы-рикриэнки напряженно застыли у витрин, не пытаясь помешать джайанам. Они обступили Элерио Армаро, который выглядел встревоженным.

Рудова не сопротивлялась и, поддавшись просьбам Адриана, не нагрубила нахалам. Если бы не мольбы друга, Анна не стала бы себя сдерживать. Стиснув зубы, она позволила выпихнуть себя на улицу. Они встали рядом со входом, слева от распахнутых дверей. Красноволосая сощурилась от фонарей, освещающих крыльцо.

В четырех ярдах от них, на проезжей дороге стояла роскошная золотая карета, запряженная четверкой лошадей и украшенная джайанскими традиционными росписями. На верхушке кареты блистал красивейший герб Империи — золотой дракон с серебряной Катаной в лапе на фоне белого щита, который венчала Императорская Корона.

Как только ничего не понимающих посетителей выволокли из Дома, женщина, стоящая возле кареты, громко объявила:

– Дорогу Их Императорским Высочествам Принцессам Непобедимой Империи Джайо! Ее Императорское Высочество Наследная Принцесса Хэруми Канхимэ!

Выходцы из Джайо упали на колени и уткнулись лбом в землю, когда из кареты вышла высокая стройная девушка в роскошном позолоченном кимоно с длинным подолом. Ее блестящие белые волосы были собраны в высокую прическу и сомкнуты золотой лозой со сверкающими драгоценными камнями. Гордое и высокомерное лицо освещали солнечные лучи. Карие глаза принцессы сверкали презрением и выражали всепоглощающее отвращение к присутствующим.

Остальной люд, глядя на склонившихся джайан, тоже низко поклонился в знак уважения к императорским особам. Некоторые из мироградцев опустились на колени.

– Аня, пожалуйста, — умолял Адриан, согнувшийся в поклоне. — Не поднимай волны, прошу тебя... — так говорили неропасцы, имея в виду не доводить дело до ругани.

Рудова склонила голову, подчиняясь просьбам друга. Не будь его здесь, она бы нагло выпрямила спину. Анна и Адриан были уроженцами Империи Неропас, а потому не обязаны кланяться наследницам другого государства. В данный момент они лишь ублажали гордыню принцесс.

– Ее Императорское Высочество Принцесса Сэкера Канхимэ!

Вслед за принцессой Хэруми на улицу ступила другая девушка с роскошной гривой белоснежных волос, собранных в замысловатую высокую прическу, как и у сестры. На голове искрилась традиционная корона с россыпью бриллиантов, а с плеч струилось длинное шелковое кимоно из красной и голубой ткани. Вокруг талии мерцал широкий золотой пояс.

В ее необычных бронзовых глазах, менее вытянутой формы, чем у старшей сестры, Анна разглядела скуку и пренебрежение ко всему происходящему. Создавалось впечатление, что Сэкера не собиралась посещать это место и находилась здесь не по собственной воле.

«Что вообще забыли джайанские принцессы в Торговых домах? Надоело раздавать приказы слугам? — гневалась про себя Рудова. — Или...?»

– О Свет Небесный, они пришли купить меч! — в ужасе прошептала красноволосая Адриану свою тревожную догадку. — Мы не можем позволить им сделать этого!

– Ты смеешься надо мной? — прошипел неропасец вместо ожидаемого согласия. — Мы будем стоять здесь и ждать. Вернемся в лавку, когда они уедут отсюда. Понятно? — Он пытался говорить с несвойственной ему угрозой, предупреждая Рудову о необратимых последствиях сопротивления. Несмотря на напускную решительность, слова Адриана казались мольбой.

– Понятно, — кивнула смиренно Анна, глубоко вдыхая.

Принцессы зашли в Дом Оружия. Дверь за ними закрылась, не разрешая посторонним подслушивать разговор девушек с Элерио. Анна и Адриан отступили от дверей на несколько аршинов, гадая, сколько придется ждать.

Двое джайан попытались занять места воительниц, которые до этого сторожили вход в Дом. Женщинам попытки мужчин не понравились. Рикриэнки по природе своей с нескрываемым высокомерием относились к противоположному полу, а наглых и невоспитанных презирали. По этикету Рикриэнии эти гвардейцы должны были поклониться им и пожелать хорошего дня, а не прогонять с поста.

– Мы — Почетная Императорская гвардия Ее Высочества наследной принцессы, — оповестил громко мужчина, теряя терпение. — Противясь нашей воле, вы противитесь воле Ее Императорского Высочества!

– Отойди от меня, ничтожество, — скривилась рикриэнка. — Еще слово, и я вырву твои кишки через задницу.

Джайанин сконфузился. Анна предположила, что это всего лишь угроза и ничего больше, но устрашающий вид женщины говорил обратное. Возможно, она всерьез.

– Ты стоишь перед Волчицами Луны, — воительница назвала общеизвестную гильдию рикриэнских наемниц, о которой ходила жуткая молва. — Мы охраняем Дом Оружия по приказу Ее Королевского Величества вице-королевы Крэссенсии Кремаейро. Я оторву тебе яйца за неуважительное отношение к воле королевы и получу за это государственную награду.

Мужчины стусевались и отошли к карете. Должно быть, если принцессы Джайо не увидят своих гвардейцев у дверей, мужчинам потом придется несладко. Но и сравнивать приказ королевы и принцессы было нельзя. Королева, пусть даже из другой страны, всяко занимала более высокое положение.

Анна бы и дальше продолжала наблюдать за развернувшимся представлением, если бы не прискорбное разочарование от визита высоких персон в лавку. Досада разжигала в ней пламя гнева, который, в свою очередь, лишал рассудка.

– Мы честно отстояли в очереди больше часа, — Анна бросила обиженный взгляд на Адриана. — Что они о себе возомнили? Раз императорской крови, то могут делать, что душе угодно?

– Делать нечего, придется ждать, — вздохнул Адриан, на всякий случай отходя от здания подальше и утягивая подругу за собой. — Если ворвешься туда, легко не отделаешься, — предупредил неропасец, заметив свирепый взор красноволосой. Не приметив в ней и тени сговорчивости, Адриан добавил главный для Рудовой аргумент: — Твоей маме это не понравится.

Анна шумно выдохнула, напоминая взрывающийся гейзер, и сжала кулаки, укрощая эмоции. Адриан был прав — мать будет не в восторге, если Анна снова наворотит дел. Не так давно ей пришлось пообещать, что больше подобного не повторится. Иначе мама разозлится, а злить богиню Страх — себе дороже. Последний раз Гертруда запретила дочери целую неделю покидать дом.

– Не будем далеко уходить, чтобы снова не оказаться в конце очереди, — сказал Адриан, уловив изменившееся настроение Рудовой. — Давайждемся ухода принцесс, а потом вернемся?

Анна молча кивнула, поджав губы. Сегодняшний день и ночь явно решили испытать волю девушки на прочность. Словно кто-то специально втягивал ее в ситуации, из которых она не могла выйти, не наделав шуму. В ту же секунду неропаска вспомнила о будоражащем диковин-

ном чувстве, посетившем ее днем. Красноволосая дала себе указание обязательно расспросить об этом мать.

Принцессы весьма продолжительное время торчали в Доме Оружия. Они вышли оттуда, когда Анна уже намеревалась уходить. Первой появилась наследная принцесса Хэруми, на лице которой выражалось неодобрение. Джайане опустили на колени, провожая свою принцессу, а остальные граждане склонились, выражая всеобщее почтение. Анна категорически не испытывала никакого уважения перед джайанкой. Однако переступила себя и ограничилась простым кивком под умоляющим взглядом Адриана.

Хэруми задержала взор прищуренных глаз на лице девушки, затем прошла им по красным волосам. Анна поняла, что принцесса Канхимэ узнала ее, стоило противной усмешке блеснуть на губах. Рудова сжала челюсти, выпрямляясь. Хэруми могла расценить это как неподчинение или грубость, однако Анна больше не могла унижать себя. С нее достаточно нелепого притворства.

Канхимэ только позабавило упрямство неропаски. Она дождалась младшую сестру, держащую в руке только что приобретенное копье полностью из Мертвой стали с золотым покрытием на конце, и без зазрения совести мотнула головой в сторону Анны. Рудова была для них диковинкой, поводом для сплетен и шуток. Таким же взглядом красноволосая смотрела на артистов бродячего цирка, устраивающих представления на потеху публике.

Сэкера ехидно спросила что-то у страшной сестры на джайанском языке, упомянув имя «Реймс». Не нужно много ума, чтобы понять, о чем говорили девушки. Хэруми пожалала плечами, не выказывая желания обсуждать родословную Анны. Неропаске показалось, что куда больше наследную принцессу Империи Джайо веселило присутствие княжеской дочери среди смертных. Толчется среди тех, кто для наследницы трона — мусор

– Валите уже отсюда, — раздалось бормотание старика со стриборгским акцентом. — Сколь лет торчать тут можно да ляды точить...

Стриборгчанин, на вид разменявший шестой десяток, явно полагал, что принцессы не слышат его тихих слов. Однако он позабыл, что Метка Бессмертия усиливает все органы чувств, включая слух. Для Анны и джайанок его голос прозвучал вполне звонко.

Сэкера метнула грозный взгляд в сторону старика, а Хэруми немедля отдала безмолвный приказ своей охране. Стражники схватили грубияна в мгновение ока и чуть ли не за шкуру выволокли к ногам принцесс. Старик извинился, осознав, что его услышали, и сделал попытку подняться, но Хэруми не позволила ему этого. Она наотмашь ударила его по лицу тыльной стороной ладони, и смертный под хруст костей от силы удара отлетел на пару ярдов. Массивные кольца с огромными драгоценными камнями на пальцах наследницы содрали кожу со щеки старика. Алая кровь окрасила его бороду и ворот дешевой рубахи. Стриборгчанин, на удивление оставшийся в сознании, схватился за рану, вымаливая прощение со слезами на глазах.

Анна было двинулась на подмогу, но Адриан успел схватить ее за плечо. Тогда девушка с возмущением посмотрела на друга. Как он смеет ее останавливать, когда творится такое бесчинство? Не тошно ли ему молча смотреть на избиение? Однако мрачные эмоции плясали и во взгляде неропасца. Его охватили те же чувства, что и Анну, раздирая изнутри, но он никак не мог противостоять наследнице трона Империи Джайо.

Зато Анна могла.

В тот момент, когда стражники вернули рыдающего старика к Хэруми и та вновь собиралась показать ему, чем карается неуважение, Анна смахнула ладонь Адриана с плеча и двинулась вперед.

– Отойди от него!

Магия подчинилась ей быстро. Мощным потоком Рудова сбила с ног двух женщин, держащих стриборгчанина за руки. Потом воздвигла водную стену между Хэруми и мужчиной,

защищая его от новой атаки. Создав лужу под его ногами, неропаска волной оттащила мужчину, словно бумажный кораблик, назад, к стоящим позади людям.

Хэруми перевела ожесточенный взгляд на вмешавшуюся девушку. Точнее сказать, Анна привлекла всеобщее внимание. Гробовая тишина заполнила Торговые дома, посеяв напряжение в сердце каждого. Люди боялись даже шептаться, поэтому за них говорили расширенные глаза.

– Тебе следует извиниться за свою несдержанность, грязная полукровка, — прошипела Хэруми, сделав шаг в сторону Рудовой.

Как она могла забыть? Все, в ком есть кровь рамеритцев, для джайан — носители грязной крови. То же самое у рамеритцев в отношении джайан. Жестокие войны за территории породили личную ненависть, передающуюся из поколения в поколение. Даже в Мирограде — городе, созданном для объединения всех как равных друг другу, — между этими двумя нациями пылал конфликт.

Никто не верил, что Анна — дочь рамеритца Реймсса, но даже маленькая вероятность делала ее грязной в глазах джайан. Кроме того, Ромарио рассказывал, что все Темные боги в Джайо были рабами. Их равняли с преступниками.

– Извиниться за предотвращение незаконного причинения увечий человеку? — произнесла Анна с сарказмом. — Можешь поблагодарить.

Анна рыла себе могилу, обращаясь к принцессе на «ты». Это было непозволительно. Оскорбительно. Рудова будто сорвалась с цепи и не могла остановиться.

От фразы красноволосой лицо наследницы перекошилось. Хэруми прошептала что-то угрожающее на джайанском. Сэкера возмущенно открыла рот, не находя слов. Наследница призвала врожденную магию земли, выставив руку вперед. В ее ладони тут же очутился меч одного из стражников, который он направила на Рудову. Вероятно, меч был с каменным напылением, поскольку металл не подчинялся магам земли.

Дело приобретало плачевный оборот.

– Ваше Высочество, — предупреждаяще позвала Сэкера в надежде успокоить старшую сестру. — Ее смерть может повлиять на внешнюю политику.

– Советуешь оставить ее дерзость безнаказанной? — нахмурилась Хэруми.

– Нет, — помотала головой ухмыляющаяся принцесса. — Советую наказать более надежным способом.

Хэруми потребовалась пара секунд, чтобы перевести взгляд за спину Анны и понять, о чем говорит ее сестра. Рудовой тоже. Когда Хэруми взмахнула рукой, неропаска инстинктивно двинулась влево, закрывая Адриана. Красноволосая успела только раскрыть глаза в удивлении и опустить их вниз. Она ждала удара мечом, но Хэруми оказалась более непредсказуемой. В одно мгновение копьё, купленное Сэкерой, пробило солнечное сплетение Анны. Темное алое пятно окрасило голубую тунику. Дыхание сбилось от шока и нахлынувшей муки. Принцесса Канхимэ вытащила копьё, не коснувшись его, и Рудова упала на четвереньки, задыхаясь.

Боль заполнила все существо. От раны она разошлась по телу, втягивая каждую клеточку в душераздирающие терзания. Анне захотелось закричать от агонии. Краски начали гаснуть, она почувствовала, как кровь заполняет легкие. Внутри копилось что-то тягучее и болезненное, представляя собой нечто большее, чем Рудова могла себе вообразить. Это чувство росло, утягивая в смертельный круговорот тьмы.

– Аня! — кричал имя подруги Адриан, но его голос раздавался в голове лишь эхом. — Аня, держись, ты справишься... — Она взглянула на него, и друг отшатнулся от страха. — Твоя глаза... они черные...

Анна ощутила, как сила Метки Бессмертия заставила порванные внутренности восстановиться, а мышцы срастись. Кровь перестала вытекать, рана потихоньку затягивалась. Через некоторое время появится новая кожа, и от смертоносного удара не останется ни следа.

Рудова смотрела в испуганное лицо друга туманным взором. Происходящее медленно теряло свой смысл, а она — понимание того, что сделала принцесса Джайо. Но вдруг, когда Анна заметила брызги своей крови на рубахе Адриана, в голове вспыхнула мысль: он мог погибнуть. Если бы неропаска вовремя не закрыла его, черное копьё с такой же охотой пронзило смертное тело ее лучшего друга. Ранение стало бы для него фатальным, даже если бы оружие было не из Мертвой стали. Хэруми могла лишить его хрупкой, как хрусталь, жизни в одно мгновение и не ощутила бы ни капли стыда за содеянное.

Анна бы потеряла Адриана. Навсегда.

Она ужаснулась мысли жить без него. Рудову пугало, что ему отведено семьдесят лет, а в тот момент Адриан мог лишиться и их. Лишь представив существование без заботливого и близкого человека, девушка почувствовала, как сковавшая тело боль вдруг потянула из недр души жгучую ненависть. Гнев смешался с кровью, а сознание уступило место чему-то сильному и яростному. Что-то, способное уничтожить в одно мгновение, если его выпустить.

На лице беловолосой застыло удивление, когда Анна встала на ноги. Красноволосая перевела убийственный взгляд на принцессу Хэруми, думая лишь о ее смерти. Джайанка заслужила наказание, заслужила быть убитой. Анна заставит Хэруми пожалеть о совершенном.

— Как такое возможно? — пробормотала Сэкера, округлив бронзовые глаза. — Тебя пронзили Мертвой сталью...

С пронзительным звоном красноволосая вытащила меч из ножен. Мертвая сталь сообщила о своем вступлении в сражение. Голос Адриана пытался остановить ее, пытался уберечь от непоправимой ошибки. Но Анна желала смерти принцессы Канхимэ всем сердцем. Рудова сжала рукоять и, не медля, бросилась на Хэруми, призывая силу Метки Бессмертия.

Хэруми не ожидала атаки неропаски, но ей ничего не стоило сгруппироваться и защититься копьём, отразив выпад Анны легким движением руки. Принцесса была опытнее и опаснее. Карие глаза наполнились неудержимым негодованием.

— Как ты смеешь замахиваться на меня?! — крикнула девушка.

Анна не вдумывалась в слова принцессы. Она ощущала лишь ураган ненависти и боли, кусающий вены. Меч трясся в дрожащих от напряжения руках. Тело словно переставало ей подчиняться.

Рудова намеревалась повторить выпад, однако кто-то подлетел к ней справа и выбил оружие из рук. Потом еще один толкнул красноволосую в спину, заломил руки и с силой опустил на колени. Анна не могла найти сил сопротивляться, потому что боль не позволила этого. Ей хотелось кричать, рыдать — делать все, чтобы вытолкнуть из себя это ужасное чувство.

Держащие ее сзади стражники схватили Анну за волосы, вынудив запрокинуть голову. Хэруми возникла перед ней, опьяненная злобой и презрением. Принцесса пообещала неропаске страшную и мучительную смерть, затем занесла над Анной копьё. Однако, прежде чем Хэруми успела вогнать острие в красноволосую, ее младшая сестра перехватила запястье наследницы трона.

— Не стоит, Хэруми-сама, — твердым тоном произнесла Сэкера.

Младшая Канхимэ добавила что-то на джайанском, пытаясь вернуть сестру к здравому смыслу. Если бы не удерживающая рука Сэкеры, Хэруми давно бы оставила в теле Анны несколько глубоких дыр.

Рудова закрыла глаза. Пылающая ярость затмевала все углы рассудка, а боль распалила бушующее пламя еще сильнее. Ей казалось, если не устранить это, от нее ничего не останется. Чувства поглотят ее, и красноволосая потеряет контроль над собственным телом.

«Это — Тьма, — пришла догадка, от которой мгновенно стало страшно. — Тьма овладевает мной».

Анна испугалась. Она попыталась собрать эмоции в кучу, похоронить их глубоко внутри, чтобы вернуть самообладание. Но страх лишь усугубил положение. Все негативные чувства соединились в одно большое облако и не собирались отпустить.

Последними осколками сознания Анна зацепилась за мысль о том, что всегда держало ее разум в покое. Она услышала голос Адриана и ухватилась за него, как за спасательный канат. Вокруг было темно, но он был тем лучиком Света, который мог победить Тьму внутри Рудовой. Красноволосяя представила его образ, вспомнила улыбающееся лицо. Она заставила себя поверить, что Адриан избавит ее от всего плохого, что поможет ей вернуться.

Получилось. Боль начала уходить, утягивая за собой все остальные чувства. Анна открыла глаза, глубоко вздохнув. Она словно вынырнула из воды на поверхность. Казалось, люди вокруг совсем не заметили борьбы, которую вела Рудова внутри себя все это время. Хэруми продолжала взирать на красноволосяю с ненавистью, мечтая разрубить на мелкие кусочки, а младшая сестра размерено говорила что-то на джайанском. Стражники продолжали держать синеглазую, не позволяя двинуться. Позади них слышались звуки сопротивляющегося кому-то человека. Анна поняла, что Адриан рвался спасти ее.

И он спас.

Наконец, наследница трона Джайо опустила оружие. Выражение взгляда не поменялось, но, судя по всему, речи Сэкеры не остались незамеченными. Хэруми подошла и схватила неропаску за горло. Принцесса продолжала вызывать в красноволосяй ярость, но Рудова теперь старалась подавить ее изо всех сил.

– Я не прощаю грубость, — прорычала Хэруми. — Я убью тебя, Анна Рудова. Не сегодня. Вызываю тебя на дуэль на Турнир. Уничтожу тебя на глазах у всего города.

– Я принимаю твой вызов.

– Я не спрашивала твоего согласия, отпрыск Ариантреи, — выплюнула принцесса Канхимэ и, высоко подняв подбородок, развернулась к карете.

Анна сразу поднялась, как только стража отпустила ее. Облаченные в доспехи джайане обступили принцессу, став для них живым щитом. Сэкера, смерив неропаску высокомерным взглядом, обозвала красноволосяю отребьем и последовала за сестрой. Рудова сжала челюсти, удерживая себя от ответного оскорбления.

Рядом с неропаской вмиг очутился взволнованный Адриан. Его нос был сломан, а под скулой красовалась ссадина. Анна догадалась, что стражники попытались «успокоить» неропаску парочкой ударов. Она ощутила привкус вины, однако тут же отмахнулась от него, потому что ненавистная боль вновь шепнула о своем присутствии.

– Ты в порядке? — спросила Адриан, рассматривая ее лицо и задержав взгляд на испуганном морском взоре.

Анна кивнула. Не он должен интересоваться состоянием девушки, а она его. На Рудовой не осталось ни царапины, а у мечника на руках и ногах красовались синяки. Тем не менее, красноволосяя чувствовала себя ужасно.

Адриан в порыве чувств обнял ее. Скорей всего, он догадался, что с Анной только что едва не произошло. Друг успел заметить глаза неропаски, которые заполнила Тьма.

Еще бы немного, и...

– Спасибо, — прошептала Рудова, не сдерживая хлынувших слез облегчения. — Спасибо...

Адриан не имел понятия, за что Анна благодарила его, но ответил кратким «пожалуйста». Красноволосяя сжала его в объятиях, вспоминая, что он чуть не получил смертельное ранение вместо нее. Как никогда девушка осознала, насколько дорожит Адрианом.

– Она вызвала тебя на дуэль, — тихо сказал неропасец ей на ухо.

– Помню, — сейчас Анну мало тревожила новая проблема.

Она пока не осознала своей ошибки.

Глава 7 Марта

Мрак и пустота обрамляли все вокруг, измываясь над разумом Марты. Страх пожирал изнутри, невидимые разрушительные шипы мертвой хваткой впились своими когтями в кожу. Кроме удушающей боли она ничего не чувствовала. Ураганова не понимала, где находится и что происходит. Старалась открыть глаза, однако тьма продолжала окутывать пространство.

Она ослепла?

Глаза изнывали от боли, в голове бушевал хаос. Мысли спутались, не позволяя Марте восстановить картину произошедших событий.

Кто сделал с ней это?

Затем мир перевернулся. Ее тело поднялось, словно стало легким цветком, сорванным со стебля порывом ветра. Вихрь переместил ее в другое место. Казалось, душа вырвалась из тела Марты и перелетела в другое.

Теперь она бежала босиком по холодному гладкому деревянному полу. Старалась удерживать равновесие изо всех сил, чтобы не упасть, но постоянно спотыкаясь на ватных ногах, потому что почти ничего не видела. Краски стали просачиваться сквозь темноту, как первые солнечные лучи пронзают ночь. Возникла мимолетная надежда на исцеление.

Марта в который раз оступилась и рухнула на колени. Силы стремительно покидали, не желая задерживаться в измотанном теле. Она хотела умереть.

– Поднимайся! Скорее!

Ураганова приложила все силы, чтобы встать на четвереньки. Сердце бешено билось в висках, глаза жгло. Сумасшедшая боль выстрелила в голову, и Марта завалилась набок, потеряв равновесие от головокружения.

– Поднимайся! — продолжал требовать незнакомый женский голос.

Но цесаревна не могла. Все тело сковала судорога, в глазах плыло размытыми цветами. Впереди появилось красное пятно, окруженное темным сиянием. Марта встряхнула головой, прогоняя морок. Она воззвала к силе Метки Бессмертия, порываясь восстановить зрение, но Метка не откликнулась. Тогда цесаревна, движимая неясным чувством, прогнала темноту из глаз силой воли. Она даже не придавала значения этой странности, упустив из вида нелогичность произошедшего.

Марте потребовалась пара секунд, чтобы понять, что перед ней лежит Анна, зарывшись лицом в ладони. Цесаревна испугалась за подругу и поспешила ей на подмогу. Марте пришлось приложить тысячу усилий, чтобы подняться на колени и поползти к Рудовой. Красноволосая плакала, бормоча что-то себе под нос. Приблизившись, Ураганова коснулась плеча неропаски, надеясь, что дружеская поддержка успокоит девушку.

– Ненавижу, — злобно прошипела Анна сквозь стиснутые зубы. — Ненавижу их всех.

Анна повернулась к Марте, не прекращая всхлипывать. Цесаревна отшатнулась, разглядев непроглядный мрак в глазах подруги. Ранее Марте не доводилось быть свидетельницей подобного, но осознание того, что перед ней происходит, явилось само по себе. Светловолосая даже не удивилась открытию. Все казалось естественным.

«Ею овладела Тьма».

Анна уставилась бездонными черными глазами на цесаревну, заставив Марту замереть. Внутри зародилось невиданное прежде беспокойство. Ураганова не знала, чего ожидать от подруги.

– Тьма идет за тобой, Марта, — произнесла не своим голосом Анна. — Преследует по пятам, загоняет в ловушку. — Рудова резко схватила лицо Урагановой в ладони и сжала. — Сопrotивляйся. Сопrotивляйся. Сопrotивляйся!

Марта проснулась, задыхаясь от страха, и сразу встретила обеспокоенное лицо Ольги, склонившейся над ней. Цесаревна поднялась в кровати и заозиралась по сторонам, блуждая взглядом по комнате, словно убеждая себя, что она в безопасности. Зрение не фокусировалось, все расплывалось, а сами глаза ужасно болели, будто их прожгли раскаленными иглами. Ураганова с опаской коснулась век, боясь нащупать влагу, затем облегченно выдохнула, выпуская из легких тревогу — крови не оказалось.

— Вы в порядке, Ваше Высочество? — взволнованный голос Ольги вывел из тяжелых раздумий.

«Надо взять себя в руки немедленно, — приказала себе Ураганова. — Я не могу проявлять слабость перед слугами».

Всего лишь очередной правдоподобный кошмар. Не произошло ничего, что могло бы послужить причиной тревоги. Людям часто снятся плохие сны. Марта не исключение.

— Все хорошо, Ольга, — Марта старалась выровнять дыхание. — Неприятные сновидения. Что ты делаешь в моих покоях?

Цесаревна заволновалась, что снова кричала, пока спала. Если эта новость распространится по дворцу, то достигнет ушей и за пределами кремля. Она и без того опозорилась ночью, когда стража застала ее врасплах с друзьями. Оставалось только надеяться, что Евгения и ее люди будут молчать.

— Скоро придут царица и цесарь, Ваше Высочество, — оповестила Ольга. — Я пришла будить вас, но не вышло... Вы ворочались, шептали что-то невнятное и не просыпались...

Марта глубоко вздохнула. Хватит с нее кошмаров. Бессмертным было необязательно спать. Многие вовсе не ложились, отдаваясь с головой в дела. Кто-то, как цесаревна, засыпал только, чтобы скорее начался следующий день. Заниматься делами по ночам она не любила из-за тусклого света свечей. Но стоит оно того, если снятся одни ужасы?

«С этого момента глаз не сомкну».

— Не переживай, — как можно спокойнее сказала Ураганова, сцепив дрожащие ладони. — Будь добра, принеси чистой воды, — попросила цесаревна, понимая, что ей нужно время прийти в себя.

— Как прикажете, Ваше Высочество, — служанка поклонилась и поспешила исполнить приказание.

Как только Ольга скрылась за дверью, оставив цесаревну наедине с собой, Марта вновь упала головой на подушки, спрятав в них лицо. Бешеный ритм сердца продолжал напоминать о кошмаре, а мысли девушки металась из стороны в сторону, сводя с ума.

Меньше всего на свете она хотела вставать с кровати и встречать царскую чету. Вновь надевать маску, играть роль чуждого ей человека и молчать, даже если голос в голове желал высказать затаенные мысли. Потом они сядут за стол и будут вести бездушные беседы, притворяясь, что им безумно интересно узнать, благая ли погода в Царицеграде — столице Стриборга. Придется смиренно слушать теплые речи Марии об успехах Екатерины и благодарить, когда младшая сестра будет выказывать поддержку, предлагая помощь в переводе древнестриборских текстов.

Марте казалось, что она изрезана изнутри, словно кто-то ввел в нее кромсающую магию ветра. День только начался, а усталость уже сдавила каждую клеточку тела: это вызывало вопросы, ведь Метка Бессмертия обещала исключать подобную вымотанность. Глаза по-прежнему сдавливали тупой болью, и Марта не имела ни малейшего понятия, по какой причине это происходит. С тетушкой она так и не поделилась случившемся позапрошлой ночью недугом, зато сходила к мастеру — мужчине средних лет, изучающему Метку Бессмертия. Марта не посвящала ученого в детали, сославшись на обыкновенное любопытство — не хотелось, чтобы новость разнеслась по резиденции. К сожалению цесаревны, мастер не нашел причин кровотечения.

Ураганова перевернулась на спину. Чувства по-настоящему душили, не разрешая о них забывать. Она должна найти в себе силы усмирить их, собрать в кучу и запереть в воображаемом сундуке из Удерживающей стали. Затем спрятать в дальнем уголке своей души и вытащить только тогда, когда снова вернется в кровать. Снова останется одна.

Она последний раз позволила себе вспомнить сегодняшнюю ночь: серенаду сверчков, жар беспокойного огня, негромкий смех Анны, искрящиеся глаза Адриана и полный заботы голос Ромарио. Одурманивающий запах бергамота и кедра, который касался носа, стоило рикриэнцу оказаться в паре шагов от нее, погружал в приятное беспамятство...

Марта поднялась, чувствуя опустошение, застывшее в области легких и мешающее свободно дышать. Похлопала себя по щекам, приводя в чувства. Затем, глубоко вздохнув, цесаревна встала и подошла к зеркалу. Из отражения на нее смотрело разбитое фарфоровое лицо, искаженное мучениями. Пара красных трещин разошлась по белку глаза, веки покраснели, словно русоволосая собиралась расплакаться. Но Марта никогда не плакала.

— Давай же, Марта, соберись, — прошептала Ураганова, заворачивая светлые пряди за уши. — Не время проявлять слабость.

Марта закрыла глаза, взывая к своему непоколебимому духу, воспитанному ежедневными огорчениями и разочарованием. Жизнь в тени сестры и вдали от родительского тепла могла бы давно сокрушить волю цесаревны, но она научилась черпать силы из врожденного упрямства и заставляла себя сражаться с трудностями несмотря ни на что. Неважно, сколько чувств делали Марту хрупкой, она знала, что стальной стержень ее души всегда удержит и не даст упасть перед возникшими препятствиями.

«Я буду биться с ними до самого конца. — Цесаревна открыла веки, встретившись в зеркале со своим с решительным взглядом, наполненным разрушительным торнадо. — Я никогда не сдамся».

Ей придется расправиться с эмоциями, доблестно постоять за себя и не опозориться перед матушкой. Марта ни за что не проиграет младшей сестре.

Когда Ольга вернулась с кувшином, Марта уже полностью овладела собой. Выпив немного воды ради приличия, цесаревна приступила к переодеванию. Она стянула ночную сорочку, оставшись полностью обнаженной. Служанка протянула исподнее и помогла со шнуровкой.

— Вы такая сильная, Ваше Высочество, — протянула Ольга. — Я бы хотела быть такой же.

Марта взглянула на Перову, не сводящую сияющих глаз с проступающих мышц Урагановой. Цесаревна невольно ощутила гордость за свои труды. Щеки покрылись смущенным румянцем.

— Смертным никогда не поздно начать, — пробормотала Марта, вновь заправляя прядь за ухо.

Каждый бессмертный мог похвастаться здоровым стройным телом, но не у всех были натренированные мышцы. Метка Бессмертия наделала организм всем необходимым, поэтому были не страшны худоба или ожирение. Вот только залогом крепкого мускулистого тела оставались постоянные тренировки. Да, благодаря Метке Бессмертия организм обладал невероятной выносливостью, вечной молодостью и не нуждался в других источниках энергии — пище, воде, сне, — но этого было недостаточно, чтобы в сражении противостоять сильному врагу.

Мышцы Марты окрепли с годами благодаря ежедневным нагрузкам. Оставалось поддерживать себя в форме и не убавлять нагрузку до двадцати пяти лет — момент, когда развитие организма заканчивалось, а тело оставалось навсегда молодым, словно кто-то остановил время. Это состояние называли Морар. Если к тому возрасту бессмертный остался рохлей, то уже ничего не поделаешь, ровно как и в случае с мускулистым воином — тело никогда не вернется к первоначальному виду.

Тем не менее, стоило продолжать упражняться, поскольку навыки — дело наживное. Тело могло не поменяться после наступления Морара, а вот умение сражаться — вполне. Например, княгиня Мария давно утратила сноровку, так как больше сорока лет назад посвятила себя управлению Мирогоградом. Марта никогда не видела, чтобы тетушка оттачивала свое мастерство. Когда-то давно Сворова достигла третьей ступени, но к настоящему времени, возможно, вернулась на четвертую.

Закончив с нижним бельем, Ольга вытащила традиционное стриборгское одеяние холодных тонов, подать которое заранее велела Марта. Цесаревна выбрала бежевую рубаху до щиколотки, небесный сарафан и длинную мантию в пол более бирюзового оттенка. Ольга покрыла волосы госпожи, заплетенные в две толстых косы, голубой прозрачной фатой, а на голове закрепила роскошный жемчужный кокошник с сапфирами.

Марта любовалась своей природной красотой, глядя в отражение, когда в дверь постучали. Ураганова разрешила войти Андрею Мариевичу, чтобы получить расписание на сегодняшний день. Своров застыл в проеме, оглядывая сестру с ног до головы. Глаза Андрея блеснули, когда цесаревна посмотрела на него и подарила легкую улыбку.

— Доброго утра, Ваше Высочество, — произнес двоюродный брат, протягивая бумагу. — Восхитительно выглядите сегодня.

Он перевел блестящий взор с лица Марты на расшитые топазами и жемчугом ткани ее сарафана. Ранее Ураганова не замечала у него интереса к декоративным элементам. Подобное она наблюдала только у Ольги.

— Вы тоже приоделись, Ваше Сиятельство, — Марта оценила алый кафтан брата, пробежалась взглядом по чисто выбритому подбородку. Для бритья бессмертные использовали лезвие из Мертвой стали, иначе волосы тотчас отрастали. — В таком кафтане за вас выйдет любая барышня. Надумали жениться?

Удивительно, но не много слов требовалось, чтобы смутить брата. Покрывшись краской, Андрей засмеялся, будто Марта выдала умопомрачительную шутку. Она не стала спрашивать, припоминая, что брат проводил много времени в компании дочери боярыни Ладовской.

— Марта Александровна, смею напомнить вам, что в присутствии Государыни следует говорить только на стриборгском языке.

— Да, я помню об этом, Андрей Мариевич, — кивнула голубоглазая, затем добавила на родном языке: — *Царице не любо, когда мы молвимся на мироградском наречии.*

Марта поблагодарила Андрея за распорядок дня, заметив, что дел меньше, чем она ожидала. Княжич Своров вышел, пожелав сестре удачи. Он пребывал в веселом расположении духа, будто намечался грандиозный праздник.

— Оля, почему Андрей Мариевич так доволен?

Лицо девушки пронзило удивление.

— Как же не радоваться, Ваше Высочество? — хихикнула служанка. — Милостивые государи приезжают к нам! Чем сие событие не праздник?

— И то верно, Оля, — вздохнула Ураганова

Возможно, для остальных приезд царицы Александры был торжеством, но точно не для Марты. Она истрепала все нервы, готовясь к встрече. Даже нежные сны превратились в кошмары.

Обувшись в башмачки на низком каблуке, девушка была готова к выходу. Перед тем как покинуть покои, Марта наказала Ольге раздобыть эфирное масло с запахом бергамота и кедра. Ураганова слышала, что, если добавить такое масло в свечи, приятный аромат наполнит всю комнату. Это именно то, чего требовало сердце Марты для полного упокоения.

В сопровождении стражников цесаревна добралась до тронного зала, где ее уже ждали Екатерина, тетушка, Андрей и остальные дворяне Мирогограда. Родственники скуппо поприветствовали друг друга. Дворяне, коих было порядком тридцати человек, кланяясь цесаревне,

взирали на нее с присущим им высокомерием. Натянутые улыбки скрывали клыки, а добрые слова о здравии таили в себе больше яда, чем прекрасные ландыши.

Мария Еленовна была не в настроении из-за ночной прогулки Марты. После возвращения от друзей цесаревну ждал долгий и неприятный разговор. Ураганова надеялась, что дворяне и младшая сестра не знают о происшествии. В противном случае наследница трона сильно опозорится и будет носить клеймо легкомысленной девицы в их глазах всю оставшуюся жизнь.

– Беженцы из Вотрова расположились в резиденции? — вела беседу светловолосая барыня с царевной Екатериной. — Не вижу их здесь.

– Разъехались по родственникам, — ответила младшая сестра, затем пояснила причину отсутствия вотровцев: — Они из низшего дворянства.

Екатерине досталась внешность отца. У нее были большие серые глаза, поблескивающие холодным серебром, волнистые каштановые волосы и Своровская худоба. Сестра унаследовала от матери только бледную фарфоровую кожу и мягкие черты лица. Рост царевны уступал росту Марты на голову, что тешило душу цесаревны. В детстве бабушка часто замечала, что Марта — отражение царицы, а Екатерина — цесаря.

Наконец, прибыл гонец, сообщивший, что причалил корабль с царской четой. Осталось около двадцати минут ожидания. Затем Их Царские Величества войдут в тронный зал.

Марта сильно переживала, но умело скрывала волнение. Наверняка матушке уже сообщили о произошедшем, и она гневается. Это несказанно расстраивало, вызывало обиду и ярость на саму себя за безрассудство. Ей следовало остаться во дворце и готовиться к приезду, но она выбрала чувства. Выбрала свою слабость и теперь поплатится за ошибку сполна.

Цесаревна изо всех сил старалась угодить царице, вернуть ее расположение. Последние пять лет она усердно училась, улучшала боевые навыки и развивала магию ветра. Марта прочла десятки книг, многие из которых были на древнестриборгском — мертвом языке. Его непременно должны были знать все члены царской семьи. Она выучила карты, традиции, военные стратегии, историю Стриборга, начиная с правления первой царицы Ольги до настоящих дней. Однако этого было недостаточно.

У нее не имелось таланта, каким обладала Екатерина. Как бы виртуозно Марта ни обращалась с боевыми веерами, как бы легко ей ни поддавался ветер, у нее не получалось обуздать самое главное — умение править. Она многое знала, но какой смысл в знаниях, которые ты не можешь применять?

Подчиненный Марии Еленовны оповестил, что царская чета зашла во дворец. Марта и остальные родственники выстроились в шеренгу, начиная с цесаревны. После наследницы трона стояла Екатерина, затем княгиня Мария и замыкал семейное построение Андрей. Дворяне столпились за их спинами. Слуг не было в тронном зале — они стояли в коридоре, а стражники встречали Их Величеств у ворот кремля.

Наконец послышался скрежет открывающихся дверей. Марта смотрела перед собой, но это не помешало ей ощутить холод маминых глаз.

Глашатай громко воскликнул:

– Ее Царское Величество Александра Вторая Василисовна, Самодержица Всестриборгская, Великая Княгиня Исполатская, Реснотская, Сверская, Вотровская, Государыня и Повелительница Баскакских и Изрядских Земель, Защитница Государства и Матерь Отчизны.

Марта низко склонилась вместе с остальными. Услышав полный титул царицы, девушка почувствовала топот мурашек по всему телу. От шагов Александры Василисовны расходилось торжественное эхо по стенам зала, пока она приближалась к старшей дочери.

Цесаревна выпрямилась, встречаясь с небесными глазами. Белоснежное одеяние, украшенное алмазами, жемчугом и серебряной вышивкой, заставляло замереть в восхищении. Высокий белый кокошник, покрывающий пшеничные волосы, собранные в косу, подчеркивал положение своей обладательницы. Царица Александра была приятной наружности и

всем своим видом производила впечатление рассудительной, уверенной и суровой женщины. Матушка напоминала Марте изящную статую из белоснежного мрамора.

Такая же потрясающая снаружи, насколько безжизненная внутри.

Безразличие Александры Василисовны воткнуло невидимые шипы в сердце Марты. Горькое чувство боли, вызванное колючей обидой и потребностью в материнском тепле, разрослось в грудной клетке наследницы, как никогда прежде.

Царица ничего не сказала. Цесаревна не имела права говорить первой, поэтому молча наблюдала за недовольством матери. Александра Василисовна двинулась дальше.

– Здравствуйте, Екатерина Александровна, — поздоровалась царица с младшей дочерью на стриборгском. — Радостно видеть вас, царевна.

– Приветствую, Ваше Царское Величество, — в голосе слышалась признательность. — Благодарю, и мне радостно лицезреть вас, государыня-царица.

Александра Василисовна обратила внимание на младшую сестру своего мужа. В этот момент глашатай объявил отца Марты:

– Его Царское Величество Владимир Еленович Цесарь и Великий Князь, Реснотский Княжич и Защитник Государства.

Цесарь предстал перед ними в красном кафтане, покрывающем бежевое платно¹ с золотыми узорами. Кучерявые волосы цвета бурого дерева, короткая бородка, острые скулы и серые добрые глаза, освещающие ночь светом, — батюшка был именно таким, каким его запомнила Марта.

Наследница поклонилось новоприбывшему. Уголки губ дернулись вверх, стоило увидеть шагающего с улыбкой отца. Не говоря ни слова, цесарь обнял старшую дочь, напрочь проигнорировав бесстрашие, с каким должен был появляться при посторонних.

– Приветствую, душенька моя! — Владимир поцеловал Марту в лоб и отстранился, чтобы обвести ее лик своим взором. — Хорошеете с каждым днем, доченька.

– Здравствуйте, государь, — Марта взяла его ладони. — Примите мою сердечную благодарность, батюшка. Отрадно видеть вас в Мирограде.

Если матушке и не понравилось поведение мужа, то она никак не выказала неудовлетворение. За пятнадцать лет жизни цесаревна никогда не становилась свидетелем какого-либо проявления неуважения супругов друг к другу. Их брак, устроенный родителями, был для многих высочайшим примером верности и доверия. Они напоминали двух союзников, связанных не столько клятвой, сколько душой. Глядя на них, казалось, этот союз не способен разрушить ни один торнадо. Иногда Марта ловила себя на мысли, что в будущем хотела бы для себя такого же спутника жизни.

Отец подошел к Екатерине. Он поприветствовал младшую дочь с такой же радостью, какой одарил старшую. Затем крепко обнял свою сестру Марию. Марта уже предвкушала, как пройдет с отцом вдоль озера и расскажет ему последние тяготы жизни во дворце.

После официального приветствия родственники перебрались в обеденный зал, оставив стриборгскую знать в тронном зале. Царица и цесарь сели во главе стола. Марта, в соответствии со своим положением, расположилась рядом с Александрой Василисовной, а Екатерина по правую руку от цесаревны. Напротив наследницы трона, подле цесаря, уселись княгиня Мария и ее сын.

Прежде чем начать трапезничать, Мария Еленовна встала, подняв чашу с вином.

– Радостно нашим сердцам видеть в добром здравии Ее Царское Величество Александру Василисовну и Его Царское Величество Владимира Еленовича и встречать в объединенном городе Мирограде! Последние дни мы провели в беспокойстве о вашем странствии, ночи —

---

¹ Платно — царские регалии, одежда, входящая в состав Большого наряда царя.

в надеждах на скорейшую встречу. Дивного празднества нам, и пусть Свет освещает путь Ее Величеству!

Марта встала вслед за поднявшейся царицей и протянула руку с чашей вперед, чтобы коснуться кубками с остальными членами семьи.

– Пусть Свет освещает путь Ее Величеству! — повторила она одновременно с остальными членами семьи, когда раздался звон чаш.

Вернувшись на места, они приступили к еде. Мария Еленовна справилась, как царственная пара перенесла невзгоды пути из Царицеграда и суровый климат столицы Стриборга. Владимир Еленович с охотой поведал о бушующих волнах Василисового моря, не забыв упомянуть мстительные стриборгские ветра, которые замедляли их ход до побережья.

Марте эти разговоры напомнили о детстве. В Стриборге всегда дул ветер. Иногда она выбегала на улицу за ворота кремля, чтобы поиграться с мощными потоками воздуха. Ураганова представляла себя феей, воображая невидимые крылья за спиной, и пыталась взлететь в небо. Бывало, папа подбегал сзади и хватал Марту за кафтан, подкидывая вверх. Маленькая цесаревна задорно смеялась, крутясь в непослушных вихрях.

Зимой ветра были особо яростны. Метель сбивала с ног, а холодный снег заползал за ворот тулупа. Порой меховая шапка слетала, ленточка срывалась с длинных кос, и Ураганова возвращалась домой с прогулки, напоминая лохматое чучело. Мама недовольно замечала, расчесывая светлые волосы гребнем, что негоже наследнице трона бегать косматой по двору и пугать стражников. Слова матери казались Марте смешными. Она, в силу своего пятилетнего возраста, не знала, что имеет в виду Александра.

«Я думала, что наследница — это девочка, которая следит за стражей, — припомнила Марта. — Вот я и следила за ними каждый день, не давая покоя».

Ощувив лавину тянущей тоски, цесаревна закусила губу. Детские воспоминания несли в себе столько же беспечного ребяческого счастья, сколько разочарования. Ее жизнь разделилась на две части: до прибытия в Мирograd и после прибытия. Марта редко поддавалась искушению вернуться в прошлое, потому что всегда эти счастливые мгновения удушали и создавали трещины в броне ее души.

Ураганова дала себе мысленную пощечину.

Еще чего не хватало! Хандрить и жалеть себя, когда перед ней столько народу!

Марта отогнала воспоминания, вслушиваясь в беседу между царицей и тетушкой. Они обсуждали какие-то дела в Баскакских землях. Постепенно их разговор перешел к Вотровскому княжеству.

– Мария Еленовна поведала мне, что вы, Екатерина Александровна, отрадно справились с приемом беженцев? — поинтересовалась царица, взглянув на царевну.

– Княгине виднее, Ваше Величество, — скромно ответила Екатерина.

Сначала Марта огорчилась. Честно признаться, она надеялась в глубине души, что Екатерина допустит ошибку. Потом цесаревна напомнила себе: грамотный анализ проблемы первоепенен для покоя Стриборга. Непокорное желание злорадствовать отступило в тень.

– Ее Высочество дали точную оценку ситуации и предприняли верные пути для устранения угрозы, — тут же поддержала княгиня Мария.

– Вы меня переоцениваете, Мария Еленовна.

Марта поджала губы. Несмотря на обстоятельства, терпеть эти разговоры было невыносимо. Снова она стала участницей ситуации, когда Екатерину одаривают комплиментами и преувеличенной, по мнению цесаревны, похвалой, теща самодовольное сердце царевны. Цесаревне искренне не нравилось слушать это, ведь она не могла ничего выставить в противовес. Да, она неплохо показала себя на Публичном суде, отдавая сухие приказы об исполнении чьего-то наказания, но это ничто в сравнении с заслугой сестры. Тем более, после ночной прогулки...

– Вы чистейшее дарование, Катенька! — воскликнул отец, пока Марта пробовала красную икру. — Вы так молоды, но усердны и мудры, что мне остается лишь восхищаться своей дочерью.

Цесаревна чувствовала обжигающую досаду. Ей было обидно оставаться в стороне, не имея возможности сравниться с сестрой. Ведь ей даже не предоставили шанса хоть в чем-то преуспеть. Обида вызывала негодование и гнев, которые превращались, к великому сожалению Марты, в горькую зависть.

– Посвятите же нас в свои успехи, Ваше Высочество, — предложила Марта в порыве чувств, перебив хорошо подготовленную ответную речь княгини.

Мгновенно у Марии Еленовны взгляд вспыхнул недовольством. Марта, делая глоток свежего кваса, уже настроилась на очередной выговор, но вместо этого княгиня Сворова предоставила слово Екатерине. Сестра принялась делиться триумфом.

– Доблестные соотечественники, приложившие все силы, чтобы передать нам бесценные сведения из Вотрова, доложили о следующих обстоятельствах, — Екатерина говорила, как можно тверже. — Командование дружины Ариантреи возглавлял Темный бог. Нам неведома природа его Тьмы и личность, но известно, что он маг огня. Сопутствовали ему трое подручников — одна Темная богиня и два Темных бога. Природа их сил и имена также неизвестны. Помимо богов, промеж захватчиков насчитывается без малого пятьдесят воинов. Увы, оборона города длилась недолго, — Екатерина выдержала паузу. — Большая часть вотровцев убита или взята в плен. Слава Свету, княгиня Волхова и ее семья живы, но покамест находятся в заточении.

Лицо Александры Василисовны не выказало ни одной эмоции. Она сцепила руки, слушая Екатерину с непроницаемым выражением.

– Прискорбно, — заметил цесарь, нахмурившись. — Какова цель захвата?

– Всем известна необычайность Вотрова, Ваше Величество, — продолжала сестра. — По моему разумению, помимо получения удобной позиции для вторжения в Мироград, Ариантрея хотела вызволить подданных.

Марта выпрямилась от внезапного волнения, едва не подавившись напитком. На ум ей пришли слова Ромарио, полагавшего, что не освобождение приспешников было главной задачей богини Тьмы. Длительный опыт заставлял Марту верить в умозаключения рикриэнца. Значит, сестра ошибается.

– Я предложила обеспечить вывоз сбежавшего мирского люда и укрепление границ у побережья, дабы предотвратить возможное вторжение. Увы, сейчас мы не обладаем должной силой, чтобы поймать преступников. Прежде всего, нам необходимо позаботиться о людях, равно как и собрать всю мощь на освобождение Вотрова.

Пока Екатерина ожидала любезных отзывов о своих превосходных умениях, мозг Марты судорожно обдумывал каждое слово, сказанное сестрой. Ромарио посоветовал использовать новую информацию, чтобы выйти на нужные ответы. Если Ариантрея не планирует осаждать Мироград и не собиралась освобождать преступников, то единственная выгода от Вотрова — это темницы.

«Темницы, — повторяла про себя цесаревна. — Что особенного в темницах? Зачем ей нужны именно они?»

Внезапная догадка вспыхнула в голове. Марта чуть не подпрыгнула от ликования. Ответ — тот самый третий вариант развития событий, о котором говорил Ромарио, — находится на поверхности.

– Мария Еленовна, — обратилась к тете Марта, делая свой голос как можно невозмутимее. — По вашему разумению, цесаревна пришла к верным выводам о происходящем? — наследница сжала пальцы под столом, подавляя волнение. — Вы одобряете суждения моей сестры?

Марта почувствовала уверенность, когда тонкая морщина появилась между бровями царевны.

– Безусловно, Марта Александровна, — кивнула княгиня Мирограда.

Внутри все затрепетало и, одновременно, напряженно замерло. Сейчас Ураганова может спасти жизни, и победить противную сестру.

– Прошу прощения, но меня одолевают сомнения, княгиня, — цесаревна подавила усмешку, отметив изменения в лице тетюшки. — Вы обе очевидно допускаете ошибку.

Отец заинтересовано посмотрел на Марту. Даже царица перевела на нее внимательные очи, ожидая услышать точку зрения старшей дочери.

– У вас иное мнение, Ваше Высочество? — сжав челюсти, задала вопрос Сворова. — Не тушуйтесь, высказитесь.

Марта в любом случае не собиралась спрашивать ее разрешения, поймав снисходительный взгляд матери. Для нее вмиг стало неважным соперничество с сестрой или мнение тети. Сейчас у нее появился шанс впечатлить человека, любовь которого она пытается заслужить всю жизнь.

– Вы обошли стороной значимую деталь, — собралась с духом Марта, впившись ногтями в ладони. — Захватчики не убили княгиню Волхову и ее семью. Необычайность Вотрова — в неприступных тюрьмах, кои держатся на крови Волховых. Если бы целью Ариантреи было лишь освобождение преступников, которые доселе не заботили богиню, то княгиня и ее семья были бы убиты. Ариантрее необходимы темницы Вотрова, а не заключенные в них. — Цесарь поощрительно кивнул, а царица погрузилась в размышления. — Следовательно, укрепления границ Стриборга — пустая трата людей. Сколько минут хватит четверым Темным бессмертным, дабы уничтожить наших ратников, оставив лишь пепел? — наследница трона приподняла бровь. — Негоже отправлять туда своих воинов. Ариантрея не будет нападать на Мироград, покамест здесь пребывают сильнейшие маги в мире.

Марта сделала паузу, чтобы перевести дыхание. Чудом, ей удалось подавить тревожность и сохранить твердость голоса. Обычно, когда столько людей взирали на Ураганову, она путалась в словах и терялась. Несмотря на логичность выводов, Екатерина не разделила уверенности наследницы трона, поэтому незамедлительно прервала цесаревну.

– Чепуха, — Екатерина помотала головой. — У Ариантреи есть сотни тюрем в своих землях, которые...

– Запретные земли находятся на ином континенте, — напомнила Марта, повысив тон. — Слишком далеко отсюда.

Запретные земли — далекая территория от Мирограда, находящаяся в другом полушарии к северу от южного Неропаса. В некоторых странах их именовали Владениями. Именно там правила Ариантрея.

Екатерина хотела возразить, но царица Александра опередила ее.

– Что вы предлагаете, Марта Александровна?

К этому вопросу цесаревна была не готова. Разве возможно придумать что-нибудь стоящее за пару минут?

«Придется импровизировать».

– Темный бог, возглавляющий осаду, владеет огнем. Раз наши воины были разбиты и почти не оказали сопротивления, то, скорей всего, у него вторая или первая ступень, как и у остальных Темных в их отряде, — размышляла вслух Марта, анализируя свойства магии. В этом она была хороша. — Значит, они умеют захватывать истинную стихию. Маги, чья ступень ниже, будут бесполезны. Здесь лучше всего против него подойдет маг воды, желательнее, Светлый, поэтому придется просить помощи у Неропаса. Либо могущественный Темный маг огня. Он бы легко перехватил магические сплетения врага, чем облегчил бы наступление остальных. — Цесаревна подняла глаза на мать. — К сожалению, в одиночку мы не справимся. В Миро-

граде в нашем подчинении нет Темных бессмертных, способных противостоять захватчикам. Только Светлая богиня Евгения Ледянова, но одна она не выстоит. — Наследница свела брови к переносице. — Но прежде всего, надобно поразмыслить, для чего Ариантрее потребовалась тюрьма вблизи Мирогграда.

Марта испытующе посмотрела на сестру, ожидая возражений. Однако обескураженная Екатерина молча слушала предложения цесаревны. Царевна не могла поверить, что совершила ошибку.

Ураганова испытала невероятное воодушевление. Только что она одержала победу. Сделала то, чего желала очень давно.

Княгиня Сворова помрачнела и не произнесла ни слова. Ее реакция только доказывала правоту Марты. Цесаревна не сочувствовала ей. На плечах Марии Еленовны лежала великая ответственность, и подобная ошибка могла стоить сотни жизней. Видимо, тетя понимала, что допустила оплошность, лелея в своих мыслях идеальный образ Екатерины. Недопустимо для правой руки царицы.

— Молодец, — наконец раздался голос Ее Величества. — Вы приятно удивили меня своей проницательностью и вниманием к мелким деталям, *цесаревна*.

Последнее слово царица произнесла с нажимом, будто выражая одобрение. Тон ее голоса стал на несколько градусов теплее, беспокойно теща сердце Марты. Девушка была готова разрыдаться от счастья, но позволила себе только лучезарную улыбку, которую было невозможно сдержать.

— Благодарствую, государыня, — она склонила голову вперед, выказывая почтение.

Марта не верила своим ушам. Цесаревна еще никогда не слышала от нее похвалы. Только в детстве. Правительница Стриборга была невероятно скупа на комплименты. Но сейчас Марта получила не только теплые слова, но и гордость в глазах матери.

— Мария Еленовна, — позвала княгиню царица более сурово. — Сзовите Большой совет глав Мирогграда в связи с чрезвычайной ситуацией. Мы не можем игнорировать бесчинства в Вотрове и ждать несколько дней до начала Совета Пяти Стихий. Действовать необходимо незамедлительно. Помимо сего, — царица поднялась. Все присутствующие одновременно встали вслед за ней. — Посвятите Марту Александровну во все дела, касающиеся Мирогграда. Мне будет любопытно услышать мнение цесаревны о произошедших событиях.

— Как прикажете, Ваше Царское Величество, — смиренно склонилась княгиня Сворова.

— Марта Александровна, — цесаревна вновь встретилась с взором матери. — Подготовьтесь повторить свою речь на ближайшем Совете.

Марта опешила от неожиданности произнесенного распоряжения. На заседании Большого совета собирались все пять глав Мирогграда и обсуждали дела города.

— Простите?.. — Голос дрогнул. — Вы хотите, чтобы я присутствовала на Совете глав Мирогграда?

Царица спокойно кивнула, взирая на дочь сверху вниз. В такие моменты Марта кожей ощущала величие матери и испытывала неопишное восхищение.

— Вопреки суждениям ваших наставников, думается мне, вы готовы к полному осуществлению своих обязанностей в соответствии с отведенной вам ролью Наследницы. Впредь вы будете участвовать в заседаниях Малого совета как мое доверенное лицо, — царица грозно подчеркнула эти слова взглядом, повернувшись к княгине Своровой, всем своим видом выражая приказание.

Марте показалось, что она спит. Происходящее казалось нереальным. Помимо того, что мама хвалит ее перед всеми, так еще и приказала тетушке приглашать старшую дочь на заседания Малого совета. Обычно на этом Совете собирались все облеченные высокими должностями стриборгчане, влияющие на политику Мирогграда. Посещение данного собрания для Урагановой было великой честью, о которой она могла лишь мечтать.

— Ваше Сиятельство, я и Владимир Еленович приляжем в опочивальне, — оповестила государыня. — Через два часа я буду ожидать вас у себя, дабы окончательно разрешить сию неприятность.

Царица вышла из-за стола и вскоре покинула столовую. Каждый член семьи проводил государыню поклоном. Мария Еленовна последовала за ней, изъявив желание проводить Александру Василисовну до покоев. Андрей, почуяв напряжение в воздухе, сослался на дела и ушел вслед за матерью. После их ухода побледневшая Екатерина, не встречаясь с Мартой взглядом, вылетела из зала, оставив отца и старшую сестру наедине.

— Вы умеете впечатлить, Марта Александровна, — глаза папы сияли неподдельной гордостью. Отец подошел к дочери и положил руку ей на плечо. — Ваша матушка восхищена вами.

— Благодарю, папенька, — Марта потянулась к нему и обняла Владимира Еленовича. — Я очень скучала по вам.

— Я тоже скучал по вам, голубушка, — отец поцеловал Марту в макушку. — Вы столь похорошели с нашей последней встречи, — он отстранился и взглянул на дочь. — Выросли на две головы! Лик ваш вобрал все царские черты. Я будто на Александру Василисовну в молодости смотрю.

Внешне родители выглядели старше Марты на десять лет, поэтому, несмотря на то что матери шел шестьдесят третий год, а Владимиру семьдесят восьмой, различия во внешности не были колоссальными. На цесаря часто заглядывались барыни разного возраста, плененные его очарованием и великодушием. Однако отец никогда не отвечал взаимностью, проявляя лишь должную вежливость. В Стриборге каждый знал — Владимир Еленович верен брачной клятве и предпочтет смерть, нежели предать доверие своей жены.

— Благодарствую, — сказала Марта, смущаясь красноречивых слов родителя. — Вы, полагаю, устали от длительного плаванья. Не могу томить вас долгой беседой. Идите отдохните и наберитесь сил.

— Безусловно, Марта, — отец потрепал по плечу. — Видится мне, день и у вас насыщенный нынче, а я отвлекаю, — прежде чем Марта успела возразить, цесарь выставил вперед указательный палец, останавливая девушку. — Прогуляемся как-нибудь вдоль Денницы. Пожалуетесь мне на тетушку Машу, как в старые добрые времена, — хмыкнул папа и направился к выходу, предоставляя дочери возможность насладиться своей победой в одиночестве.

Цесаревна повернулась к окну. Сквозь собравшиеся тучи упорно пробивались непокорные солнечные лучи, опалая их края, точно огонь бумагу. Погода играла против могучего нрава солнца, но оно отказывалось принимать капитуляцию в этой битве. Даже если пойдет беспроглядный ливень или начнется гроза, обрушив на головы мироградцев свой неподвластный гнев, в конечном итоге солнце выиграет — прогонит с небесного поля почерневший шлейф серых облаков.

Ураганова всмотрелась в свой улыбающийся силуэт, отражающийся в стекле. Ей захотелось выйти на улицу и вдохнуть беспокойный пасмурный воздух, окружить себя магией ветра и утонуть в бесконечном чувстве восторга. В то же время внутри нее зажглась свеча, порождая вдохновение и веру в собственные силы, отчего Марте впервые за всю жизнь захотелось пойти в библиотеку и переводить древнестриборгские письма.

Она закрыла глаза, наслаждаясь этим головокружительным чувством.

Вкус успеха был сладок. Он завораживал и укутывал собой мысли, заставлял желать еще и еще. Поэтому Марта пообещала себе, что обуздает этот порыв сразу же, как вдоволь насытится им. Потому что она решила найти причину захвата Вотрова во что бы то ни стало, а для таких расследований нужен чистый рассудок.

Глава 8 Ромарио

— Уже день! Пора вставать! — воскликнул недовольный женский голос. — Мне все равно, даже есть у тебя очень сильно болит голова!

Ромарио поморщился. Голова действительно сильно болела. Скомкав в руках простыню, он медленно перевернулся с живота на бок, забавно напоминая в песок черепаху. Мозг пронзили тысячи кусачих игл. Появилось ощущение, будто череп покрылся трещинами, готовый вот-вот расколоться, как старая фарфоровая ваза. Глаза никак не хотели открываться, чтобы оценить, где он и что с ним. Горло пересохло, а нос почувствовал запах перегара.

Сколько он вчера выпил?

— Кэсси, отстань, — прохрипел юноша. — Я... мне очень плохо.

— Еще бы тебе было хорошо. — Ромарио вздрогнул и чуть не подпрыгнул, когда Кэссиди вылила на его лицо кружку ледяной воды. В висках тут же запульсировало от напряжения, и он тихо осел в кровати. Темноволосый открыл глаза и сразу зажмурился. Свет, исходивший от свечей, не обрадовал.

— Что ты... делаешь, — хотел было громко выразить свое негодование Ромарио, однако молния, в тот же миг ударившая в голову, заискрилась в танце.

— Рома, это тебе таверна, а не дом! Я работала всю ночь и все утро и теперь хочу выспаться. Давай, проваливай с моей кровати!

Она потянула его за ноги, пытаясь сдвинуть с места. У темноволосого не было сил сопротивляться. Он смог только недовольно замычать.

— погоди, я сейчас встану... — пробормотал рикриэнец. — Можешь принести мне кружку эля? А лучше две. Моя голова сейчас расколется.

— Эль? — возмущенно переспросила подруга. — Я не буду приносить тебе выпивку. Ты выпил достаточно, чтобы Борей исчерпал свой запас щедрости. Думаю, он еще очень долго не даст тебе бесплатную кружку.

— Сколько я выпил?

Ночью, после прощания с Мартой, Ромарио почти сразу побрел домой. Всю дорогу он думал о том, что как раньше ничего уже не будет. Сердце беспробудно ныло, утопая в агонии, а безумная тоска сковала его тело, как петля на шее приговоренного к смерти преступника. Он не отпускал мысли о возлюбленной, вновь и вновь возвращаясь к ее улыбке и голубым глазам с фиолетовыми вкраплениями, видящим его думы насквозь.

Ромарио пришел к себе, когда родители уже давно ловили сновидения. Не умываясь и не раздеваясь, юноша завалился на застеленную кровать и попытался уснуть. Сон бы помог ему забыться. Но поток мыслей, как обычно, не давал сбыться этому желанию, потому что он постоянно будоражил сонное сознание. Ромарио часто мучали бессонницы.

Мозг лихорадочно искал выход, петлял среди множества идей, выискивая идеальный путь к Марте. Большинство вариантов были настолько абсурдными, что Ромарио посмеивался над собой, подобно безумцу. Рикриэнец перебирал всех знакомых, которые могли бы ему помочь, но те немногие из них, кто обладал властью в городе, попросили бы взамен большую плату. Безусловно, Ромарио готов пожертвовать чем угодно, однако он уговорил себя придумать что-нибудь еще.

Ромарио попытался отвлечься и подумать о чем-нибудь другом. Первым, что пришло в голову, был Вотров. Никто в городе не говорил о захвате столицы Вотровского княжества, поэтому, сколько бы он ни копался в знаниях, одолеваемый надеждами обнаружить верные причины произошедшего, ему не хватало материала для правильных выводов. Это убивало. Ничто не выводило Ромарио из себя так, как нехватка информации. В его жалком положении ему было доступно не много. Обычно он полагался на слухи, рассказы знакомых и соотносил

полученное с полученными ранее фактами. Сейчас же возникла ситуация, о которой он абсолютно ничего не мог разведать, и незнание сводило с ума.

Солнце уже встало, когда он решил бросить попытки уснуть. Необходимо было избавиться от мыслительных процессов. Был только один способ забыться, оставив все думы трезвому разуму — выпить великолепного Борейского эля, славившегося на весь город.

— Не знаю. Я уже сказала, что работала всю ночь. Лучше спроси у Борея, ведь он тебе наливал, — Кэссиди открыла дверь своей маленькой комнаты в таверне «Пьяная фея». В комнатке помещалась небольшая кровать и табуретка, расположенная перед маленьким зеркалом на стене. Рядом с табуреткой — деревянный тазик для мытья. В другом углу находился сундук с кое-какими вещами. Ромарио знал, что в сундуке, помимо одежды, Кэссиди хранила бумагу, стоящую сейчас уйму денег, перо с чернилами, а также две книги, подаренные ей Ромарио. — Пойду принесу тебе еще воды. Когда вернусь, чтоб бодренько сидел, готовый пойти отсюда куда подальше.

Кэссиди, махнув светлыми прямыми волосами, скрылась за дверью. Она была на два года старше Ромарио. Девушка торговала своим телом в этой таверне с пятнадцати лет, а взялась за неблагодарное ремесло еще раньше. Кэссиди осталась сиротой в раннем возрасте, поэтому выросла в городском приюте. В сравнении с другими сиротами приюта Кэссиди обладала живым умом и была очень способной девочкой, поэтому один из воспитателей научил ее читать и писать. Однако все успехи в учебе потеряли смысл, когда в двенадцать лет ее удочерила сеньора Франциска — владелица известного борделя. Тогда и началась несладкая страница истории этой девушки.

Ромарио попытался подняться. В голову словно ворвался конь и начал задорно стучать копытами по мозгу. Изобразив сидячее положение, Ромарио почувствовал, как закружилась голова. Неудивительно, Борейский эль — очень крепкая штука. Самое правильное средство, если тебе хочется не думать и отдалиться от проблем этого мира. Как назло, проходящее опьянение несло за собой не только гнев похмелья, но и трезвость рассудка. Мысли Ромарио мгновенно ускользнули к Марте.

Он с нежностью вспомнил их первую встречу в лесу. Ее полные тревоги глаза в тот момент, когда Ураганова услышала чужие шаги, и, вскочив на ноги, послала в него столб ветра. Мощная стихия обрушилась на деревья, повалив одно из них. Ромарио был не готов к нападению и чудом избежал столкновения.

— *Ни шагу больше!* — крикнула Марта. — *Иначе я отрублю тебе голову!*

Рикриэнец не на шутку перепугался. Он объяснил девочке что не представляет угрозы и, если ей угодно, может вывести из леса. Марта вначале не поверила ему, но повторно нападать не стала. Вскоре, отойдя от первой неловкости, она представилась, но не полным именем, поэтому Ромарио даже представить не мог, что перед ним стоит сама цесаревна Ураганова Марта Александровна. Хотя, оценив дорогие ткани, Ромарио понял, что светловолосая — представительница стриборгской знати.

Марта призналась, что покинула свой дом, поссорившись с семьей, и заблудилась. Ромарио присел на поваленное дерево, и они разговорились. Его уже тогда удивило, что у них есть общие темы для разговора: равнодушие и непонимание матерей, высокие требования и несправедливость общества. Они — рикриэнец, не имеющий никаких прав, и стриборгчанка, наделенная властью от рождения, — разделяли одну и ту же печаль. Почему Адриан и Анна не понимали его так, как цесаревна другого государства? Ромарио до сих пор не знал ответа.

Она спасла его одной-единственной фразой, брошенной совершенно случайно. С ней рикриэнец чувствовал значимость. Марта была первой, кто выделила его ум, в то время как остальные замечали в нем лишь природное обаяние и притягательную внешность. Удивляло, что такой как он, выращенный как товар на продажу, смог тронуть сердце такой, как она. В голове никак не укладывалось — почему среди сотни возможных вариантов Ураганова отдала

свою любовь самому недостойному? Как так вышло, что цесаревне Стриборга полюбился двуличный подхалим и самодовольный умник? Ромарио полагал, что самую пронизательную девушку поразили явно не худшие его стороны.

Как ему добраться до нее? Ромарио всегда стремился быть ближе к Марте и возвыситься так, чтобы смотреть на нее или улыбаться ей было обычным делом, чтобы беседа с девушкой на публике не являлась чем-то из ряда вон выходящим. Ему хотелось видеть, какая она в своей другой жизни, где она — Ее Высочество Цесаревна. Как она ведет себя, разговаривая с титулованными лицами? Насколько изящно танцует на балах? Как общается с близкими родственниками? Все эти вопросы вызвали неподвластное желание узнать больше, ведь Ромарио знал только одну сторону жизни русоволосой.

Дверь вновь со скрипом распахнулась. Из коридора послышались громкие басы. Ромарио сел в кровати. Все звуки будто усилились в сто раз, а надоедливая барабанная дробь не переставала стучать в висках.

– Держи, — Кэссиди протянула ему воду. Азартные зеленые глаза, искрящиеся, как листья деревьев, с нежностью разглядывали Ромарио. Он залпом осушил протянутую кружку.

– Я принесла еще хлеб и оставила ножку курицы с моего ужина. Кстати, твоя рубашка почти высохла, но так как ты уже уходишь, надевай такую, какая есть.

Прямолинейность и бесцеремонность девушки забавляла темноволосого. Кэссиди любила командовать и показывать свое недовольство, напоминая ему Анну. За небольшим исключением — в отличие от красноволосой, она знала, когда остановиться.

Кэссиди протянула ему полувлажную рубаху. Ромарио, моргнув, понял, что сидит в одних штанах. Он взял одежду из рук девушки и положил рядом с собой.

– А почему...

– Ты элем облился, — опередила его Кэссиди. Она подошла к зеркалу и присела на табуретку, чтобы расчесать шелковистые волосы. — Ешь, одевайся и катись отсюда. Ботинки у кровати.

Ромарио, поблагодарив за заботу, принялся за еду. Ждать аппетита не потребовалось: последний раз он ел вчера днем и успел изрядно проголодаться. Юноша с чувством жевал хлеб, смотря на Кэссиди. На ней было свободное белое платье с кружевными манжетами. В нем она выглядела настолько невинной, что никак не вписывалась в это место.

Кэссиди заслуживала лучшего.

– Чего? — спросила русоволосая, увидев в отражении зеркала разглядывающего ее Ромарио. — Нравится мое новое платье? Оно из хлопка. Я копила на шелковое, но оно слишком дорогое, поэтому купила это. Девочки сказали, что я в нем выгляжу гораздо красивее, чем есть.

– Ты и без этих тряпок красивее, — искренне сказал юноша, откусывая курицу.

– Да, мне часто говорят, что без одежды я выгляжу лучше, — она подмигнула рикриэнцу. Темноволосый хмыкнул. Кэссиди любила в шутку флиртовать с ним. — Тебе, кстати, тоже.

– Тогда раздела бы полностью, — продолжил игру Ромарио, поиграв бровями.

– Ты бы себя видел вчера! — тут же возмутилась подруга. — Я еле-еле дотасила твою тушу до своей комнаты! Даже с твоим пристрастием к выпивке ты никогда так не напивался, — немного погодя добавила она. — Ром, что случилось?

Ромарио замолчал. Конечно, он не может сказать ей о Марте, но Кэссиди знала, что у него есть возлюбленная.

– Из-за той девушки, которая мне небезразлична.

– Она не ответила тебе взаимностью?

– Хуже, — Ромарио, не моргая, уставился перед собой. — Мы больше не увидимся.

Кэссиди ничего не ответила, понимая, что слова не утешат. Он доел курицу с хлебом и, еще раз поблагодарив, потянулся за рубашкой, чтобы поскорее скрыть шрамы, оставленные

молниеносной магией матери. Они напоминали трещины. Когда Ромарио поднялся с постели, в голову тут же кольнуло, и он сморщился.

Нет, без эля не обойтись. Осталось только придумать, как даром получить выпивку, потому что карманы его были пусты. Хоть Ромарио и работал счетоводом в Тканевом доме, где его отец продавал ткани и шил одежду, мать забирала все заработанные монеты.

«Только не это... — взвыл мысленно Ромарио, вспоминая, что должен сейчас считать выручку и расходы тканевой лавки. — Она меня убьет».

– Верно, уже далеко за полдень, — заметила его настрой Кэссиди. — Снова будет пороть тебя.

– Не страшно, — рикриэнец поднялся. — За всю жизнь я успел привыкнуть.

Ромарио направился к выходу. Первые шаги отдавались в затылке, затем он приспособился и, кряхтя, дошел до двери. Кэссиди приблизилась, чтобы «любезно» открыть дверь. Он приобнял подругу и поцеловал по-братски в макушку.

– Куплю тебе потом шелковое платье, Кэсси.

– От тебя воняет, — попятилась девушка, скрывая улыбку. — Проваливай.

Ромарио поспешил покинуть ее. Спускаясь по лестнице со второго этажа, он слышал веселую музыку барда. Этот рыжий парнишка задавал атмосферу всей таверне, поднимая настроение даже самым угрюмым посетителям. Возможно, музыка могла бы помочь юноше, если бы не оглушительная боль в голове, все еще готовой взорваться.

На первом этаже было около двадцати человек: как понял Ромарио, сидели они тут с ночи. Компания мужчин, скучковавшихся у входа, громко заржала, будто лошади, когда один из их товарищей проиграл в борьбе на руках другому. За другим столом расположилось трое женщин и двое парней, живо обсуждающих какую-то историю. Остальные посетители увлеченно слушали барда. Одна из зрительниц была настроена соблазнить музыканта — Ромарио сделал этот вывод по ее вызывающей позе.

Темноволосый направился к барной стойке, где в одиночестве восседала еще одна девушка, попивая эль. Она игриво болтала с раскрасневшимся Бореем. Ромарио не узнал ее. Новоприбывшая.

– О, какие люди, — пропел Борей — хозяин таверны. — Как самочувствие, парень? Стадо коров по башке пробежало? — Он рассмеялся своей шутке. — Познакомьтесь, дорогая, с моим бессовестным другом Ромарио, а эта прекрасная девушка...

– Дафнэ, — произнесла сеньорита, улыбаясь серыми, как грозовые тучи, глазами. Она подняла подбородок, окинув юношу оценивающим взглядом. Затем протянула изящную кисть руки ладонью вниз для поцелуя, показывая всем видом, что делает ему одолжение своим жестом.

«Рикриэнка», — подметил Ромарио.

В большинстве своем рикриэнки не протягивали мужчинам руку для рукопожатия, как остальные женщины, когда представлялись. Однако Ромарио решил проверить реакцию девушки, и поклонившись, пожал протянутую руку.

– Приятно познакомиться, сеньорита Дафнэ.

Кисть оказалась шелковистой. На лице Дафнэ мелькнуло едва уловимое недовольство. Выходит, она не привыкла к подобному приветствию, либо ей не нравится своевольность. Возможно, она занимает высокую должность. Работает явно не руками, иначе ладонь не была бы столь мягкой.

На ней было зашнурованное на груди платье, потерявшее когда-то насыщенный фиолетовый цвет. Разрез на подоле открывал коричневые штаны и походные сапоги до колена. Черные кудрявые волосы до пояса были перекинута через левое плечо, открывая тем самым прямую осанку. От девушки пахло цветами.

Борей вздохнул.

– Наш башковитый дамский угодник. Местные девки только так за ним бегают, — он сопроводил свои слова взмахом руки.

– Борей, налей-ка мне одну, — попросил Ромарио.

– Ты вчера опустошил мне почти бочку! — возмутился хозяин таверны. Но все же налил кружку эля, сочувствуя тяжелому состоянию приятеля. — Ты меня разоришь своей дружбой.

– Ты же знаешь — я верну долг, — Ромарио сделал два больших глотка. — Спасибо.

– Вернет он, — буркнул Борей и вернулся к разговору с Дафнэ. — Говорят, в тех местах огромные горы, с которых видно Мироград.

– Да, горы очень большие, только Мироград оттуда не видно. Он очень далеко. Зато можно разглядеть Эструду — великолепный город.

Эструда — вторая столица Рикриэнии. Много лет назад покойная королева Нефелия ввела в государстве двоевластие. Страна разделилась на две части: северо-западную, со столицей Кретория, и юго-восточной, со столицей Эструда. Креторианской частью правили потомки королевы Нефелии — династия Кремаейро, а Эструдовской — династия Труэно. Иностранцы всегда шутили, что в Рикриэнии женщины настолько не любят делиться властью, что даже королев в стране двое. В этом году на Совет Пяти Стихий должна приехать королева Крэссенсия Кремаейро.

– Вы давно приехали из Кретории? Я знаю, что от первой столицы до Мирограда путь долгий, — спросил Ромарио, пристально смотря на молодую женщину.

На лице Дафнэ мелькнуло внезапное удивление.

– Сегодня с утра прибыла в порт, — она долгим взглядом посмотрела на Ромарио. — Как вы поняли, что я из Кретории? Я вам не говорила.

– Еле слышный рикриэнский акцент вас выдает. Манера речи у вас креторианская — беглая с громко-выраженными «д» и «р» и ударением на последний слог. Должно быть, вы учили общий язык с детства.

Общий или международный язык — он же мироградский — служил облегченной формой общения для всех народов. У него не было точного произношения, и он был полон заимствованных из других языков слов. Например, рикриэнское и рамеритское слово «ложь» смешались между собой, образовав нечто новое. Или же стриборгские слова произносились с неропасскими окончаниями. Алфавит общего языка был максимально упрощенным. Написание буквы «ка» из стриборгского было легче, чем похожей на нее буквы «ке» из джайанского, поэтому для написания выбирали первый вариант.

– Верно замечено, — она улыбнулась, вот только глаза больше не улыбались. Ромарио разглядел в них ложь. Она что-то недоговаривает. Не та, за кого себя выдает.

Он воодушевился. Побеседовать с девушкой будет полезно — выведет ее на чистую воду, заодно разомнет измотанный мозг. Он ему еще сегодня понадобится.

– Вы приехали одна? Неужели добирались в Мироград в одиночку?

– Что вас так удивляет? — Она отпила эля. — Я не тот человек, который любит компании, а постоять за себя смогу.

– Разумеется, — Ромарио сделал еще два больших глотка. Дафнэ его сильно заинтересовала. Она явно не из бедной семьи, раз у нее были средства для такого затратного путешествия. Кроме того, она не выглядит простолюдинкой, какой хотела показаться. — Как вы добирались, сеньорита? Попутчицей на военном корабле или на пассажирском пароходе?

– Боюсь, мне не по карману такая роскошь, как пассажирский пароход. Я ехала в каюте с рикриэнскими морячками, а ночевала в тавернах. Пришлось сменить двух лошадей по дороге до выхода в океан.

– Ты живешь прямо в столице? — спросил Борей и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Там много людей? Большой дворец?

– Я живу на окраине Кретории. Мой отец торгует на местном рынке деревянными фигурками. У него есть фигуры животных и людей, некоторые даже цветные. Отец часто уезжает в другие города. Моя мама недавно погибла. Она была резчицей по дереву, и после ее смерти осталось много красивых изделий. Мама научила меня тоже вырезать фигурки, поэтому теперь я делаю их вместо нее.

Как же так — на руках резчицы по дереву нет мозолей и ссадин? Раз отец Дафнэ торгует деревянными фигурами, то почему не приехал с дочерью в Мироград, когда весь город полон приезжих? Снова ложь, на которую Борей понимающе вздохнул.

– Я тоже принял эту таверну от отца, — он начал в подробностях рассказывать часть истории своей жизни, которую Ромарио знал наизусть. Темноволосый приложил холодную кружку ко лбу. Напряжение в черепе слегка отступило.

– Я вам не верю, Дафнэ, — Ромарио разом допил эль.

Борей и новая знакомая уставились на Ромарио недоумевающими взглядами.

– Не верите? — переспросила девушка. — Почему, позвольте спросить?

Ромарио оторвал глаза от пустой кружки. Его охватил азарт.

– Во-первых, вы, сеньорита, слишком ухожены для женщины, только что вернувшейся из путешествия. Я не вижу в вас ни капли усталости: лицо свежее, нет синяков под глазами или сонливости. Вы очень даже бодры. Под ногтями нет грязи. Кожа нежная, холеная. Пахнете вы не потом, а ароматной цветочной водой. — Он указал на платье. — Одежда без пятен и следов долгой дороги. Во-вторых, ислевшее дешевое платье выделяется на фоне роскошности ваших волос, прямой спины и не соответствующих вашему положению достойнейших манер, которые вы не можете скрыть. Вы взяли его у вашей служанки? Сняли украшения, чтобы создать себе лже-статус? — рикриэнец склонил голову, изучая ее мимику. — В-третьих, как у девушки, имеющей средства на учителя по мироградскому языку, не может быть денег на пассажирский пароход? Кстати, раз вы резчица по дереву, почему на ваших руках нет мозолей? Также я не верю в торговца-отца. Вы приехали в Мироград в разгар продаж и не использовали свой визит как лишний способ заработать приличную сумму золотых? — темноволосый покачал головой. — Нет.

Вопрос в том, зачем столько заранее подготовленной лжи для первых встречных? Либо она любит чувствовать превосходство, располагая правдой и дурача остальных, либо здесь кроется нечто более глубокое.

– Вы удивительно проницательны, Ромарио.

– Благодарю, сеньорита, — рикриэнец не ожидал комплимента. Обычно на него злились в таких ситуациях. — Я теряюсь в догадках, зачем такой знатной особе гулять по тавернам, притворяясь кем-то другим?

Дафнэ опустила задумчивый взгляд, словно думая: говорить или не говорить? Вероятно, она не ожидала, что ее раскусят.

Она определенно преследовала какую-то цель. Какую? Ромарио пока не мог догадаться. Слишком мало фактов. Как бы то ни было, привкус приоткрывшейся тайны не на шутку взбудоражил. Он оказался прав и теперь ни за что не отпустит эту девушку, пока не раскроет ее мотивов.

– Вы правы, я солгала. Я приехала в город, сопровождая королеву Крэссенсию Кремаейро.

Ромарио замер и на мгновение перестал дышать. Сопровождая саму королеву Рикриэнии? Нет, не может быть. Должно быть, она шутит. Безусловно, Дафнэ — не простая смертная, как он, или Борей, или Кэссиди. Возможно, у нее имелась Метка Бессмертия. Но быть знакомой с самой королевой? Приехать с ней в Мироград на Совет монархинь? Для этого как минимум нужно быть либо герцогиней, маркизой или графиней, либо ближайшей советницей. Но сейчас перед ним не может сидеть девушка, обладающая одним из этих титулов. Ромарио

мог бы поверить, что она дальняя родственница виконтессы или баронессы, которой выпала удача получить прекрасное образование и приличное содержание. К тому же, зачем приближенной королевы выпивать в таверне к западу от центра города? Графиня могла бы выпить в более солидном месте, где собираются посетители из ее окружения, или, в конце концов, с самой королевой!

Если только Крэссения не приказала ей выпить в бедном районе.

– Снова ложь. Вы за дураков нас держите, Дафнэ?

Дафнэ... Ее ли это имя? Скорее всего, тоже ненастоящее. Нет нужды представляться своим именем в такой ситуации.

– Ложь? Тогда, кто я, по-вашему, сеньор Ромарио?

– Двоюродная внучка племянницы баронессы, получившая блестящее образование?

Дафнэ звонко рассмеялась. Мужики, сидящие в конце зала, оглянулись.

– Нет, я ошиблась в вас. Вы не столь проницательны, каким хотели бы казаться.

Ромарио задела ее слова. Именно проницательность была его главным оружием. С помощью проницательности он намеревался подняться в этой стране, где царил матриархат, где для мужчин не было места, где мужчины преклонялись перед женщинами, целуя ноги и надеясь на милость. Ромарио не желал быть слугой матриархата Рикриэнии. Ромарио желал покорить его и избавиться себя от позорного и несправедливого существования под подолом женского платья.

Однако все это будет после. Сейчас ему нужно доказать свои умения, чтобы маленькими шагами подниматься к высшему обществу. Он подавил в себе зародившуюся ярость. Головная боль до сих пор давала о себе знать и мешала логически мыслить. Ему во что бы то ни стало нужно отгадать загадку. Зацепить эту девушку, кем бы она ни была. Он покажет, на что способен, и тогда она станет его ключом в другой — желанный ему — мир. Мир Марты.

– Благодарю. Значит, у меня получилось вас обмануть, раз вы допустили ошибку?

Надо сыграть в ее игру. Ходить кругами, незаметно подбираясь к цели, как охотник, приближающийся к хищнику. Обхитрить, бросить пыль в глаза и выиграть. Она чувствует свое превосходство. В этом кроется ее слабость. Надменность — уязвимое место каждого титулованного человека. Слабость — враг для победителя. Именно из-за своего мнимого превосходства она проиграет. Гордыня Дафнэ — главное преимущество Ромарио.

– Получилось обмануть? — девушка сладко улыбнулась. — Ромарио, вы сами себя сейчас обманываете.

«Она считает нас необразованными дураками, поэтому не воспринимает всерьез».

– Хорошо, — хмыкнул он. — Вы победили. Допустим, я поверю, что вы сопровождаете королеву. У меня есть два варианта относительно того, какой у вас статус в обществе: владелица внушительного титула или командующая с высоким званием. Я склоняюсь ко второму, однако вы утверждаете иное, заставляя склониться к первому. Тогда попробую предположить, кем вы можете быть. Передо мной сейчас графиня Ледоро или маркиза Арудори?

Борей ошарашенно уставился на Ромарио. Дафна также не могла скрыть изумления. Ромарио в свою очередь, борясь с огненными стрелами в висках, усердно вспоминал имена женщин, о прибытии которых слышал сплетни пару дней назад.

– Откуда у вас эти сведения? — Улыбка потухла на ее красивом лице. — Вы шпион?

Воображение и подозрительность повели ее в неправильную сторону. Ромарио сделал слишком дерзкий ход, стараясь завладеть вниманием девушки. Перестарался. Нужно отступить.

– Что вы, весь город знает об их приезде, — он попытался успокоить рикриэнку. — Раз вы сопровождаете королеву, то обязательно должны об этом знать. Я проверяю ваши слова.

– Я не собираюсь раскрываться перед вами. Графиня и маркиза приехали, чтобы встретиться с королевой, а не сопровождая Ее Королевское Величество.

Дафнэ допила эль и встала, чтобы покинуть «Пьяную фею». Она была одного роста с юношей.

– Мне пора, господа. Спасибо за приятную компанию и прощайте.

Нет, только не это. Ромарио спугнул ее. Неужели она действительно графиня Ледоро или маркиза Арудори? Или ей пришлось не по нраву попытка юноши разгадать ее личность? Он подобрался слишком близко? Сеньорита не хочет разоблачения и поэтому решила как можно быстрее исчезнуть?

Ромарио не мог допустить, чтобы такая высокородная женщина сейчас ушла. А если она и вправду знает королеву лично? В этом случае Дафнэ могла бы стать для рикриэнца отличным мостом, который проложит ему путь к Марте.

Он чуть ли не побежал вслед за ней, наступая на свое достоинство.

– Сеньорита Дафнэ, стойте! — Ромарио ничего не оставалось, кроме как заговорить на рикриэнском языке, чтобы хоть как-то привлечь внимание незнакомки. — *Извините меня за резкость!*

Дафна остановилась и оглянулась на него. Громкие восклицания на иностранном языке привлекли всеобщее внимание. Рыжий бард прервал свою веселую музыку, а посетители заметно стихли.

– *Я не хотел вас обидеть*, — уже тише сказал темноволосый.

– Ты говоришь по-рикриэнски?

Ромарио заметил, что она утратила любезность и перешла на фамильярное обращение. Анна права, ему нужно меньше открывать свой рот.

– Я — рикриэнец, — сокрушенно признался он, понимая, что это грозит моментальным унижением в ее глазах. — Если мое прискорбное произношение можно так назвать, то да, говорю.

Безусловно, юноша приуменьшил свои умения. Он избавился от мироградского акцента еще в детстве усердными стараниями матери. Анхелика лупила за каждую фонетическую ошибку, заставляя пересказывать собственные сочинения до беспамятства. Так к двенадцати годам Ромарио овладел рикриэнским и стриборгским языками.

– Ты довольно образован для рикриэнца, — девушка сощурилась. — Тебя кто-то подослал?

– Подослал? — переспросил Ромарио, изумленно подняв бровь. — Почему вы пришли к этой мысли?

Она не ответила, скрестив руки на груди. Девушка над чем-то думала, принимая про себя судьбоносное для него решение. Если наречет его шпионом, то грозит ли это физической расправой или темницей? В ее ли власти обвинить его, не прибегая к помощи законного суда?

– Я завсегдатай в этой таверне — спросите любого, — Ромарио махнул рукой в сторону свидетелей их разговора. — Я вижу вас впервые, госпожа. Вас насторожила моя наблюдательность? — Она молча прожигала его взглядом. — Наблюдать и отгадывать — моя страсть.

– Ты догадался, что я бессмертная, лишь по свежей внешности и мягким рукам? — скептически поинтересовалась девушка. — Кроме того, я не вижу в тебе страха. Я — бессмертная от рождения, обладаю Меткой Бессмертия, но тебя это не тревожит. Подозрительная реакция, не находишь?

Ромарио понимал, что слова его звучат неправдоподобно.

– Я вожу дружбу с бессмертными, — вздохнул рикриэнец. — Понял, что мы, смертные, отличаемся от вас не только количеством отведенных для жизни лет. Различна внешность. Вам, имеющим Метку Бессмертия от рождения, сложно заметить эти незначительные вещи, так как вы привыкли к неувядающей красоте и здоровому телу.

Дафнэ долго взирала на него своими серыми очами. В них таилось что-то необычно таинственное и опасно притягивающее. Ромарио не мог разобрать, что именно.

«Возможно, ей больше тридцати, — вдруг подумал он. — Или даже сорока. Бессмертные в любом возрасте выглядят молодо».

– Считаете меня шпионом?

– Для такого занятия ты слишком выделяешься. Скорее, молодой юноша, который хочет впечатлить аристократку, но здорово облажался и старается исправить положение.

Ромарио ухмыльнулся. Она почти угадала.

– Вы правы, Дафнэ, — рикриэнец улыбнулся. — Хотел показать, что могу быть полезен.

– Полезен для чего? — На ее губах мелькнула надменная усмешка, какую ему доводилось видеть слишком часто. — Меня любовные отношения не интересуют.

– Удачное совпадение — меня тоже, — Ромарио надеялся, что слова его не прозвучали грубо и не заденут гордыню девушки. — Вы правда лично знакомы с вице-королевой?

– Правда, — подняла подбородок рикриэнка.

«Это мой шанс показать себя».

– *Тогда вы должны знать о недавней проигранной битве на Северном Бэрно?* — рискнул спросить Ромарио на языке магов молний.

Дафнэ помрачнела еще сильнее, чем прежде. Вернувшиеся на секунду снисходительность и намек на доверие тут же испарились. Враждебная поза ясно показывала убийственный настрой сероглазой.

Ромарио безрассудно ходил по лезвию ножа.

– *Верно*, — она сделала к нему шаг, напоминающий приближение хищника.

Сколько секунд ей понадобится, чтобы свернуть ему шею?

Сердце Ромарио быстро забило от едва контролируемого волнения. Он беспокоился не столько за жизнь, сколько за возможность, которую мог получить в результате удачного исхода беседы.

– *Я знаю, что богиня Тьмы застала нашу армию врасплох, атаковав с тыла. Как повашему, почему?* — специально задал он вопрос, чтобы отвлечь собеседницу и стереть с ее лица смертоносное выражение, от которого кровь стыла в жилах. — *Ведь она могла спокойно разбить рикриэнское войско, даже если бы они столкнулись лицом к лицу, потому что армия богини превосходила и по силе, и по количеству*, — разглядев интерес на лице Дафнэ, чьи брови пока хмурились сильнее, чем у Анны, когда та хотела его ударить, темноволосый оглянулся. — *Мы можем поговорить наедине, чтобы наши, я надеюсь, дальнейший разговор не стал в будущем всеобщей сплетней? Возможно, кто-то из наших зрителей знает рикриэнский.*

Хоть и не сразу, но девушка слегка кивнула и первой подошла к свободному столу. Народ, всеми способами тщетно пытавшийся скрыть любопытство, был на достаточном расстоянии, чтобы не слышать разговора. Борей из-за стойки тоже внимательно смотрел в их сторону.

– *У меня есть знакомый, который был рядом, когда началась битва. Он сказал, что войско богини Ариантреи застало армию врасплох, сосредоточив свои силы в другом месте. Темное войско напало на границу между Бэрно и Афибией. Оно подошло с тыла на армию Рикриэнши, захватив не только Бэрно, но и Афибию — маленький, незаметный город, который никто не брал в расчет. Все выглядит так, будто Афибия стала приятным трофеем, верно?*

– *Именно так*, — кивнула девушка, после чего с любопытством и нескрываемым, неожиданным возникшим весельем, поинтересовалась: — *Ты считаешь иначе?*

– *Я думаю, что именно Афибия была главной целью, а Бэрно — приманкой. Я знаю, почему*, — девушка хотела что-то сказать, но Ромарио позволил себе перебить ее. — *Афибию построили на руинах мертвого города, разрушенного при правлении Нефелии. Я читал, что в те времена там были подземные тоннели, по которым впоследствии качали воду. В тех тоннелях, ставших непригодными для воды, начали хоронить усопших воинов. Но зачем хоронить воинов в тоннелях, и откуда они изначально появились? Я предполагаю, что они проходят под*

горами и связывают какие-то города. Там в округе есть три значимых города: Алаи, Триофия и Самболене.

Ромарио произнес все это на одном дыхании и уставился на задумавшуюся Дафнэ в ожидании ответа. Ее прекрасное лицо утратило веселье, а серые глаза посерьезнели. Он знал, что ошарашил ее, хотя она старалась не показывать этого. Беспокоило, что Дафнэ опасно молчала.

Ромарио заговорил снова:

— *Города защищают горы и неприступные ворота, но если атаковать снизу...*

— *Они будут захвачены,* — закончила Дафнэ, обдумывая что-то свое. — *Эти три города и вправду держат внушительно долгую оборону. Их географическое положение ценно для Рикриэнши. Если падет один, то падут и другие. Выход в Грозное море откроет прямой путь до первой столицы.*

Ромарио кивнул.

— *Люмиа окажется в легкой доступности, ведь северная граница города защищена только горами,* — продолжил Ромарио. — *Другими словами, Алаи, Триофия и Самболене — уязвимое место Рикриэнши, которое ведет не только в Креторию, но и в герцогство Крэтаро.*

Девушка не поднимала глаз. Ромарио буквально видел, как в ее голове мелькают тысячи неизвестных ему мыслей. Ей известно гораздо больше, поэтому Ромарио мог лишь предполагать, к каким умозаключениям сейчас приходит Дафнэ. Его душили вопросы.

Казалось, сейчас решается его судьба. Долгое время он изучал прошедшие битвы, расспрашивая знакомых солдат или очевидцев. Он старался разгадать закономерность и найти способ предсказывать атаки богини Тьмы. Но у Ромарио не было нужных связей, нужных информаторов. Единственным оружием являлась Паутина, которую Ромарио использовал для получения информации. Все остальные его догадки о наступлениях Ариантреи не были особенно впечатляющими. Ромарио показал свой самый сильный козырь и теперь не мог ничего добавить.

— Откуда тебе об этом известно? — наконец произнесла собеседница, перейдя на мирградский. — Ты не из титулованной семьи, в противном случае я бы тебя знала, а значит, получил эту информацию иным путем. Твоя мать или жена военнослужащая? Из тех мест?

— У меня есть свой метод, — скрестил пальцы Ромарио, ощущая триумф. — Я называю его Паутиной.

— В чем суть метода? — недоброжелательность на лице Дафнэ уступила место увлеченности.

— Собираю любую доступную информацию различными способами и сортирую, затем анализирую полученные факты.

— Любыми способами — это какими? — ухмыльнулась рикриэнка. — Спишь с кем-то, кто делится секретами? Вряд ли ты способен на что-то большее.

— Пожалуй, я сохраню интригу, — улыбнулся синеглазый, проглотив оскорбление. Ей не понравился отказ. Однозначно, Дафнэ к ним не привыкла. — Однако, я готов продемонстрировать вам его в деле, если позволите.

— Хорошо, — она махнула рукой, давая позволение. — Смелее.

— Боюсь, это место не подойдет, — покачал головой юноша. — Да и не в моих правилах открывать все тайны первой встречной. Я даже не знаю ваше настоящее имя, — Ромарио улыбнулся, встретив изумленный взгляд. — Несложно догадаться, Дафнэ. Вы солгали о своем происхождении. Зачем тогда говорить подлинное имя? Правильно, незачем.

— Тогда напони, по какой причине я до сих пор теряю с тобой время?

— Вам любопытно, разумеется, — он склонил голову, изучая ее лицо. — Паутина, как вы можете заметить, способна стать ключом к истине. Признаюсь, мне не хватает... ресурсов для ее совершенствования.

Дафнэ вскинула брови.

– Имеешь наглость у меня что-то требовать?

– Предлагаю взаимовыгодное сотрудничество. Дайте мне шанс доказать, что я полезен вам. Возможно, Ее Величество королева будет заинтересована в моем содействии? Давайте я, путем несложных умозаключений, угадаю причину, по которой вы пришли в эту таверну, и если окажусь прав, то вы пообещаете подумать над моим предложением?

Рикриэнка вскользь окинула его самоуверенным взглядом.

– В этом вся ваша мужская натура, — Дафнэ снисходительно улыбнулась. — Ты всего лишь мальчишка, а уже мнишь себя незаменимым гением. Хорошо, попробуй догадаться, для чего я здесь.

– В таверны ходят, чтобы выпить, расслабиться и поболтать, — рассуждал синеглазый вслух. — На пьяный разум люди гораздо более разговорчивы. Вы пришли сюда — в известную, хоть и дешевую, таверну на окраине города — узнать, о чем говорят в народе. — Ромарио пожалел, что не спустился на первый этаж раньше и не успел застать разговор Дафнэ и Борея. Предположения дались бы проще, знай он тему вопросов, которые она задавала хозяйину таверны. — Что могло понадобиться королеве? — размышлял он вслух, опустив взгляд на ладони. — У нее есть все, что угодно сердцу, она может получить любое знание, стоит только отдать приказ. Но вы здесь из-за того, что ей недоступно. Чего нет у самой могущественной женщины, но что она может найти в простой таверне, отправив доверенное лицо?

Ромарио закрыл глаза, чтобы вспомнить все слухи о королеве и событиях, происходящих в столице Рикриэнии. Королева Крэссенсия вызвала недовольство своего народа и подозрения в предательстве. Кто-то откровенно называл ее подстилкой Ариантреи — прозвище для тех, кто присягнул богине Тьмы. Вчера он познакомился с рикриэнками из близлежащего к столице города, которые утверждали, что свою знаменитую силу королева обрела, именно обменяв ее на верность.

– Королеву осуждают за связь с Ариантреей, из-за чего растут революционные настроения по всей стране, — резко открыл глаза от внезапной догадки Ромарио. — Мысли. Вы пришли сюда, чтобы узнать, что думают люди о Крэссенсии Кремаейро, я прав? Ходит ли мятежная молва лишь внутри страны или за ее пределами тоже?

Дафнэ побледнела, выпрямляясь.

– Верно.

– Я знаю, о чем мыслит этот город, — он подался вперед. — Знаю, что кроется у большинства в голове. Считайте, вам с первого раза выпала удача. Хотите знать, что молвят о королеве Крэссенсии?

Дафнэ явно не нравилось нуждаться в ответах такого как он, но она удивила его своим ответом, когда согласно кивнула.

– Королева свергла свою мать, чтобы получить власть. Она присягнула Ариантрее, за что богиня наградила ее силой Жизни и Смерти. Разновидностью магии молний, которая способна убивать с одного удара и воскрешать одной вспышкой. Больше ни у кого нет подобной силы. Ариантрея лишила ее возможности родить наследницу, чтобы впоследствии убить Крэссенсию и узурпировать трон. Ее Величество согласилась на это в обмен на власть над Рикриэнией, убив собственную мать...

– Непростительная ложь, — перебила Дафнэ, сжав кулаки. По предплечьям прошелся яростный ток, но сразу же угас, стоило девушка взять себя в руки. — Ею завладела Тьма в тот злополучный день. Крэссенсия — Темная богиня Ярости, поэтому, находясь под властью Тьмы, она запустила убивающую молнию в сердце покойной королевы. — Дафнэ поморщилась. — Будьте уверены, вице-королева сожалеет об этом и проклинает себя каждый день. Кроме того, Ее Величество предана своему государству и сражается против господства Ариантреи над миром вместе со всеми.

Ромарио молча уставился на рикриэнку, изучая ее лицо. Она могла быть просто преданной служгой королевы и соврать, как сделала ранее. Сам он не знал, верить этим сплетням или нет. Единственное, что зарождало сомнения в подлинности данных слухов, — это чрезвычайная осведомленность простых смертных, обладание информацией, которая выглядела непосильной для них. Не все такие образованные, как Ромарио, поэтому его удивляло, когда простой торговец мясом яростно делился с ним негодованием относительно истории Рикриэнии или законов магии молний.

Странно и подозрительно.

– Я могу сделать так, что все жители Мирограда изменят свое мнение.

– Как? — подняла девушка бровь.

– Использую Паутину для этого, — пожал он плечами. — Потребуется время, но в моих силах пообещать вам и королеве, что через некоторое время мысли людей изменятся.

– Снова эта Паутина, — нахмурилась бессмертная. — Так в чем же суть твоего метода?

– Я разгадал загадку, — Ромарио разрешил себе проигнорировать вопрос. — Вы пришли выведать в таверне мысли народа. Расскажите о нашем разговоре королеве, возможно, она будет заинтересована в моей услуге. Тогда я поведаю вам о Паутине, и вы поймете, откуда мне так много известно и как я собираюсь изменить мнение людей.

– Твоя жажда внимания впечатляет, — хмыкнула Дафнэ. — Так уж и быть, я сообщу о тебе, но не рассчитывай на благосклонность. Вместо того, чтобы с самого начала использовать свою Паутину во благо, ты пропускал мимо ушей клевету в адрес своей повелительницы. Это почти измена. Возможно, рассказав о твоих талантах, я навлеку на тебя королевский гнев, и ты будешь немедленно казнен.

– Тогда это будет бессмысленная казнь. Думаю, королева умна и дальновидна, а потому не будет принимать такие глупые решения. — Затем, немного подумал он добавил: — Я смертный человек, не имеющий ничего за душой. Но я хочу чего-то стоить, использовать свои способности по назначению. Мне не нужна власть, только ее ресурсы для расширения Паутины. Не ради своего блага, а во благо тех, кто мне дорог.

Ромарио был честен с ней. Рикриэнка могла отказать ему, решив, что он стремится к влиянию, чтобы потешить свое эго, или попросту обозвать предателем и казнить за измену. Темноволосый не мог этого допустить. Не после такого потрясающего выступления и демонстрации своих способностей.

Кто знает, к чему приведет это знакомство, если Дафнэ даст ему нужные ресурсы? Вдруг через пять лет его мечта исполнится, и он будет спокойно прогуливаться с Мартой по Дивному Саду, беседуя о великолепии Мирограда?

– Говоришь, не нужна власть, — ухмыльнулась Дафнэ, встретившись с ним взглядом. Впервые за весь разговор он заметил в серых глазах накопившийся со временем опыт, наделивший ее мудростью. Она знала больше, чем Ромарио мог себе представить. — Ты еще не попробовал власть на вкус, но когда коснешся её, то захочешь больше и потом не остановишься. Это человеческая слабость, Ромарио. От нее не спрятаться даже богиням.

Еще пару минут она задумчиво разглядывала трещины в деревянном столе, копаясь в своих мыслях. Рикриэнку оставалось лишь замереть в ожидании вердикта.

– Я вернусь сюда, если королеву заинтересует твое предложение, — она встала из-за стола. Ромарио поднялся вслед за ней. — Или твоя голова.

Одарив его хитрой, не предвещающей ничего хорошего, улыбкой, девушка покинула таверну. Темноволосый долго смотрел ей вслед, а потом вернулся к барной стойке, где убедил Борея налить ему последнюю кружку. Необходимо было окончательно привести себя в чувство, ибо мать шкуру с него спустит, если Ромарио напортачит в подсчетах.

Глава 9 Анна

Анна лениво поднималась по лестнице с угрюмым видом, напоминая умирающего дельфина. Ей предстоял тяжелый разговор с матерью, который Рудова избегала с того момента, как они с Адрианом покинули Торговые дома.

Друг с самого начала предлагал девушке пойти домой, но Анна сопротивлялась и потащила его на пляж, убедив в необходимости расслабиться. Она не соврала. Пока красноволосая плавала в море, успокаивая свою душу, Адриан ждал ее на берегу, удрученный, погруженный в раздумья. Казалось, будто конфликт с Хэруми потряс его больше, чем саму Анну. Возможно, так и было.

После купания Рудова вспомнила, что нос Адриана не восстановился до прежнего состояния за пару минут, поэтому настояла на том, чтобы отвести его в кузницу и показать перелом Октавии — маме Адриана. Октавия поблагодарила Анну за беспокойство о сыне. Пользуясь добротой женщины, Анна напросилась в мастерскую понаблюдать за процессом изготовления оружия. Адриан отметил, что Ромарио был бы в восторге от лукавства Рудовой.

Анна открыла дверь материнского кабинета и заглянула в проход. Кабинет Гертруды Юльевны был огромен, больше, чем столовая в их доме. Каждая стена была увешана чертежами разных видов Метки Бессмертия, многие символы были увеличены. Множество книжных шкафов хранили в себе переписанные из оригиналов стриборгского дворца в Мирограде знания, также на полках покоились дневники Гертруды с описанием экспериментов.

Однажды Анна заглянула в один из фолиантов и ничего не разобрала в бесконечных формулах крови, каких-то замысловатых значениях и еще всякой чуши. Все это вызывало у девушки смертельную скуку, поэтому в кабинет матери Анна заглядывала не часто. Да и Гертруда не любила, когда ее отвлекали.

Сейчас мать Анны сидела за широким деревянным столом на стуле с высокой спинкой, погруженная в работу. Пара книг лежали раскрытыми, и Гертруда переписывала из них добытую информацию в расстеленный перед ней свиток. Она готовилась представить свои исследования царице Александре Василисовне.

Анна прикоснулась лбом к дверному косяку, собираясь с мыслями. Она понятия не имела, как расскажет матери о произошедшем.

— Чего застыла? — отозвалась Гертруда, продолжая запись. — Заходи, рассказывай, что стряслось на этот раз.

Анна тяжело вздохнула и открыла дверь шире.

— Почему сразу что-то стряслось?

— По другим причинам ты сюда не заходишь, — голос матери звучал равномерно и спокойно.

Мама Анны не была обычной матерью, как у большинства людей, ведь человека она напоминала лишь внешне. Гертруда всегда была сдержанной и безэмоциональной, будто ее ничто и никогда не тревожило. Она редко проявляла интерес к чему-то, кроме своей работы или воспитания дочери. Ей не было дела до приезда пяти монархинь — за исключением отчета царице. Турнир Чести, балы в Главном дворце, на которые она не ходила, даже если была приглашена, не волновали ее. Гертруда не стремилась добиться какого-то положения в обществе или заработать большое состояние, удачно сыграть свадьбу или обзавестись полезными знакомствами. Она вступала в беседу, только если это касалось богини Ариантреи или Анны.

Две главные проблемы в ее безмятежном божественном существовании.

Анна не понимала, почему ей не передалась эта черта божественной апатичности, не понимала, почему ее, Анну, волнуют любые косые взгляды в сторону ее нескромной персоны.

Безусловно, не все богини и боги были такими же безучастными, как Гертруда, но она была ее мамой, поэтому Анне казалось странным их столь яркое различие.

Синеглазая глубоко вздохнула и вялым шагом зашла в кабинет, закрывая дверь. В их небольшом особняке работало всего несколько слуг, и каждому из них было запрещено посещать эту часть здания. Поэтому на многих книгах покоилась пыль.

– Я тебя слушаю.

Анна снова протяжно вздохнула, издав мучительный стон. Она сомкнула руки за спиной и принялась покачивать правой ступней. Синеглазая не поднимала исполненных стыда глаз на мать, хотя та даже не смотрела на дочь.

Анне достались от Гертруды ярко-красные волосы, только у матери они были прямее и длиннее. Богиня постоянно заплетала их в косу, как делали большинство стриборгчанок. У Рудовой-старшей были миндалевидные изумрудные глаза, заостренные скулы и треугольный подбородок. Аккуратные джайанские и стриборгские черты лица придавали женщине благородное изящество, а высокий рост возвышал не только физически. Сегодня на ней было черное закрытое платье с серебряной вышивкой в виде витиеватых линий и жемчужные бусы в несколько рядов. Именно от мамы Анна унаследовала Абсолютную Метку Бессмертия, которая позволяла женщине в свои сорок пять выглядеть на двадцать пять.

– В общем, — пробормотала Анна, теребя пальцы. — Я повздорила с одной джайанкой, и она вызвала меня на дуэль на Турнир Чести.

Гертруда издала усталый вздох.

– Ты ее оскорбила?

– В каком-то смысле да, — пожалала Анна плечами.

– Бессмертная? Богиня?

Анна поджала губы, зажмурившись.

– Это — Хэруми Канхимэ.

Наконец Гертруда Юльевна подняла на дочь зеленые глаза. Анне даже почудилось, что она удивилась. Или разозлилась. Рука женщины замерла, и пара капель с пера упали на аккуратные строчки. От пронзительного взгляда Анна почувствовала себя хуже. Она боялась маминей реакции, потому что любое ее недовольство было, мягко говоря, неприятным.

– Подробнее, — потребовала Рудова-старшая, осторожно убрав перо в сторону и сведя руки в замок.

Анна испытывала раздирающий стыд. Гертруда бесчисленное количество раз просила девушку держать себя в руках. В последний раз Анна дала обещание.

– Мы с Адрианом пошли в Дом Оружия Калистии Армаро. Потом туда пришла Хэруми и ее младшая сестра. Нас выгнали из Дома, — она поморщилась. — Я сдержалась, даже поклонилась. Когда они вышли, то смеялись надо мной, но и в этот раз я промолчала. Потом один старик оскорбил их, и Хэруми начала избивать его. Он был смертным. Я применила магию, чтобы защитить его. Хэруми это не понравилось, она нагло потребовала от меня извинений и я... — Анна прервалась, добравшись до самой неудобной части.

– Предположу, что ты не извинилась.

– Верно, — вздохнула девушка, пристально изучая свои сандалии. — Я нагрубилась... Потом она разозлилась, взяла копье из Мертвой стали и хотела метнуть в Адриана, чтобы наказать меня. Я, естественно, закрыла его собой. — Анна приподняла взгляд на Гертруду, ожидая реакции. Зеленые глаза помрачнели. — Копье насквозь проткнуло меня, но вскоре рана быстро затянулась. Было очень больно, мама, — воспоминания вызвали тревожное ощущение. — Впервые так больно. Я увидела на рубаше Адриана капли своей крови и осознала, что могла потерять его навсегда. Во мне вспыхнул гнев, я вытащила меч и бросилась в атаку. — Анна подняла голову, ощущая на себе неконтролируемую Тьму Гертруды. Красноволосой вмиг стало страшно. Однако синеглазая была готова к этой пытке. — Меня схватили солдаты. Хэруми

хотела моей крови, но Сэкера остановила ее. Поэтому принцесса вызвала меня на дуэль, чтобы «убить на глазах народа», — Анна передразнила слова принцессы. — Но ведь у нее ничего не получится, поэтому можешь не волноваться.

Гертруда закрыла ладонью глаза.

– О Свет, дай мне покоя с этой девчонкой, — взмолилась мать.

– Она ведь не сможет убить меня, — настаивала Анна, но уже с сомнением в голосе. — Ведь не сможет?

– Нет, — ответила Гертруда, убрав руку от лица. Она поднялась, отчего сердце Анны ускорилось от накатившего страха. — Но Хэруми-сама — жестокая и упрямая. Она Наследница Трона, Светлая богиня Веры. Принцессе чуть больше тридцати, и ее всю жизнь тренируют лучшие мастера своего дела. Хэруми не убьет тебя, но будет пытаться. Долго и мучительно, что неизменно приведет к последствиям.

Анна сглотнула. Хоть Гертруда и вела себя спокойно, с виду совсем не злилась, но Рудова-младшая знала, что гнев особенным образом наполняет ее Тьму и высвобождается в форме Страха. У Анны не было причин его испытывать — мать никогда бы не причинила ей вреда, — но Тьма жила своей жизнью и обволакивала девушку, заставляя испытывать ужас.

Гертруда Юльевна не была обычной богиней, насколько вообще можно предположить обыкновенность у бессмертных душ. Единственная в своем роде Темная богиня Страха и в то же время — Светлая богиня Бесстрашия. Душа ее состояла из Тьмы и Света, соединяла две противоположности самой Вселенной, прямо как меч из оружейной лавки. Таких «полукровок» называли дебогами. Дебоги считались уникальным случаем, но мать Анны совсем не хвасталась своей неповторимостью, таинственно замечая, что все не случайно. Синеглазая не имела ни малейшего понятия, что это значит, поэтому неустанно гордилась своей мамой. Гертруда была действительно избранной и невообразимо сильной. Анна полагала, что она могла бы посоперничать магией с самой царицей Александрой.

Гертруда обошла стол и нависла над Анной, прожигая ее взглядом. Дебогиня сложила руки на груди, будто ожидая услышать от дочери какие-то дальнейшие объяснения, но Анна лишь прятала глаза, справляясь с тревогой.

– Я просила тебя вести себя тихо, — она взяла Анну за подбородок, вынуждая поднять взгляд. В глазах Гертруды таился мрак, который почти заполонил всю изумрудную радужку своей чернотой. — Мы с тобой не такие, как они. У нас Абсолютная Метка Бессмертия — мы абсолютно неуязвимы перед смертью. То копьё могло бы убить Хэруми, будь она ослаблена, но тебе не причинит вреда. Мертвая сталь не властна над нами. И это лишь часть тех возможностей, что у нас есть. — Она положила руки на плечи дочери. — Поэтому мы не должны показывать нашу исключительность.

Хоть Метки Бессмертия и были различны, но обладали несколькими закономерностями. У магов ветра Метка располагалась только на правой руке, у магов земли — на левой. Владующие магией молний имели Метку Бессмертия на левой ноге, а у повелевающих водой на правой. Маги огня — на животе. В отличие от остальных бессмертных, Абсолютная Метка Бессмертия у Рудовых располагалась на спине, начинаясь от нижней части поясицы, растягиваясь вдоль всей поверхности лопаток и доходя до шеи. Больше ни у кого подобной не было.

– Почему не должны? Разве не было бы хорошо, если бы они стали нас уважать? Считаться с нами, а не тыкать пальцем в спину?

– Неугодные власти становятся мишенью, — склонила голову Гертруда. — Они почувствуют слабость, ощутят страх, и тогда существование для нас станет невозможным.

– Но как, если у нас абсолютное бессмертие? — не могла взять в толк Анна. — Никто не в силах нас одолеть.

– Если завтра Императрица Неропаса отдаст приказ заковать тебя в цепи из Удерживающей стали, то неповиновение будет считаться изменой. Тебе придется подчиниться, чтобы не

создавать проблем. Она сделает это из-за своей уязвимости перед тобой, чтобы обезопасить себя. Поэтому лучшее, что мы можем сделать, — это затаиться и не показывать нашей настоящей силы.

Все существо Анны сопротивлялось этому. Она не хотела сидеть в тени — она хотела, чтобы ею восхищались и уважали.

– Что тогда делать с дуэлью?

– Я попробую договориться с императрицей Джайо, призвать ее к благоразумию. К сожалению, она не та, кто идет на уступки.

– А если она не согласится, что тогда?

– Предложу ей знание взамен на прощение или буду должна, — она произнесла это равнодушно, но Рудова-младшая почувствовала сильнейшее нежелание матери оказаться в долгу у мерзкой — в этом Анна не сомневалась — женщины. — Если и это не разрешит конфликт, ты будешь вынуждена сражаться.

Гертруда убрала свои ладони с плеч Анны и отстранилась, отведя взгляд. Она чего-то недоговаривала, но, как обычно, хотела защитить Анну от правды. У нее было тяжелое прошлое, о котором мама никогда не говорила. Однако Анна знала, что все эти знания, хранившиеся в кабинете, не дали ей просто так. Никто, кроме Гертруды, не смог погрузиться в изучение бессмертия настолько глубоко.

– Мне нужно дописать заключения к исследованиям, — оповестила мать, направляясь обратно к столу. — Займись делом. Когда я вернусь от царицы, тебя ждет усердная тренировка.

– Матушка, есть еще кое-что, о чем тебе надо знать, — тихо сообщила Анна.

Гертруда, замерев на долю секунды, обернулась.

– Ты напугана, — подметила она, нахмурившись.

Темная богиня чувствовала страх, спрятавшийся в дочери. Обычно Рудова-младшая не испытывала ничего подобного.

– Я уже упомянула, что мне было очень больно, когда копье пронзило меня. То была необычная боль, мама. Она отравляла, вызывала самое худшее, что таится в моей душе. Меня охватила безумная ярость, стоило только взглянуть на брызги крови, а когда я осознала, что могла лишиться Адриана, то потеряла контроль над собой. Я захотела убить Хэруми. Меня перестали заботить последствия. Я желала только одного — наказать ее. У меня бы получилось, если бы эта боль не разрушала меня изнутри... — Анна всхлипнула, увидев обеспокоенное выражение на лице матери. — Я потерялась в пространстве, словно погрузилась в свой разум. Поняла, что надо сопротивляться, поэтому ухватила за голос Адриана. Он вытащил меня из этого ужаса, вернул в сознание... — Гертруда вернулась к дочери и сковала ее в объятиях. — Адриан сказал, что у меня были черные глаза... — слезы вырвались из синих глаз. — Это... это была Тьма, да?

В заботливых руках матери она чувствовала необычайное единение с ней. Казалось, без Гертруды ей чего-то не доставало, а сейчас все встало на свои места. Души матери и дочери вновь соприкоснулись друг с другом.

– Да, — подтвердила ее опасения Рудова-старшая, глядя взлохмаченные алые волосы дочери.

Накопившиеся за день эмоции вырвались наружу, и девушка разрыдалась. Всю жизнь она боялась этого дня. Тьма настигла незаметно, пришла без предупреждений. Неропаска лелеяла пустую веру в лучшее, надеясь, что подобного с ней не произойдет. Думалось, что она — исключение из правил. Однако, оказалось, что Анна такая же Темная, как и все остальные, подобные ей.

– Ты сумела самостоятельно побороть ее. Я горжусь тобой, Цветочек. — Упомянув данное ею прозвище, Гертруда Юльевна отстранилась, обхватывая щеки Анны ладонями и сма-

живая слезы с родного лица. Чернота отступила из изумрудных глаз, уступая месту светлому проблеску. — Страх будоражит твою душу, пробуждая Тьму. Я уберу его, хорошо?

Не дожидаясь согласия, Гертруда призвала Светлую часть своей души. Радужки глаз побелели. Анна ощутила накатившее теплое дуновение ветра. Свет словно прокрался в душу, вытеснил из нее липкое чувство страха и наполнил Анну храбростью. За пару секунд она позабыла о терзающих ее беспокойных воспоминаниях, мучительном маяке пережитого ужаса. Стало легко. В груди будто расцвел бесстрашный цветок, наполнивший Анну силой и отвагой.

Девушка никогда не ощущала ничего подобного.

Неудивительно, что смертные так восхваляют всех Светлых. Их души несут в себе такое умиротворение, в то время как Темные содержат лишь мрак.

«Интересно, как себя ощущает мама, если в ней есть и то, и то?»

Взор Гертруды вновь обрел чистый цвет зелени. Она ласково проводила пальцами по красным прядям дочери, что успокаивало Анну еще больше. Внезапно Рудова-младшая захотела остаться в этом нежном мгновении как можно дольше.

– Вдруг это повторится?

– Повторится, — кивнула мама, разрушая все надежды синеглазой. — Но в этот раз я буду рядом, чтобы избавить тебя от Тьмы.

– Разве такое возможно?

Рядом с мамой возникало чувство безопасности. Анна была уверена, что Гертруда защитит ее от всех бед, разрешит любые проблемы и никогда не оставит. Что бы Анна ни сотворила, мама не отвернется. Будет рядом до самого конца.

– В какой-то степени возможно все, — туманно ответила Гертруда Юльевна.

Рудова-младшая вновь прижалась к ней, уткнувшись носом в шею. От нее пахло розами. Для Анны это был особенный аромат. Мамин запах, который невозможно спутать с другими.

– Ты не злишься на меня? — спросила неропаска, отстраняясь.

– Какая будет польза от злости? — прозвучал встречный вопрос, на который у синеглазой не было ответа. — У нас есть проблема, и крики ее не решат.

Гертруда внимательно смотрела на девушку пару секунд, а потом развернулась к столу. Она убрала письменные принадлежности в сторону, а пергамент и книги — в маленький шкафчик около стола.

– Думаю, мне пора сделать перерыв, — заключила дебогиня, закрывая шкафчик на ключ. — Пойдем попросим слуг накрыть на стол.

Анна обрадовалась внезапному маминому решению. Они давно не обедали вместе. Девушка любила проводить время в компании матери. Разговоры с ней наполняли легкостью и спокойствием, если Гертруда не испытывала негативных эмоций.

Дебогиня пыталась обучить дочь наукам, однако педагогического таланта у женщины не наблюдалось, потому Анну всему учили нанятые наставники. Получать знания красноволосой не нравилось. Даже в школу Рудова-младшая начала ходить только из-за Адриана. По причине этой неохоты Анна мало что понимала в свойствах Метки Бессмертия.

Слуги накрыли на стол на веранде за час, приготовив блинчики и чай. Рудовы ели нечасто, потому что потребность в еде не возникала. Однажды мать попыталась объяснить дочери, что это связано с бесконечным резервом жизненной энергии, который дает Метка Бессмертия, поэтому они и не испытывали ни голода, ни жажды. Смертным же для восполнения требовалась еда и вода.

Гертруда ела не спеша, в то время как Анна кромсала блины, будто вечность не прикасалась к еде. Хотя аппетита прямо сейчас у нее не было. Девушка всей душой любила вкус блинов с малиновым вареньем, а потому наслаждалась каждым кусочком.

– Люблю пасмурную погоду, — произнесла Анна, вдыхая ласковый морской воздух, пробирающийся к ним из раскрытых настежь окон. — После ночной духоты — самое то.

Двухэтажный кирпичный особняк находился на окраине жилых кварталов Мирополя рядом с лесом. Ближайшие соседи жили от Рудовых в ста ярдах. К ним редко приходили гости, в основном это были друзья Анны или гонцы княгини Марии. Люди сторонились Рудовых, уверенные, что богиня Страха может их проклясть. Если кого-то в городе мучали кошмары, то в этом обвиняли Гертруду. Впрочем, ей было все равно.

С просторной веранды открывался потрясающий вид на сад, где росло множество благоухающих растений. Большинство цветов были красными розами, которых больше нигде не встретишь в Мирополе. Они являлись символом богини Ариантреи, а потому их избегали выращивать. Тем не менее, розы оставались любимыми цветами Гертруды Юльевны. Неудивительно, что от мамы всегда пахло именно ими.

Когда неропаска была маленькой, мама часто рассказывала ей сказки про заклинательницу цветов, на которую охотился злой принц, чтобы завладеть редким волшебством. Анна представляла себя героиней сказки и срывала все цветы в саду, а ворчливый садовник представлялся ей тем самым принцем. Девочка лишь бросалась в воображаемого злодея лепестками, после чего трусливо делала ноги.

Рассказывая матери об Адриане и его решении поступить в Миротворческий флот Неропаса, девушка вспомнила о кровоточащих глазах Марты. Увлечшись негодованием в адрес друга, Анна совсем позабыла о тревожном кошмаре цесаревны.

– Мам, я хотела спросить тебя насчет Метки Бессмертия магов ветра, — синеглазая сложила блинчик в треугольник и щедро макнула в варенье.

– Не думала, что тебя это интересует, — заметила Гертруда, сделав глоток чая. — Что затронуло твое любопытство?

– Может ли Метка сломаться? — увидев приподнятую бровь, Анна поспешила объяснить. — Например, у меня никогда не болело горло, а тут вдруг заболит?

– Исключено, — ответила, не задумываясь, зеленоглазая.

– Даже если один символ, скажем, сотрется? Я знаю, что с татуировками такое случается.

– Символы не могут стереться или исчезнуть, ведь они больше, чем обычные татуировки. Эти древние письмена — как часть нашего организма. Если содрать кусочек кожи, постепенно на месте раны появится новая ткань. Так же и с Меткой. Без сомнений, когда ее рассекут сталью, от боли сводит все тело и бессмертный временно теряет неуязвимость, но каждый знак восстанавливается.

Анна прекрасно знала об этом. Конечно, пример с болью в горле был далек от кровотечений. Но и напрямую спросить о Марте Рудова не могла. Гертруда не должна знать, что ее дочь водит дружбу с цесаревной Стриборга.

– У Ромарио есть одна знакомая бессмертная стриборгчанка, у которой после пробуждения шла кровь из глаз. Мне кажется, это странно.

Гертруда Юльевна хмыкнула, заинтересовавшись описанным случаем. Она отставила чай и погрузилась в размышления. Так иногда делал Ромарио, когда копался в памяти, вспоминая прочитанное или услышанное.

– Метка Бессмертия не может сломаться, но некоторые приближенные Ариантреи, как и она сама, могут влиять на Метку, — наконец озвучила своим мысли Рудова-старшая. — Однако, такое проявление явно другого характера. Метка не связана с проблемой той стриборгчанки. Здесь замешано что-то другое.

– Стресс? — вспомнила неропаска предположения друга.

– Нет, — помотала головой Гертруда. — Мне неизвестны причины, к сожалению. Могу заверить тебя, что это не из-за отклонений Метки Бессмертия.

Анна молча кивнула. Она надеялась, что мама знает правильный ответ и найдет верное решение проблемы. Но если дело не в силе Метки, тогда в чем?

— Вчера днем я испытывала странное ощущение, — вспомнилось синеглазой. — Будто мои способности обнаружили кого-то и... — Рудова-младшая не могла подобрать верных слов. — Стремилась отыскать? Сложно объяснить, но мне казалось, что некто находится рядом и мне необходимо найти его. Все мое существо тянулось туда... Потом эта тяга прошла, так же резко, как и появилась, оставив призрачный след тоски. У тебя... — Анна вздрогнула от звона разбившейся чашки. — Мам, ты чего?

Мать не обратила внимания на осколки и пролитый чай. Гертруда замерла, устремив опустошенный взгляд на дочь. Зеленые глаза потемнели, наполнившись устрашающим осознанием. Она приоткрыла рот, словно удивляясь и пугаясь собственных мыслей.

Женщина быстро поднялась, точно вспыхнувшая молния, опрокинув стул. От ее резкого движения по стенам веранды ударили потоки магического ветра. Красные волосы Гертруды всколыхнулись, от рваного дыхания заволновалась грудь. Не говоря ни слова, Рудова-старшая устремила в свой кабинет.

Анна застыла с блинчиком в руке. Густые капли варенья стекали по пальцам, падая в тарелку тягучими струями. Но девушка не замечала этого: голову Рудовой занимали более значимые вещи.

Впервые в жизни она увидела испугавшуюся маму.

Что могло напугать саму дебогиню Страха и Бесстрашия?

Глава 10 Крэссенсия

Вице-королева Крэссенсия Кремаейро восседала на троне, погрузившись в глубокие думы. Волнистые волосы цвета воронова крыла, поверх которых возвышалась корона, густой гривой спадали по плечам. Насыщенные серые глаза с проблесками Тьмы устремились вперед. На оливковой коже отражался свет многочисленных свечей, чей огонь непоседливо дрожал от просочившегося ветра. Великолепное кожаное платье с глубоким декольте охватывало стан королевы, подчеркивая красоту фигуры. Крэссенсия сидела с ровной спиной, положив ногу на ногу и опершись руками о трон.

Тронный зал был самым огромным и великолепным помещением в резиденции. Высокие потолки поддерживали десятки колон, поражающих своим величием. Огромные окна в пол, обрамленные замысловатыми коваными узорами, открывали потрясающий вид на Мироград.

На улице сверкнула молния, и через секунду небо взорвалось громом. Вихри завывали страдающими стонами по ту сторону окна, яростно качая деревья. Дождь барабанил торжественный марш по стеклам, желая потушить свечи в тронном зале.

Крэссенсия испытала дикое желание встать под струи ливня и призвать непокорную стихию, которой она повелевала. Молнии пронзили бы тело, наполняя неслыханной силой, подарили бы оглушительное удовольствие, какое могла почувствовать только она. Кремаейро была Командующей Молниями — так нарекали магов, которых истинная стихия признала своей хозяйкой, поэтому Крэссенсии не требовалось захватывать магическими сплетениями природные молнии — они сами, словно прирученные животные, стремились за ее волей. Кроме того, Командующие могли становиться с молниями единым целым, полностью сливаться со стихией. Помимо Крэссенсии еще двое монархинь именовались Командующими своих стихий — Нефертари и Азиру. Остальные еще не удостоились такой чести и, возможно, никогда не удостоятся.

Небо вновь заревело, напоминая хаос, нарастающий сейчас в Рикриэнии и достигший вице-королеву в самый неподходящий момент. Недовольные властью всегда имелись, поэтому она не уделяла им должного внимания, предпочитая посвящать все свое время войне с Ариантреей. Когда приходили доносы, обвиняющие кого-либо в мятеже, Крэссенсия отдавала сухой приказ, следуя закону: наказание за измену — казнь. Однако мятежная молва не прекращалась, а лишь росла, словно чума.

Это начинало беспокоить. Ситуация требовала решительного вмешательства, но никто из советников и приближенных не знал, где ядро заразы — главный зачинщик, которого нужно умертвить. Предатель умело скрывался, не оставляя следов.

По приезде в Мироград, выкроив свободную минуту, королева решила прогуляться по городу, чтобы услышать, что думают мироградцы о ее правлении — везде ли такие настроения или только внутри страны? Виноносец посоветовал Крэссенсии посетить известную в определенных кругах таверну «Пьяная фея» на окраине, поэтому, надев старое походное платье, женщина отправилась напрямиком туда.

После разговора с мозговитым пареньком из таверны женщина приказала главнокомандующей перегруппировать войска из северного Бэрно в Афибию. Кроме того, Ромарио заставил ее наполниться подозрениями в отношении ее приближенных. Слухи, бродившие по Мирограду, были почти такими же, что и в Рикриэнии, за исключением одного, с которым она раньше не сталкивалась. Ранее ей не сообщали, что в эту революционную кучу грязи добавили ее главную боль — отсутствие ребенка.

Крэссенсию настораживало, что люди обсуждают вещи, которых вообще не должны знать. Это означало только одно — кто-то продиктовал жителям тему для разговоров.

– Мне сообщили, что ты звала меня, Крэссенсия, — в тронный зал зашел ее муж Адэберто. — Что-то случилось?

Как и у всех из королевского рода Труэно, у Адэберто были яркие зеленые глаза и светлые непослушные волосы. Худошавый принц-консорт превосходил в росте большинство мужчин своего окружения.

Слухи, о которых сообщил королеве Ромарио, были основаны на неспособности Крэссенсии и Адэберто дать Рикриэнии наследницу трона. Королева понимала, что рассуждения подданных — несусветный бред. Глупые смертные ничего не смыслили в магии, поэтому передавали из уст в уста чушь.

Ариантрея лишила ее возможности иметь детей в обмен на силу? Абсурдность этой идеи вызывала у женщины истерический смех. Своими знаниями и стараниями она смогла достигнуть пика магических способностей, потратив на это не один десяток лет. Именно ее могущественная сила спасла сотни жизней и освободила юг Рикриэнии от власти богини Тьмы. И в благодарность рикриэнцы именуют ее предательницей?

Если бы не Адэберто, никаких слухов бы не было. Проблема была именно в нем, потому что Крэссенсия могла родить. Она знала это. У нее была Королевская Метка Бессмертия, которая избавляла от таких болезней, как бесплодие у смертных женщин.

Крэссенсия махнула рукой, и королевская стража строем вышла из зала, затем она подзвала Адэберто. Муж нахмурился и неуверенно приблизился.

– Сегодня я гуляла по городу, притворившись простолюдинкой, — начала королева, не глядя на Адэберто. — Даже не догадывалась раньше, сколько всего интересного можно узнать в обычной таверне. Как думаешь, что мне довелось услышать?

Крэссенсия не рассказывала ему о мятежниках. Она доверяла Адэберто больше, чем кому бы то ни было, но не посвятила во внутривполитическую обстановку. Королева опасалась, что этим доверчивым идиотом могли бы воспользоваться, чтобы добраться до нее самой.

– Понятия не имею, — ответил принц-консорт напряженно. — Полагаю, что-то неприятное?

Ярость одолевала Темную богиню. Крэссенсия старалась утихомирить гнев, поражающий каждую клеточку тела. Она полыхала этим убивающим Чувством, едва удерживаясь от криков. Однажды, будучи кронпринцессой, она поддалась Тьме и совершила ужасное деяние, за которое расплачивается до сих пор. Крэссенсия не могла лишиться мужа.

– Весьма, — кивнула Кремаейро. — Весьма неприятное. Со мной поделились поразительной клеветой в мой адрес, которую я слышала еще шесть лет назад. — Королева сжала кулаки. — Заявили, что я — королева Рикриэнии — предала свою страну и перешла на службу богине Тьмы, — Крэссенсия поднялась, пылая от негодования.

Возникшее на лице Адэберто удивление сменилось искренним возмущением.

– Как они осмелились произнести подобное?! — воскликнул принц-консорт. — Надо всем отрезать языки!

Крэссенсия направилась к мужу медленным шагом, напоминая хищную пантеру, приближающуюся к жертве.

– Удивительные умозаключения натолкнули их на эти мысли, — усмехнулась Кремаейро. — Сила, которой я повелеваю, способная воскрешать и умертвлять, по их мнению, пришла ко мне нечестным путем — в результате заключения сделки с Ариантреей. Знаешь, дорогой муж, какие аргументы используются в пользу этой клеветы? — королева остановилась в двух шагах от Адэберто. Ее трясло от гнева, по телу пробежали магические искры. — Якобы я пожертвовала своей способностью производить на свет детей, чтобы получить свою силу.

Взгляды мужа и жены встретились. До Адэберто начало доходить, почему королева позвала его в тронный зал вместо того, чтобы поделиться новостями в их спальне.

– Крэссенсия, я не имею к этому...

Крэссенсия звонко ударила его по щеке. Раздался скрежет молний, мелькнула ослепительная вспышка. Адэберто упал на холодные плиты.

— Обращайся ко мне «Ваше Величество»! — Она махнула рукой, и разряды тока ударили в мужа. — Выслушав эти ужасные оскорбления, я попыталась защитить свою честь, но мне было нечего противопоставить им. Почему же, Адэберто? — Принц-консорт медленно поднялся на колени. — Потому что это правда — я до сих пор не беременна, хотя мы в браке уже долгое время. Почему из-за тебя я должна выслушивать все эти наветы?

— Ваше Величество, — Адэберто склонился, прикоснувшись лбом к полу. — Моя королева, вы же знаете, что мы пытались зачать ребенка множество раз, но...

— Но ты слишком никчемный, чтобы поселить во мне свое семя! — Разгневанная королева метнула молнию в мрамор под ногами, от чего по плитам разошлись тонкие трещины. — Скажи мне на милость, зачем ты нужен, если не можешь сделать то, для чего ты и тебе подобные существуют в этом мире?! Встань и ответь! — Мужчина поднялся, дрожа всем телом. Королева схватила его за грудки и затрясла. — Единственное, что от тебя требуется, — это продолжить род Кремаейро! Тебе выпала возможность, которой я могла одарить любого, но выбрала тебя! — Разряды молний вновь вонзились в Адэберто, и он закричал. — И где твоя благодарность?! В устах моего народа?!

Крэссенсия отбросила его от себя. Принц-консорт рухнул на пол, подобно мешку муки.

— Вы же знаете, Ваше Величество, я пытался, — голос его дрожал, а изо рта текла кровь. — Я не виноват в этом... — Из глаз Адэберто бежали слезы. — Простите, моя королева, я не знаю, почему...

— Не виноват? — вскинула она брови. — Не виноват?! А кто виноват?! — Королева взмахнула руками. Выброс молний выбил стекла из окон. — По-твоему, виновата я?! Я — Верховная королева Рикриэнии, бессмертная от рождения, Темная богиня и коронованная Меткой Бессмертия! Полагаешь, что в твоей никчемности есть моя вина?!

— Нет, Ваше Величество, я не это имел в виду, — Адэберто вновь склонился пред женой, приложив голову к мрамору. — У меня нет ответа, в чем причина...

Дверь в тронный зал с грохотом распахнулись. Крэссенсия подняла глаза и увидела на пороге недовольную сеньору Маргаритэ — графиню, которая управляла Мироградом от имени королевы. Свечи придавали янтарный оттенок ее шоколадной коже, а широкие серо-голубые глаза отражали свет сверкающих в небе молний. Она была вторым человеком, которому Крэссенсия доверяла.

Долгое время Маргаритэ была преданной помощницей Нихтенда, однако около двадцати лет назад поклялась в верности матери Крэссенсии. Она помогала Кремаейро изучать магию молний и оказывала неоценимую помощь в войне, делясь сокровенными знаниями, которые узнала от Нихтенда лично. Если бы не сеньора, пол-Рикриэнии пало бы десятки лет назад.

— Наконец-то вы пришли, Маргаритэ, — королева переключила внимание на графиню Мирограда. — Мне хотелось бы узнать, как вы допустили столь кошмарную промашку?

— О какой промашке речь, Ваше Величество? — тон сеньоры оставался спокойным.

— Вы были этажом ниже и, очевидно, слышали мой краткий рассказ мужу о том, какие постыдные вещи творятся в городе? — спросила королева, сдерживая агрессию в голосе. — Я сделала вас своей правой рукой, доверила свою власть, чтобы в один прекрасный день услышать, что я — подстилка Ариантреи?! — По телу Крэссенсии разошлись тысячи маленьких искр, глаза налились чернотой. — Как вы допустили такое, сеньора?!

— Я не могу отрезать языки каждому прохожему, Ваше Величество, — ответила Маргаритэ. — Многие из жителей являются гражданами другого государства, и было бы опрометчиво калечить их.

— Я не о наказании речи веду, а о пресечении, — Кремаейро подошла к Маргаритэ. — Кто зачинщик сплетен?

– Неизвестно.

– Чем ты тут занимаешься, Маргаритэ?! Вина распиваешь да яства вкушаешь?! Для удовлетворения твоей Тьмы я поручила тебе править Мироградом?!

Графиня была Темной богиней Искушения. Она постоянно потакала своим страстям, устраивая балы, вкушая изысканные блюда и купаясь в дворцовой роскоши. Крэссения закрывала глаза на слабости своей приближенной, однако всему есть предел.

– Нет, Ваше Величество, — голос Маргаритэ был тверд, как закаленное железо. — По моей воле был допрошен каждый распространитель упомянутой клеветы, однако поиски не привели к виновнику. Прошу прощения, Ваше Величество, я наивно понадеялась, что слухи улягутся сами. Народ вечно о чем-то шепчется.

– Почему ты не доложила мне о происходящем? — спросила Крэссения, буравя Маргаритэ взглядом.

– Не хотела тревожить понапрасну, моя королева, — Маргаритэ склонила голову. — Прошу вашего прощения.

– Не хотела тревожить понапрасну? — переспросила Крэссения. — По-твоему, это нечто незначительное? Меня называют изменницей родины! Что было предпринято для усмирения слухов?

– Публичные казни заговорщиков, Ваше Величество, — рапортовала Маргаритэ. — Прилюдно они признали, что все их слова были клеветой, распространяемой по приказу приспешников Ариантреи. Осуждены за государственную измену.

– Значит, казнь подставных виновников не принесла плодов, — заключила королева. — Это были рикриэнцы?

– Не только, — ответила женщина. — Господин Реймсс любезно согласился сотрудничать. Он выделил две смертных рамеритских души, которым грозил смертный приговор за разбой. Со своей стороны, мы нашли злоумышленников, занимающихся такими же махинациями. Они пошли на содействие за обещанную сумму их семьям.

– Выражу Реймssу свою личную благодарность, — заметила Крэссения, слегка успокоившись. — Простой люд по сей день уверен, что слухи — не врут. Актеры неубедительно сыграли?

– Наш план провалился, Ваше Величество, — с сожалением призналась сензора. — Недоброжелатели догадались о нашем маневре и спустя пару дней после казни подняли бунт среди жителей, обвинив нас в халатности. К несчастью, подозрения на ваш счет лишь усилились. В дальнейшем я не рисковала что-либо предпринимать, опасаясь бурной реакции народа. Прошу прощения за бездействие, Ваше Величество.

Крэссения вспомнила слова симпатичного паренька из таверны. Не хотелось признавать, но в его помощи действительно мог быть толк. Он пользуется влиянием в своих кругах — как раз в тех, что ей нужны. Если Ромарио удастся загасить клевету, он сможет очистить честное имя королевы.

Погруженная в свои мысли, Крэссения прошла к разбитым окнам мимо стоящего на коленях мужа и взглянула на вечерний город.

Мальчишка рвется на службу. Он слишком самоуверен и самовлюблен, однако, стоит признать, наделен женской проницательностью, совершенно не свойственной мужчинам. Если справится с прекращением грязных слухов и, быть может, выйдет на имя грязнословного злодея, то Крэссения вполне могла бы держать его при себе на случай возникновения новых напастей.

«Назову своим любовником, чтобы не возникло подозрений, — подумала королева. — После этой сцены с Адэберто никто не удивится моей увлеченности молодыми кавалерами».

– Отправляйся в свои покои и жди меня там, — обратилась к Адэберто королева. — Если не забеременею в ближайшие дни, отрежу тебе член за ненадобностью, — серый взгляд грозно

сверкнул. — Обычной сталью. Дождусь, пока отрастет новый и, если он окажется таким же бесполезным, отсеку, как и первый, — глаза Адэберто расширились от ужаса. — И так будет продолжаться, пока ты не оплодотворишь меня.

— Как вам будет угодно, Ваше Величество, — поднялся принц-консорт, низко поклонился и ушел из тронного зала, прихрамывая.

Крэссения смотрела вслед удаляющемуся мужу, чувствуя вину за несдержанность, однако вовсе не раскаиваясь. Гнев ее был оправдан, а наказание мужу — заслуженным.

— Я была с ним жестока, сеньора? — все же спросила она.

Маргаритэ покачала головой.

— Мужу всегда необходимо напоминать о его месте, а принцу-консорту — подавно. Место всякого мужчины под юбкой женщины.

— Тогда где место принца-консорта? — поинтересовалась Крэссения с ехидной улыбкой.

— Под сапогами королевы, конечно же, — усмехнулась Маргаритэ.

Женщины рассмеялись.

— Вернее сказать нельзя, сеньора.

Крэссения вспомнила день знакомства с Адэберто. Они были ровесниками и часто играли вместе. Маленькой кронпринцессе он представлялся хлюпиком, но ей нравились золотые кудри Адэберто и миловидное лицо. Когда Крэссении исполнилось семнадцать, она сделала предложение принцу по приказу своей матери, однако сама свадьба состоялась только через семьдесят восемь лет. Крэссения не удивилась решению покойной королевы. Их союз был самым выгодным и логичным для Рикриэнии. Ничто не скрепит правящие Дома так, как брак. И ребенок, родившейся в этом браке.

— Ваше Величество, — позвала Маргаритэ. — Я бы тоже хотела побеседовать с вами лично об одном важном моменте, на который, как ваш давний друг, не могу не обратить внимания. — Затем она уточнила: — В ваших покоях.

Крэссения вернула на лицо серьезность.

Везде во дворце между комнатами были построены проходы, где сидели шпионы, подслушивая обитателей покоев. Так велась борьба с предателями. Слежки не было только за комнатами королевы.

— Интригуете, сеньора, — промолвила королева и первая вышла из тронного зала.

Маргаритэ не решается доверять своим проверенным людям за стенами. Подозревает их в службе кому-то другому? Но кому? Кто обладает большей властью в резиденции, чем сеньора Маргаритэ и сама королева?

Стоящие подле дверей стражницы и слуги поклонились, в страхе отводя глаза, чтобы не попасть в немилость королевы. Маргаритэ отдала слуге поручение разыскать ее помощницу, чтобы та занялась починкой окон и полов в тронном зале. Бледнолицый паренек помчался на негнущихся ногах исполнять поручение. Крэссения проводила его взглядом из-под нахмуренных бровей, вспоминая юношу из таверны.

Как простолюдину-рикриэнцу удалось обзавестись такими познаниями? Кто посмел обучить его географии и второму языку? Не хватало еще, чтобы рикриэнцы-мужчины научились видеть дальше своего носа. Или еще хуже — стали магами молний.

Стены и потолки коридора, как и во всей резиденции, были усыпаны роскошными фресками и витиеватыми орнаментами. Мраморные плиты разносили эхо женских шагов, а огни в лампах беспокойно метались. В столицах и больших городах Рикриэнии свечи давно заменили на магию молний, из-за чего отпала надобность в воске. Крэссения подумывала провести электричество в Миррограде, но для этого требовалось больше ресурсов, чем располагал город.

До покоев королевы женщины добрались быстро, поднявшись на этаж выше по каменной лестнице. Они не стали заходить вглубь комнаты, туда, где стояло ложе Ее Величества,

расположившись за широким овальным столом друг рядом с другом. Крэссения позволила сеньоре говорить первой.

– Раз уж вы подняли тему о слухах, наводняющих город, то стоит упомянуть и о разговорах среди знати.

– Знать? — поразила Крэссения. — Они тоже поддерживают эти идеи?!

Королева полагала, что мятежники встречаются только среди смертных, не обладающих достаточными знаниями, чтобы отсеивать правду от лжи.

– Смело поддерживают, смею заметить, — сочувственно произнесла Маргарита. — Никто прямо об этом не говорит, но у меня есть достоверные источники информации.

– Назови мне имена, и я обреку всех на пожизненные пытки. Род Кремаейро милостиво поделился с ними бессмертием, а эти твари шепчутся за моей спиной. Они понахватались этой клеветы из города?

– В этом-то и странность, моя королева, — заметила Маргарита. — Особы благородных кровей имеют какие-никакие знания о Метке, но простой смертный люд? — Сеньора с ухмылкой покачала головой. — Скорее всего, именно знать — источник клеветы.

– Немыслимо, — прошептала Крэссения ошарашенно. — Мне известно о революционной молве внутри Рикриэнии, и я считала, что недруг, распространивший слухи обо мне, как-то связан с Ариантреей или хотя бы это старый знакомый, которого я однажды серьезно оскорбила и он затаил на меня обиду.

– Боюсь, мятежники пустили свои корни куда глубже, Ваше Величество. Позвольте дать вам два совета?

Крэссения махнула рукой, давая разрешение. Советы она не любила, но мудрый правитель всегда слушает предложения своих людей. Тем более предложения верной подруги.

– Во-первых, не доверяйте никому. Ни вашему мужу, ни его сестре-королеве — никому. Не доверяйте даже мне. Как бы я вас ни поддерживала, меня в любой момент может поглотить Тьма и я примкну к Ариантрее вновь. Вы королева и можете быть обмануты даже самыми близкими.

Крэссения кивнула, слушая внимательно свою бывшую наставницу.

– Какой второй совет?

– Приготовьтесь и обманите всех первой.

– Приготовиться к чему? — растерянно спросила Крэссения.

– К перевороту, Ваше Величество. Если ходят речи о вашем свержении не только в Мирграде, но и по всей Рикриэнии, то кто-то ведет многолетнюю продуманную игру против вас. Я не удивлюсь, если королева Эммаколетта устроила весь этот спектакль.

На какое-то время Маргаритэ замолчала. Крэссения погрузилась в мысли об услышанном, испытывая смешанные чувства. Предостережения сеньоры застали ее врасплох, лишив уверенности, но гнев на несправедливые обвинения не оставлял в покое.

Переворот.

Все к этому шло, но она ни на секунду не допускала мысли о том, что кто-то действительно сделает попытку свергнуть Верховную Королеву. Разве такое возможно? Крэссения — сильнейший маг молний, бессмертная от рождения и Хранительница Великого Оружия, владение которым позволяло лишить магии молний любую рикриэнку. Кто смеет даже на миг подумать, что возможно сразить Крэссению Кремаейро?

– Можно задать один вопрос, Ваше Величество?

Королева выпала из собственных раздумий, возвращаясь в реальность.

– Да, конечно, — Крэссения провела рукой по волосам, вздыхая.

Мир сошел с ума. Рикриэнцы сошли с ума.

– По какой причине вы так разозлились на покойную королеву двенадцать лет назад, раз пробудилась Тьма? Что Ее Величество Нефелия сказала вам?

Крэссенсия молчала, устремив взгляд в прошлое. Она не намеревалась делиться этой тайной ни с кем.

– Это случилось после вашей поездки с принцем-консортом в Эструду на день рождения вице-королевы Эммаколетты, — продолжала Маргаритэ. — Через пару месяцев после того, как вы вернулись в Креторию, королевы не стало. До этого происшествия вы с Ее Величеством Нефелией всегда были в хороших отношениях.

– Верно, — сухо ответила Кремаейро, тоном показывая, что обсуждение закончено. — Мы не сошлись во взглядах.

Сейчас Крэссенсия понимала, что была не права. Но тогда она не обладала таким же чувством ответственности, как в настоящий момент. Ведомая порывами, кронпринцесса была глупа и не задумывалась о последствиях, считая, что жизнью надо наслаждаться как следует.

Крэссенсия совершила ошибку, о которой будет жалеть всю оставшуюся вечную жизнь.

– Ваше Величество, примите мои советы к сведению, пожалуйста. Приготовьтесь и обезопасьте себя. У знати есть Метки Бессмертия, и одна вы не выстоите. Я прикрою вашу спину так, как смогу, но меня может не оказаться рядом в злополучный момент. Обхитрите предателей в их же игре, а я приложу все усилия, чтобы найти главного зачинщика сего действия.

Крэссенсия пообещала Маргаритэ, что поразмыслит об этом. Сеньора покинула покои, оставив королеву наедине с полученными сведениями.

«Никому не верить, — думала она. — Обмануть первой. Кто же главный предатель в этой истории? Неужели это королева Эммаколетта, сестра моего мужа?»

Герцогский род Труэно, ныне королевский, ранее правил отдельной страной, именуемой Эструдой. Бабушка Крэссенсии завоевала Эструду, сделав частью своего государства — Кретории. Однако покойная мать королевы ввела в стране двоевластие, разделив королевство на две части. Часть, доставшаяся Эммаколетте Труэно, называлась Эструдовской, а Крэссенсия правила Креторианской. Тем не менее, именно Крэссенсия Кремаейро считалась Верховной королевой, потому что ее короновала Метка Бессмертия. Но с момента воцарения Эммаколетта обладала равными правами на Королевство, как сама Крэссенсия, и ее потомки по женской линии тоже могли короноваться Меткой.

Покойная Нефелия решила на двоевластие, чтобы обезопасить страну. В роду Труэно не было Темных богов или богинь, а потому ими не могла завладеть Тьма. Эммаколетта и Адэберто имели Светлые души, каковых почти не осталось в этом мире. Наследница, которую должна была родить Крэссенсия, объединила бы в себе не только Свет и Тьму, но и, возможно, все Королевство под своей властью.

До Крэссенсии дошла ужасная догадка, что она не может забеременеть именно из-за Эммаколетты. Вдруг сестра мужа приказала ему избегать зачатия наследницы? С появлением дочери на свет Труэно могут лишиться своей власти, а вице-королева титула — чем не повод свергнуть Темную королеву?

«Получается, Эммаколетта вполне могла распустить эти слухи, чтобы выставить себя в лучшем свете, ведь ее никогда не поглотит Тьма и она не опасна для своих же людей, в отличие от меня», — пришла к заключению Крэссенсия.

Ей хотелось взвыть от бессилия. Если в ближайшее время Крэссенсия не сможет забеременеть, то конец ее правления близко, потому что именно к этому цепляются смертные, называя королеву предательницей. Если верить опасениям графини, многие дворяне, имеющие Метку Бессмертия, поддерживают революционный настрой. Такой расклад означал только одно: необходимо было что-то предпринять. Не только с мятежниками, но и обезопасить себя от возможного переворота, как сказала Маргаритэ.

Если мальчишке из таверны дать шанс, он в силах утихомирить народ, а она, с помощью Маргаритэ, избавится от заговорщиков среди бессмертных. Предоставит Ромарио столько

ресурсов, сколько нужно. Однако сначала нужно проверить, не лжет ли этот самодовольный щенок, заявляя, что способен изменить мысли города.

«Решено, — подумала Крэссенсия, поднимаясь. — Встречусь с ним еще раз, чтобы он продемонстрировал свою Паутину в действии. Потом уже посмотрим, есть в нем толк или нет».

Крэссенсия позвала слуг, приказав набрать теплую ванну, чтобы освежиться и набраться терпения. Ей предстоит долгая ночь с Адэберто.

Глава 11 Ромарио

1 день осени

Ромарио изучал вчерашние записи о продажах тканей и готовых нарядов. С раннего утра он считал расходы и доходы за последние два дня, рассчитывая, сколько процентов из выручки стоит вычестить на закупки.

Рикриэнец сидел на верхнем этаже Тканевого дома в бывшей комнате владелицы, ставшим его собственным кабинетом. Кроме деревянного стола и стула здесь находились два шкафа с документами, в одном из которых таился сейф. Утренний свет из двух окон, открывавших обзор на остальные Торговые дома, освещал небольшое помещение.

Снаружи дул сильный, но теплый ветер, унося за собой мрачную грозу, которая длилась всю ночь. Управление города отправило городских магов ветра разогнать тучи, чтобы приезжие могли спокойно гулять по Мирограду и тратить деньги, улучшая экономику города. Для их лавки это означало отличную выручку, что влекло хорошее настроение хозяйки Дома — госпожи Изабеллы, подруги матери. Кроме того, отсутствие молний в небе успокаивали возникающую от непогоды тревожность Ромарио. Грозу он ненавидел всем сердцем.

Вчера, пока Ромарио справлялся с похмельем в таверне, приехали джайанские купцы с потрясающим шелком. Отец, выполняющий роль портного, купил эту великолепную ткань на вес золота, однако ошибся с суммой, заплатив больше, чем нужно. Если бы только Ромарио явился пораньше, этого бы не произошло, а теперь госпожа Изабелла лишит их двоих половины жалованья. Или даже работы.

Однако этого можно было избежать, подняв цены на два процента и не уведомив об изменениях владелицу Дома. Если продать десять-двенадцать платьев по новой цене, то все получится и ошибка останется их секретом.

До Ромарио донесся звук открывающейся двери на первом этаже — прибыл покупатель. Темноволосый последний раз посчитал в голове придуманную им схему и поспешил вниз, чтобы предупредить отца о повышении стоимости. Спускаясь по лестнице, рикриэнец замер, услышав голос матери.

– Решила навестить вас, — оповестила мать отца. — Этот лентяй вернулся?

По коже Ромарио пошли мурашки. Вздохнув, он продолжил спуск, молясь Свету и Тьме, чтобы эта женщина не покалечила его. Ведь у него на сегодня еще были планы.

Светловолосый синеглазый мужчина с большим животом и густыми усами, приходившийся Ромарио отцом, бросил на сына предупреждающий взгляд. Родители Захара — так звали отца рикриэнца — были выходцами из Стриборга, поэтому отец, обучивший его стриборгскому языку, являлся магом ветра. Ромарио всегда сожалел, что ему не досталась магия отца. Тогда его жизнь была бы куда проще.

Рядом с отцом стояла мать Ромарио, носившая имя Анхелика. В ее длинных черных волосах светилась пара серебристых прядок, хотя глаза сохранили прежний миндальный цвет. На худом лице проступили морщины, а некогда стройное тело пополнело. Мать не признавала старость и пыталась сопротивляться ей. Именно поэтому она заразилась идеей женить сына на знатной особе. Ведь получив Метку Бессмертия, она сможет сохранить красоту.

– Доброе утро, мама, — поздоровался Ромарио, поклонившись. — Вы меня искали?

Он не успел сориентироваться, когда Анхелика мгновенно преодолела расстояние между ними и влепила ему сильную пощечину. От неожиданного удара синеглазый упал на пол.

– Где ты шлялся?! — закричала разъяренно мать. — Сейчас столько клиентов, а ты пропускаешь работу!

Ромарио не спешил подниматься на ноги, потирая красную щеку. По горькому опыту он знал, что стоит ему встать, как получит еще один удар. Анхелика часто была его в воспитательных целях.

– Я устроила тебя сюда, не чтобы ты пропал в ответственный момент и подставлял хозяйку, а вместе с ней и меня! Разве так я тебя воспитывала? Учила позорить меня перед добрыми знакомыми? — Мать не давала ему вставить ни слова. — Это твоя благодарность за все, что я сделала для тебя? Ты не заслужил и крупницы тех знаний, что я дала тебе!

Раньше, когда мать дергала за ниточки в его душе, как музыкант, играющий на арфе, чтобы вызывать в нем нужные ей чувства, рикриэнец поддавался умелым провокациям. Теперь все было иначе. Ромарио с недавних пор стал понимать, что каждое ее слово — манипуляция чистой воды, и они отныне разжигали в нем лишь ненависть.

«Она еще не знает про ошибку отца, — сокрушенно подумал про себя рикриэнец. — Если он расскажет, мне точно не жить».

– Простите меня, мама. Я виноват перед вами, — тихо произнес Ромарио, встав перед Анхеликой на колени. — Такого больше не повторится, обещаю.

– Бессовестный мальчишка, — злобно прошипела она. — Хватит валяться, поднимись и найди смелость посмотреть мне в глаза.

Ромарио выполнил требование. Он встретился с матерью взглядом, испытывая оглушительную неприязнь, но стараясь изо всех сил спрятать это чувство. Анхелика вырастила его, чтобы затем выгодно продать. Она внушала ему всю жизнь, что единственное, чем сын мог отплатить матери, — это выполнить ее волю, вступив в выгодный брак. Марта сказала однажды, что он достоин большего, чем быть вечным рабом будущей жены. У нее самой, как у цесаревны Стриборга, не было выбора, но у Ромарио был. Он мог использовать свои таланты, чтобы получить независимость.

Ромарио хотел достигнуть свободы от женского влияния. Особенно от власти матери. Но это было почти невозможно. Всякий раз ему казалось, что он мечтает о каких-то ребяческих глупостях. Поэтому рикриэнец стал повторять себе слова Марты ежедневно, как молитву. Она вдохновляла его, влекла за собой. Темноволосый был готов пожертвовать всем, лишь бы дотянуться до Марты.

– От тебя пахнет элем, — заметила мать, все еще сверкая гневом. Ромарио не стал увораживаться от повторной пощечины, но в этот раз не упал. — Выходит, ты распивал эль в таверне вместо того, чтобы заниматься делом?! Как ты посмел так поступить со мной?! — Она схватила его за грудки. — Если бы не ткани вокруг, я бы как следует наэлектризовала твое тело, не пожалев внутренностей!

Ромарио понял, что свою угрозу она выполнит позже — когда он вернется домой. Там ее ничего не будет сдерживать от того, чтобы метнуть в него горячие молнии и оставить десятки ожогов на коже. Некоторые из шрамов, полученных в детстве, так и не исцелились. По этой причине юноша предпочитал закрытую одежду — в ней они не были видны.

– Я познакомился с титулованной помощницей вице-королевы Крэссенсии, — выдал Ромарио в свою защиту, в надежде хоть как-то утихомирить материнскую ярость. — Вы ведь хотели именно этого?

– Что? — Фраза сына сбила с толку, поэтому Анхелика ослабила хватку. — Помощница Ее Величества?

– Верно, — кивнул Ромарио. — Думаю, я заинтересовал ее.

Синеглазый не стал посвящать мать в подробности. Она понятия не имела о его методе, о том, как на досуге Ромарио изучал действия Ариантреи, стараясь предугадать ходы богини. Для Анхелики Ромарио был лишь удачным вложением, не имеющим амбиций и мнения.

– Ты лжешь.

— Нет, — уверенно запротестовал Ромарио. — Она пришла выпить знаменитого Борейского эля и провести страстную ночь в компании юношей, — на ходу придумывал брюнет. — Мы договорились встретиться сегодня днем.

Анхелика отпустила его, пробежавшись по сыну недоверчивым взглядом.

— Ты смог удовлетворить ее?

Ромарио шокированно уставился на мать, когда до него медленно дополз смысл ее вопроса. Его щеки мгновенно вспыхнули. Он растерялся, не зная, что ответить. У него уже была близость с девушками, но говорить об этом с Анхеликой казалось чем-то диким. Ромарио не желал впускать мать в сокровенную часть своей жизни.

— Ты даже не попытался, — ответила сама на свой вопрос Анхелика и недовольно вздохнула, взирав на покрасневшего сына. Затем повернулась к мужу, который все это время стоял в стороне и не вмешивался в ссору. — Захар, ты хоть объяснил ему, куда надо вставлять?

Ромарио захотел превратиться в пепел, лишь бы не участвовать в беседе на такую щекотливую тему. Уж лучше бы мать запустила в него молнии, чем ощущать эту унижительную неловкость.

— Думаю, он и сам догадался, — почесал затылок отец. — Ведь догадался, Рома?

У темноволосого нашлись силы только на кивок. Тогда Анхелика взялась за мужа, начав отчитывать его за опрометчивое воспитание сына. Мол, она научила Ромарио наукам, а от Захара требовалось поведать ему об удовлетворении женщины.

Внезапно открылась дверь, и на пороге появился посетитель. Ромарио вздохнул с облегчением, готовый расцеловать прибывшего клиента. Мать пообещала вернуться к этому разговору дома, сказав сыну напоследок:

— Еслипустишь ее, я кожу с тебя сдеру.

Ромарио сглотнул. Проводив Анхелику поклоном, он приблизился к не менее оробевшему отцу, дав указание повысить цены на два процента. Прежде чем отец собрался поведать сыну, как подарить женщине наслаждение, Ромарио ушел в кабинет. Никогда раньше он не был так рад вернуться к изучению продаж.

За бумагами и числами он просидел до середины обеда. К тому времени погода значительно улучшилась: из-под кучерявых облаков выглядывало приветливое солнце. Пришлось задержаться для вычета двух процентов от выручки, чтобы исправить ошибку отца. Закончив с делами, Ромарио, достав из шкапулки украшение, отправился в жилые кварталы, где его уже должен был ждать Адриан. Утром, до того, как начать работать, Ромарио послал к другу мальчишку с письмом.

— Удачи! — крикнул вдогонку отец, когда Ромарио покидал Дом.

Иван полагал, что сын отправился на встречу с Дафнэ. Ромарио пришлось соврать родителям, чтобы выполнить задуманное вчерашним днем. Безумная идея пришла к нему почти сразу после ухода Дафнэ, пока рикриэнец разговаривал с Бореем. Хозяин таверны жаловался, что ему некуда пристроить сына. Именно в тот момент мозг Ромарио придумал многоходовый план, в котором значимую роль занимала Паутина.

Ромарио в который раз сжал фамильное кольцо рикриэнского рода Эмретто, лежавшее в кармане его брюк. Когда его мать лишили титула баронессы, она, покидая родной дом, забрала все свои украшения, включая сапфировое кольцо капельной формы, обведенное рядом черных алмазов, которое досталось ей от бабушки. Большинство тех украшений она продала, чтобы устроиться в Мирограде, но семейную реликвию оставила при себе. Два года назад Анхелика передала украшение сыну, чтобы именно его Ромарио подарил будущей супруге в знак вечной любви.

Ромарио, естественно, делать этого не собирался.

— Привет, — поздоровался Ромарио с Адрианом. — Что с тобой?

Друзья пожали руки. Ромарио заметил, что неропасец выглядит разбитым, словно в его жизни случилась трагедия: под глазами выступили следы бессонницы, по всему лицу и рукам виднелись небольшие синяки и ссадины. Неужели он с кем-то подрался?

– Потом расскажу, — отмахнулся кареглазый. — Здесь неподходящее место.

– Как скажешь, — не стал насесть Ромарио, решив, что друга побила Анна. — Принес? Неропасец достал из внутреннего кармана жилетки маленький кожаный мешочек и передал другу. Адриан хмурился, пытаясь прочесть мысли рикриэнца. Увы, это было ему не под силу.

– Зачем тебе столько? — спросил с подозрением сын кузницы.

Сумма и вправду была немаленькой для обычной просьбы. На три золотых можно было купить хороший меч или трех-четырёх племенных лошадей.

– Я же говорил — для очень важного дела, — Ромарио спрятал мешочек с деньгами за пазуху.

– Ты не собираешься мне рассказывать? — возмутился Адриан, сделав два шага к другу. — Я кое-как выпросил у матери эти деньги, пообещав сотню вещей, каких не планировал обещать. А ты не собираешься делиться, для чего я обрек себя на круглосуточную работу в кузнице?

– Ладно, — вздохнул Ромарио и поманил друга за собой. Времени было в обрез. — Пойдем.

Ромарио не хотел отвечать на вопрос, так как объяснять было слишком долго. Лучше, если Адриан сам все увидит.

– Мы идем в таверну? — чуть не подавился недовольством Адриан, стоило им выйти на улицу, ведущую к «Пьяной фее». — Тебе нужны деньги на выпивку?!

Ромарио поразился тому, как плохо о нем думает лучший друг. Конечно, у Ромарио имелась плохая привычка выпить, но рикриэнец не тот человек, который готов тратить все деньги на эль. Хоть и Борейский.

Они зашли в таверну под ругательства Адриана. Многие завсегдатаи поздоровались с Ромарио, остальные не обратили на новых гостей никакого внимания. Людей было больше обычного. Место у барной стойки, к которой они направились, была заполнено клиентами.

– Здравствуй, мой добрый друг, — поприветствовал Ромарио с улыбкой Борея.

– Пришел долг отдать? — спросил тот вместо приветствия.

– Ты знаешь, зачем я тут, — Ромарио улыбался, но глаза его были серьезны и требовательны. — Ты сделал то, о чем я просил?

– Уговор есть уговор, — Борей передал кружку эля клиенту. — Третий Торговый ряд, зовут Патриссия. После обеденного времени она будет ждать тебя.

– Безгранично благодарю, — слегка поклонился Ромарио, на что Борей расхохотался. — Бернард ожидает его завтра в полдень на Центральной Площади. Темноволосый рикриэнец с кривым носом. Пускай скажет, что от меня.

– Его точно туда возьмут?

– Нет, — честно высказался Ромарио. — Я обещал устроить встречу, но если твой сын не впечатлит их, то здесь не будет моей вины.

Борей хмыкнул, то ли расстроено, то ли возмущенно. Ромарио попрощался и направился к выходу. Адриан с непонимающим лицом поплелся следом.

– Что сейчас произошло? — спросил он, нагнав друга. — Кто такие Патриссия и Бернард?

Обеденное время закончится минут через двадцать. Они успеют дойти до Торговых рядов и узнать что-нибудь интересное. Народ потихоньку выползал из постоянных дворов, поэтому надо торопиться. Стоит улицам наполниться людьми, как торговцы потеряют к Ромарио всякий интерес.

– Мы заключили с Бореем сделку. Я устраиваю его сыну встречу с виконтом Бернардом, а он находит мне женщину, торгующую лекарствами, которые покупает сестра Ярослава. Отвечу заранее: Ярослав — это один паренек, влюбленный в мою подругу Кэссиди.

Ярослав тратил все свои средства на общество Кэссиди, наивно думая, что их чувства взаимны. Кэссиди часто жаловалась на приставучего ухажера, предлагающего девушке выйти за него. Ромарио на ее месте хотя бы подумал.

– Хорошо, — кивнул Адриан в абсолютном замешательстве. — Ты решил потратить мои деньги на лекарства для Ярослава?

– Я не настолько сердобольный, — усмехнулся Ромарио.

– Откуда ты знаком с виконтом Бернардом?

– Я не знаком с ним, — ответил рикриэнец, еще больше сбив Адриана с толку. — Со мной давно флиртует его младшая сестра Джозефина. Я попросил ее об этой небольшой услуге.

Адриан осуждающе покачал головой. Но Ромарио был честен с Джо, а потому совесть его не мучила. Он давно объяснился с ней, рассказал о чувствах к другой, но мало что могло служить препятствием для рикриэнской виконтессы. Особенно слова такого, как он, для такой, как она. Виконтесса Джозефина была известна в своих кругах как страстная любовница. Она любила новое и не любила получать отказы. Удобное, но неприятное знакомство для Ромарио, которое он решил использовать впервые, оказываясь в результате ей должным. Однако оно того стоило.

– Зачем тебе Патриссия? У тебя кто-то болеет дома?

– Нет, болеет только Ярослав, а больше мне и не нужно, — отмахнулся Ромарио. — Адриан, оставим вопросы на потом, — глянул на озадаченного друга темноволосый, когда они вышли к Торговым рядам. — Скоро закончится обеденное время, а там и увидишь, зачем я все это затеял. Сейчас я хочу узнать последние новости.

Как только они оказались в Торговых рядах, Ромарио поспешил к своему знакомому Такуми, торговцу украшениями. Такуми был мужчиной в возрасте, чрезмерно разговорчивым, что пришлось как нельзя кстати.

– Доброго дня, Такуми-сан, — поздоровался Ромарио.

– Ух ты, Ромарио, — обрадовался хорошему знакомому Такуми. — Здравствуй, рад видеть тебя! Как твои дела?

– Все по-старому, — не стал посвящать торговца в подробности рикриэнец. — Лучше расскажи о себе. Как здоровье твоей жены?

Перед тем, как приступить к сбору информации, темноволосый обыкновенно втирался в доверие и устанавливал дружескую атмосферу. Люди охотнее делятся, если расположены к тебе.

– Ох, ты запомнил? — удивился Такуми. — Моя жена, слава Свету, идет на поправку. Ты почесать языком зашел или купить чего?

– Узнаю старика Такуми, — ухмыльнулся Ромарио. — Мелочность тебя не красит. Мы с другом проходили мимо, и я решил заглянуть к тебе. Кто знает, вдруг у тебя есть свежие новости?

Сын Такуми был образованным юношей, посвятившим себя музыке и танцам. Закончив школу, он отправился в столицу Джайо и выучился на тайкомоти. Затем вернулся в Мирोगрад, чтобы развлекать знать в резиденции. Юноша был ценным источником информации.

– Конечно, есть, — заговорщически улыбнулся Такуми. — Сегодня днем состоится внеплановое заседание Большого совета. — Увидев замешательство на лице Ромарио, Такуми повеселел. — Что-то приключилось у них там, видать.

Ромарио переглянулся с Адрианом. Наверняка это связано с захватом Вотрова. Видимо, ситуация ухудшилась либо наоборот — нашли способ решения проблемы. Ромарио был уверен, что Ариантрея задумала что-то серьезное и масштабное.

– Неизвестно, какова причина?

Ему стало интересно, просочилась ли информация о Вотровском княжестве в народ. Такуми отрицательно помотал головой, затем принялся высказывать собственные предположения относительно ставок на Турнир Чести. Ромарио даже не обратил на них внимания. Адриан помрачнел, что настораживало рикриэнца: его настроение сменилось именно тогда, когда Такуми упомянул Турнир. Попрощавшись, друзья двинулись к Патрисиисе.

«Надо обязательно расспросить его», — сделал себе заметку в голове Ромарио.

Они подошли к лавке с лекарствами. Ромарио предположил, что Патрисииса родом из Рикриэнии либо рикриэнка наполовину. В ней можно было заметить также стриборгские черты, что объясняло имеющиеся у нее знания о лекарственных смесях — в Стриборге были лучшие лекари.

– Добрый день, сеньора Патрисииса, — Ромарио уважительно поклонился. — Меня зовут Ромарио.

– Добрый-добрый, — закивала женщина. — Да уж с полудня жду тебя. Она скоро подойдет.

– Милостивейшая Патрисииса, будьте любезны поделиться, какая болезнь мучает ее брата? — Ромарио улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой.

– Ох, скажешь тоже, «милостивейшая», — засмушалась женщина, довольно щурясь. — Будто не лекарша пред тобой, а барыня какая важная.

Ромарио отметил про себя стриборгский говор. Значит, стоило обратиться «сударыня». Рикриэнское имя сбило его с толку.

– Ярик давно болеет, и очень сильно, — вздохнула Патрисииса. — Оленька трудится во дворце, служанка она там. Как свободную минуту найдет, ко мне бежит за травами, а потом к братцу своему сразу.

– Неужто травы не помогают? Хворь поди заморская какая? — тут же перестроил свою речь Ромарио.

– Да нет, по мне — простуда обычная, но юнец не щадит себя. Ему едва лучше станет, как он к лошадям своим бежит. Конюх он при дворце, — уточнила Патрисииса. — Я говорила ему долечиться, но разве можно на работу не пойти? Вот ему и поплохело опять, сударь.

– Как же сироты на службу во дворец попали?

– Родители у них там работали. Как только детки подросли, то их тоже туда пристроили.

– Видно, хорошо трудились, раз своих детей пристроить удалось?

– Хорошо, — кивнула Патрисииса, не раздумывая. — Но мы не боги, сударь, вечно не живем и от болезней не защищены. Мать на службу отправилась пару лет назад и сгинула в бою, а отец от горя скончался. Так что Ярик да Оленька друг у друга только остались, вот и заботятся друг о друге.

– Жаль бедную девушку, — Ромарио придал своему голосу оттенок искреннего сожаления. — Что она обычно берет у вас?

– Травы и только, — указала пальцем на высушенные растения женщина. — Она их сама заваривает. На готовые хорошие лекарства у нее не хватает, — Патрисииса сложила руки на груди, нахмутив брови, будто защищаясь от ожидаемых укоров. — Я ж душа не Светлая, не могу каждому помогать бесплатно. И так денег за советы не беру по доброте врожденной.

– Вы правы, безусловно, нельзя всем помогать за просто так, — поддержал Ромарио, чтобы не потерять расположение женщины. — Один раз поможете, второй раз, и все — разоритесь. Доброта — добрая, когда все получают поровну.

– Верно ты говоришь, мблodeц, — улыбнулась женщина, смягчившись.

– Сколько же стоит снадобье ваше, которое поможет Ярославу?

Расчетливые глаза мгновенно загорелись. Так же горели глаза Ромарио, стоило обзавестись новым полезным знакомым.

– Три серебряных, но надо минимум две дозы в день в течение трех дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.